

Индекс П8643

5
2023

РОССИЯ XXI 2023 5

РОССИЯ XXI

5.2023 сентябрь-октябрь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Нужен ли Америке Израиль? _____ 6

Ярлыки и мифы

Андрей Юрганов

Сокрытая личная жизнь сталинского драматурга Александра Афиногенова _____ 30

Страницы истории

Олег Волобуев

Кирановы.
Судьба протоиерея Димитрия и его семьи _____ 46

Дмитрий Рублев

Всероссийская федерация анархистской молодежи (1918–1919 гг.):
идеология и эволюция организационных структур _____ 68

Ресурсы нации

Сергей Козлов

Выдающиеся аграрники-новаторы России XIX – начала XX вв. «Ему всегда нужна была деятельность...»:

Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892) _____ 90

Ольга Вербицкая

Новейшие тенденции демографического развития сельского населения Урала (2000-е гг.) _____ 120

Национальная доктрина

Владимир Лапин

Как служить инородцам? Представления властей о народах Российской империи в контексте воинской повинности. XIX–начало XX вв. __ 128

Редакционная почта

Алдияр Канатбеков

Погаснут ли Американские звезды на небе XXI столетия? _____ 156

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – **Дегоев В.В.**, доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного педагогического университета, главный специалист «Центра документальных публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Мы живем в особые,
исключительные времена.
Уже тысячи лет.

Лешек Кумор

Только тот, кто строит будущее,
имеет право быть судьей
прошлого.

Фридрих Ницше

Сергей Кургинян

НУЖЕН ЛИ АМЕРИКЕ ИЗРАИЛЬ?

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

УДК

94 (47) 08

США на словах поддерживают Израиль, но на деле поджигают Ближний Восток, способствуя формированию радикально-исламистского субъекта, который в итоге сметет Израиль. В этих, казалось бы, противоречивых действиях прослеживается ясная стратегия: ради сохранения гегемонии и расправы над геополитическими соперниками Америка объявила войну развитию. Сегодня ей необходим варвар и архаизация мировой периферии. Для того, чтобы Россия могла выстоять, чтобы она могла существовать не в логике ситуационного реагирования, она должна осознать, с чем она столкнулась и что она может противопоставить цивилизации смерти.

The U.S. pays lip service to Israel, but in reality it is setting the Middle East on fire, contributing to the formation of a radical Islamist entity that will eventually sweep Israel away. There is a clear strategy in these seemingly contradictory actions: America has declared war on development in order to preserve its hegemony and destroy its geopolitical rivals. Today it needs to barbarize and archaize the global periphery. For Russia to be able to withstand, for it to be able to exist not in the logic of situational response, it must realize what it is facing and what it can counter the civilization of death.

Ключевые слова: США; Израиль; Россия и Украина; развитие; радикальный исламизм; мировая периферия; ХАМАС; постмодерн.

Key words: USA; Israel; Russia and Ukraine; development; radical Islamism; global periphery; Hamas; postmodernism.

E-mail: ecc@ecc.ru

**По материалам выступления в программе «Право знать» на канале ТВЦ в октябре 2023 года.*

Дмитрий Куликов:

Много чего было на этой неделе, попробуем обо всем поговорить. Но все-таки буквально вчерашнее утро – президент Байден, вернувшись из поездки на Ближний Восток, сделал обращение к нации ни много ни мало из овального кабинета, в котором суммировал свою позицию. В этой сумме Россия – то же самое, что ХАМАС, ХАМАС – то же самое, что Россия. «Не дадим проиграть ни Израилю, ни Украине», – поставил все это на одну доску. Любопытно, какая степень организованности в западном мире. Немедленно вышла статья Джонсона, которого подпирал Бернар Леви. Философски якобы, хотя, конечно, статья не имеет никакого отношения даже к здравому смыслу. И Урсула фон дер Ляйен практически Байдена повторила. Другой порядок слов, но слова те же самые. Американская цель понятна: они уходить не могут. Но сценария эффективного сопротивления и постановки всех бунтовщиков на место, понятно, что у них пока тоже нет, как мне кажется. Может быть, Вы смотрите на это по-другому, Сергей Ервандович.

Сергей Кургинян:

Я почему-то вспомнил Твардовского:

Вечный сон. Закон природы.

Видя это все вокруг,

Своего экскурсовода

Теркин спрашивает вдруг:

– А какая здесь работа,

Чем он занят, наш тот свет?

То ли, се ли – должен кто-то

Делать что-то?

– То-то – нет.

В том-то вся и заваyka

И особый наш уклад,

Что от мала до велика

Все у нас руководят.

– Как же так – без производства,

Возражает новичок, –

Чтобы только руководство?

– Нет, не только. И учет.
В том-то, брат, и суть вопроса,
Что темна для простаков:
Тут ни пашни, ни покоса,

Ни заводов, ни станков.
Нам бы это все мешало –
Уголь, сталь, зерно, стада...
– Ах, вот так! Тогда, пожалуй,

Ничего. А то беда.
Это вроде как машина
Скорой помощи идет:
Сама режет, сама давит,
Сама помощь подает.

Все, что происходит в последние годы в Америке, это, конечно, «машина скорой помощи», которая «сама режет, сама давит, сама помощь подает». Почему? Потому что единственное средство сдерживания радикального исламизма (прошу не путать с великой исламской религией) – это поддержка национальных режимов во всех странах Большого Ближнего Востока.

Национальные режимы, которые американцы называют авторитарными, были одновременно и по коммунистам, и по исламистам. Они, следуя национально-модернизационным путем, в большей или меньшей степени сдерживали профессиональное развитие или интегрировали его так, как полагается в странах, где религия отделена от государства.

Американцы беспощадно ударили именно по этим сдерживателям радикальной исламизации, причем не обращая внимания на то, насколько они лояльны к США. Мубарак был суперлоялен к американцам, они его уничтожили. Бен Али был суперлоялен, они его уничтожили. Асад – из абсолютно европейской, западной семьи, но американцы и его начали уничтожать. Саддам Хусейн был средством борьбы с радикальным исламизмом, они его уничтожили. И это продолжается всюду.

Значит, с точки зрения стратегии, американцы делают только одно: они радикализуют ислам, превращают его в исламизм. То есть это «машина скорой помощи» – сначала «сама режет, сама давит», а после этого «помощь подает». Буквально такая стратегия! **Это первое.**

Второе. Все говорили после конца Советского Союза: «Не будет больше идеологии». Кто восстановил идеологию? Кто восстановил конфликт идеологий в мире? Кто воскресил идеологическое содержание, которое казалось убитым? Американцы! Это они сказали: «У нас теперь демократия воюет с авторитаризмом». С автократией. А что такое эта автократия? Это и есть все эти режимы, ранее поддерживаемые американцами.

Одному моему знакомому израильтянину, достаточно высокопоставленному, руководитель Кот д'Ивуар говорил: «Американцам теперь нужна демократия. Я собирал государство в течение 10–15 лет. Теперь опять будет племенная вражда». Стратегически американцы развязывают радикальную исламизацию, которую они поддерживают, подпитывают, постоянно поджигают. Всюду.

Но в чем смысл поддержки Израиля в условиях подобного подогревания радикальной исламизации? Израиль – маленькая страна, находящаяся в огромном исламском море. Если внутри этого исламского моря есть национальные государства, умеренный ислам, Израиль может жить и вести какой-то диалог. Если все это радикально-исламистское море, халифатистское по сути, то что такое Израиль? Это объект, который должен быть уничтожен.

Одновременно с подогреванием радикальной исламизации Израиль (а я наблюдаю за ним уже около 30 лет примерно с достаточно близкой дистанции) постепенно все более дрейфует от достаточно мобилизационно-аскетического государства в сторону общества потребления, постмодерна: гей-парады в Иерусалиме и так далее... Он размягчается, а накал халифатизма нарастает, и делают это американцы.

Есть несколько моментов, которые можно более или менее принимать во внимание, но мне кажется, что стратегия без них невозможна.

Пункт первый: Израиль построили два человека – Иосиф Виссарионович Сталин и Лаврентий Павлович Берия, который через Чехословакию поставлял оружие. Если бы Сталин не предпринимал чрезвычайных усилий для построения Израиля, никакого Израиля бы не было.

А кто был категорически против создания Израиля? Британия и, конечно, Франклин Делано Рузвельт. Рузвельт, который впервые допустил евреев в политический истеблишмент Соединенных Штатов (до него евреи значили что-то в финансовой сфере, но не в политической), был в бешенстве: «Что вы делаете? Какой Израиль? Вы мешаете нашему диалогу с Саудовской Аравией!» и так далее. Британия была в бешенстве. Кто это все сделал? Это сделал Сталин. Сталин вместе с Берией.

Теперь не будем даже говорить о том, кто, собственно, спас мир от тотального холокоста. Мне кажется, что по этому поводу вряд ли все-таки у израильтян есть несколько точек зрения. Это сделал Советский Союз.

А как возник этот Израиль, почему? Это закрытые страницы истории. Евреи хотели вернуться назад в Европу. Но уже после разгрома нацизма поднялась такая волна антисемитизма, что возвращение потока евреев в Польшу, Чехословакию или Францию стало фактически невозможным. Это и способствовало во многом созданию государства Израиль. Можно сказать, что это древние страницы, что они сейчас ничего не значат. Но так ли это?

Разговариваешь с российской высокообразованной публикой. Если ты скажешь: «Ну все-таки надо же знать, кто создал ХАМАС» – тебе ответят: «Ах, это все конспирология!»

Разговариваешь со среднеквалифицированными израильтянами. Они понимают, что ХАМАС был создан израильскими спецслужбами. А мне довелось за 30 лет говорить и со всеми руководителями израильских спецслужб. Кто-нибудь называет это конспирологией? Говорят: «Да, мы считали, что создадим ХАМАС против Арафата, столкнем их лбами, и все будет хорошо». Да, бывает, что люди что-то создают, а оно потом выходит из-под контроля.

Теперь следующий вопрос. ХАМАС – это независимая организация или нет? ХАМАС – это «обком» партии под названием «Братья-мусульмане», Muslim Brotherhood. «Партия сказала «надо»...» Бывает, что обком действует, не руководствуясь мнением Центрального Комитета? ХАМАС – это филиал партии «Братья-мусульмане». Это не самостоятельная организация.

А кто создавал «Братьев-мусульман»? По этому поводу есть большая научная доказательная литература: лорд Кромер (Эвелин Беринг. – прим.), зона Суэцкого канала... Говорилось: «Нам вот такой ислам и нужен – дикий, радикальный. И мы его будем конструировать всюду, уничтожая любые источники просвещения внутри ислама». Государства прежде всего национальные.

Прослеживается ясная стратегия. Представим себе на минуту, что Индия и Китай мирным путем в пределах рыночной капиталистической экономики достигли уровня развития Соединенных Штатов. И что они говорят, что их население должно получить то же, что население США, в качестве приза за интенсивное развитие: каждой семье – коттедж, две машины, электричество, горючку и так далее. И это будет предоставлено

примерно трем миллиардам населения развивающейся Юго-Восточной Азии. Что будет с этим миром?

Значит, реализуется идея, что есть ядро и периферия; на периферии мира должно быть радикальное, архаическое, контрмодернистское гетто, а внутри ядра – постмодерн. Но в этих рамках нет никакого места для созданной ранее конфигурации, когда существуют лояльные к США развивающиеся национальные государства. И американцы стратегически уничтожат эту прежнюю конфигурацию. Моему близкому знакомому, совсем не склонному выдумывать что-нибудь, Бжезинский, тыкая в карту, говорил: «Ну, смотри, смотри, как просто будет управлять Ближним Востоком, если не будет Израиля!». И израильтяне об этом знают.

Бжезинский ненавидел Израиль. Но и Киссинджер, который гораздо более лояльно относился к Израилю, чем Бжезинский, сказал: «К 30-му году Израиля не будет». Это же не я сказал и не какой-нибудь ужасный русский империалист... Голливуд обожает Израиль? Демократическая партия обожает Израиль? Есть республиканцы, которые в последние десятилетия стали друзьями Израиля (отдельный вопрос, почему). Это все сказки, что все американцы любят Израиль.

Смысл здесь заключается в том, что сама по себе стратегическая ситуация, как ни странно, полностью описывается фразой из «Теркина на том свете» Твардовского:

*Это вроде как машина
Скорой помощи идет:
Сама режет, сама давит,
Сама помощь подает.*

Американцы говорят Израилю: «Ой-ей-ей, давайте мы вам окажем помощь!» Одновременно с этим все, что делает ХАМАС, фактически дирижируется из американских центров создания вот этой радикальной исламистской периферии.

Но если такая радикальная периферия создастся, то возникнет два вопроса, которые придется задать.

Первый. Мы все время говорим, что эта периферия – антиамериканская. Но так ли это стратегически?

Второй. Если эта периферия будет халифатистская, а не просвещенно-исламская, то на что эти халифаты будут претендовать? Это же тоже существенно.

Поэтому мне кажется, что мы присутствуем при очередном акте очень длинного сериала, суть которого заключается в том, что американцы сами создают и поощряют именно те процессы, которые по большому счету и будут уничтожать на Ближнем Востоке всю систему просвещенности и развития. А если они ее уничтожат, то понятно, что именно будет происходить в точке под названием Израиль. Сейчас Израиль отобьет ХАМАС. Не вижу сейчас ни у кого, включая Иран или ту же «Хезболлу», никакого желания сильно поддержать ХАМАС, там очень сложные отношения. Но этот улей еще больше разворошат, он будет еще более радикально-исламистским. И следующий акт будет трагическим. При этом все, что происходит на самом Западе, включая Израиль, движется в сторону гедонизма, потребительства и размягченности – мы видим это уже по самому мастерству осуществленной ХАМАС операции.

И, наконец, последнее. Обращаюсь к израильским коллегам. Вот эти морально омерзительные фразы о том, что палестинцы – звери и так далее, они еще и профессионально очень странные. Потому что все знают, что палестинская молодежь частью своей является одной из самых интеллектуальных в арабском мире. И это показало проведенное мероприятие, как бы трагично и чудовищно оно ни было.

Дмитрий Куликов: Блестящий, на мой взгляд, анализ, который погрузил нас в необходимый исторический контекст. У меня есть вопросы по текущим событиям, но я их чуть позже постараюсь задать. Сейчас предоставлю слово коллегам.

Малек Дудаков: Вы правильно отметили, что действительно наблюдается определенный раскол на Западе, и в том числе в Соединенных Штатах, между республиканцами и демократами. Демократы действительно на текущий момент, не то чтобы не поддерживают Израиль, но делают это далеко не всегда откровенно и честно. Действительно, внутри демократов есть сила, которая выступает против того, чтобы выделять транши и все остальное Израилю. Но выборы в Америке приближаются, 2024-й год не за горами. Вполне возможно, сменится администрация, к власти придут республиканцы, которые настроены более произраильски.

Вопрос в связи с этим: насколько Вы видите перспективы той нормализации (отчасти нормализации), которую мы наблюдали последние несколько лет вокруг так называемых «Авраамовых соглашений». Это соглашения между Израилем и монархиями Персидского залива. Сейчас про них как-то все забыли, учитывая, что весь арабский мир возмущен ситуацией в секторе Газа, и пока неясно, как этот конфликт завершится.

Но в пределах, например, одного года – двух лет мертвы ли эти соглашения, на Ваш взгляд? Или есть определенные перспективы, тем более что если республиканцы вернутся к власти, для них это приоритет?

Сергей Кургиян: Один мой хороший знакомый беседовал с Ясиром Арафатом. Этот знакомый – генерал, а у генералов фантазия обычно не разыгрывается. И Арафат ему в откровенной беседе сказал, уже в конце своей жизни: «Я не хочу умереть руководителем маленького ближневосточного государства. Я хочу умереть новым Салах ад-Дином». Я за эту фразу отвечаю.

Поэтому все эти «Авраамовы соглашения» (кстати, упомянутый мною знакомый ими и занимался) – это, как говорят в Израиле, «писи сиротки Хаси». Они будут проводиться, будет все время разминаться тема какого-нибудь мира. Но, простите, уж если речь шла о мире, то какая поддержка ХАМАС? Тогда надо было с Арафатом и с самым мягким крылом Фронта освобождения Палестины разговаривать, с ними.

Я много лет подряд терпеливо обращался к представителям нашей российской элиты. Я говорил: «Поймите, чем больше миллиардов у некоего господина с российским гражданством, чем в большей степени он идентифицирует себя как еврея и чем лучше он говорит по-английски, тем он опаснее для Запада!». Никто же не хочет обсуждать, как именно относился господин Чейни к господину Ходорковскому. А это сложный вопрос.

В этом смысле, если бы они хотели каких-то «Авраамовых соглашений», им нужно было бы всячески поддерживать мягкий ислам, национальное палестинское государство – эти силы. А они поддерживают ХАМАС. О каком тогда соглашении идет речь? О чем надо говорить с ХАМАСом? О чем?

Знаете, у Бабеля есть такой персонаж Бенья Крик. А про его отца, Менделя Крика, сказано: «Об чем думает такой папаша? Он думает об выпить хорошую стопку водки, об дать кому-нибудь по морде, об своих конях – и ничего больше». А «об чем» думает ХАМАС? Он думает о том, что никаких «Авраамовых соглашений» не будет.

Далее возникает вопрос о том, куда смотрят Саудовская Аравия и все остальные. До какой степени и в чем они могут согласиться с Палестиной? Совершенно ясно, что они сами хотят быть лидерами исламского мира, у них есть капитализация, и они дальше определенной точки не могут пойти в отношениях с Палестиной. **Это первое.**

И второе. Как только ситуация радикализуется, что они должны делать? Им что, надо дальше говорить: «А мы будем дружить с Израилем»?

И, наконец, никак нельзя сказать, что Израиль ведет себя так, как будто бы он обязательно хочет, чтобы все там замирилось. Видно, что он хочет другого. Но то, чего он хочет, избыточно для современного мира.

Конечно, Израиль хочет, чтобы в секторе Газа не осталось ни одного палестинца. Это что, тайна за семью печатями? Конечно, все эти бомбардировки и так далее – это сгон с земель. Но они же не смогут этого сделать в сегодняшней международной ситуации. Не смогут. Значит, они будут либо бомбить и умеренно злить исламский мир, либо они войдут. И как только они войдут, начнется уже мощная радикализация, и возникнут большие проблемы для них.

Поэтому действовать так, как им хотелось бы, – нельзя: есть международный контекст и все прочее. А действовать так, как можно, неэффективно. И этот тупик будет накладываться на все большую гедонизацию израильского общества.

Мне кажется, что мы наблюдаем какой-нибудь средний акт большой трагедии. Я никоим образом не говорю: «Ах, как хорошо – трагедия!» И прежде всего я не говорю этого потому, что халифатизм создан против Китая, Индии, всех модернистских стран Юго-Восточной Азии. Мы же еще не знаем, куда двинется желтый ислам, индонезийский. И так далее.

Халифатизм создан и против нас, это тоже понятно. Поэтому сказать, что тут расклад целиком однозначный – никак нельзя. Это опасное движение процесса. И этот процесс запускается с фантастической настойчивостью высшим американским истеблишментом, причем двухпартийным. Поэтому тут вопрос возникает о том, как американцы видят мир 2030 года.

Дмитрий Куликов: Хочу еще один материал внести в наше обсуждение. Прошел форум «Пояс и путь». Там был президент России. Встреча была, что называется, на высшем уровне. Опять долгий разговор тет-а-тет за закрытыми дверями. Сергей Викторович Лавров в КНДР. Пышный прием, все очень торжественно. Президент в своей речи на форуме рассказал о проектной конструкции инфраструктурного освоения нашей территории. Гигантской, на самом деле. Я просто посмотрел, сколько мы должны сделать железных дорог, связок, других логистических конструкций. В принципе, никогда в таком объеме, даже в советское время, вопрос освоения территорий, транспорта не ставился.

Ну и, конечно, это в большом смысле цивилизационная альтернатива американской гегемонии. Понятно, что это присутствует. Американцы это прямо обсуждают: «Россия и Китай задают нам альтернативу и хотят скочырнуть нас с трона мирового господина». Раньше так не обсу-

ждалось, Сергей Ервандович, ну а тут жизнь заставляет, понимаете? Как та корова в фильме: «Жить захочешь, не так раскорячишься». Вот американцы и раскорячились.

Но вот, возвращаясь к нашей Евразии, здесь этот стержень – Россия, Китай, Индия, ну и дальше шире – БРИКС. Альтернатива здесь вырастет или где-то в другом месте? И как она должна расти?

Сергей Кургинян: Альтернатива в чем? О чем все время говорит Путин? Он говорит о развитии. Он говорит на языке просвещенного западного модерна. На этом же языке, с оговорками (китайская специфика и так далее), говорит и Си Цзиньпин. На этом же языке говорит Индия. На этом же языке говорят уже Вьетнам и практически вся Юго-Восточная Азия. Они говорят все на языке просвещенного модерна. То есть они говорят: «Мы приняли ваши капиталистические правила, ваши рынки, вашу открытость, вашу глобализацию (Си Цзиньпин очень хочет глобализации, потому что он понимает, что он в ней выигрывает). Мы хотим этого просвещенного модерна, равноправия, развития – всего, что вы провозглашали. Ваш Киплинг говорил: "Несите бремя белых". В чем состояло бремя белых? Вот в этом развитии. Ну так развивайте! Мы же «за». Мы же говорим на языке модерна!»

А американцы на нем уже не говорят. Американцы этот язык ненавидят. Первые шаги в эту сторону – это, конечно, Римский клуб, когда сказали: «Как же мы будем весь мир развивать? А что будет с экологией?» И так далее.

А последние шаги я наблюдаю начиная с Кондолизы Райс, которая, будучи госсекретарем США, во время выступления в Каирском университете в 2005 году прямо сказала (и евреи могли бы это слышать, вроде умный народ), что наши прежние друзья больше нам не друзья¹. Позже произошли оранжевые революции – так называемая «арабская весна» – и сброс всех проамериканских модернизационных режимов в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Всех подряд.

Значит, смысл здесь заключается в том, что и договор Путина с Си Цзиньпином, и все эти разговоры между развивающимися странами

¹Райс заявила: «На протяжении 60 лет моя страна, Соединенные Штаты, добивались стабильности за счет отказа от демократии в этом регионе, здесь, на Ближнем Востоке – и мы не добились ничего. <...> На всем Ближнем Востоке страх перед свободным выбором больше не может оправдывать отказ в свободе. Пришло время отказаться от оправданий, которые приводятся для того, чтобы избежать тяжелой работы демократии. Есть те, кто говорит, что демократия навязывается. На самом деле верно обратное: демократия никогда не навязывается. Необходимо навязать тиранию». После чего на парламентских выборах в Египте в декабре 2005 года победила основная оппозиционная сила Египта – движение «Братья-мусульмане», набрав почти 20%.

Юго-Восточной Азии и Россией, они об одном: «Давайте развивать мир в классическом западном ключе просвещения, используя при этом национальную специфику». Все.

Что им на это отвечают американцы? «Вы – авторитаристы, которых мы раздавим, угроза миру, смертельные враги демократии. Мы вновь берем на вооружение идеологию, с помощью которой можем бороться. Мы будем против вас заключать союзы».

Простите, какие союзы? Одних этих стран постмодернистских недостаточно. У Японии есть свой счет к Соединенным Штатам, у Германии тоже. Соединенные Штаты очень хотят, чтобы Япония и Германия стали ядерными странами, членами Совета Безопасности? Сомневаюсь в этом. Так кого они хотят брать в союзники? На что делают ставку?

Это явно ставка против языка модерна, против прежней логики национального развития стран третьего и четвертого мира, против интенсивных хозяйственных программ и проектов мирной жизни. А для реализации такой «ставки против» кто нужен? Нужен варвар, который будет, конечно, и против американцев что-то выкрикивать, но главное, что он будет двигаться туда, куда им надо – в сторону неразвития периферии.

И здесь, очевидно, существует такая двусмысленная, коварная конструкция, которую, по-моему, нельзя не видеть. Мне кажется, что ее затемняет только наша прагматика, которая все время хочет все разделить на тысячи деталей, каждую деталь рассмотреть под микроскопом... А после этого уже «за деревьями не видно леса». Только эта прагматика мешает увидеть очевидную стратегическую тенденцию. Если тенденция будет изменена, мы можем включить какие-то другие механизмы обсуждения будущего мира. Но если нам предлагают мир, в котором нам нет места, и предлагают его таким коварным образом, из этого же и надо исходить.

Василь Вакаров: Сергей Ервандович, я перейду от мейнстрима к Украине. Как Вам кажется, возможен сценарий дальнейшего поглощения других территорий Украины? Возможно, не нужно идти по этому пути, может быть, надо остановиться на том положении вещей, которое есть сейчас. И, отплясывая от положения дел на фронте, замириться. И дальше произойдет то, что произойдет, возможно, будет какая-то серая зона. Может ли этот сценарий в ближайшее время быть приемлем для внешней политики России?

Сергей Кургинян: Мне кажется, что сценарий, который сейчас существует, это позиционная война. И Путин все время иронически говорит:

«Так что, кто-то хочет мириться, что ли? И кто-то выдвигает какие-нибудь предложения?» Очевидно, что в этом звучит сарказм, потому что он знает, что этого нет, что нет никакой позиции, на которой возможно какое-нибудь мирное соглашение в сложившейся ситуации и которого все ждут.

Теперь я в связи с этим хочу рассказать одну историю. Если правильно помню, идет 1993-й год. Ко мне приезжает советник Кучмы Петр Лелик и начинает говорить, что Кучма до дыр зачитал мою книгу «Седьмой сценарий», что он меня считает мудрым человеком и так далее. А дальше главная фраза: «Кучма только одно не может понять: как же Вы, такой умный человек, можете робить на москалей? Сергей Ервандович, Вы же армянин, и исторически доказано, что москали – это турки, а Вы робите на москалей! Вы поезжайте в Киев, и у Вас будет усе». Это еще не Ющенко!

Значит, постсоветская Россия носилась с Украиной, как с писаной торбой. Ну вот нельзя это вычесть! «Вот вам газ по сниженной цене, вот вам и то, и это...» Но Кучма в итоге написал книгу «Украина – не Россия». Что мы могли с этим сделать? То есть, конечно, мы могли сделать много, но смысл-то заключается в том, что за Украину мы же что-то не можем разрулить! Потом там был такой Табачник, и я встречался с Кучмой... Не в этом дело! А в том, что «старшие товарищи», которым говорили: «Ну, поверни в сторону России!» – отвечали: «Так ведь шлепнут».

Украинская элита взяла курс на то, чтобы стать главной ударной антирусской военной силой. Она продала страну за это. Есть такая песня: «Ты себя, папаня, продал за немецкий пяточок». Так вот за этот пяточок была продана Украина. Она была отдана в это милитаризованное рабство. Изначально кому-то могло присниться то, что сейчас есть? Не могло. Но это же происходило в определенной логике, мы не будем ее снова разбирать.

Теперь возникает вопрос, можно ли тут остановиться? Нельзя остановиться одной стороне! Остановиться можно вдвоем. Но остановиться за Украину невозможно. На Украине, если только она остановится, все вылетят из седла, будут просто расстреляны.

Значит, мы являемся заложниками этой ситуации. А получить в этой ситуации у себя под боком сильную, насквозь милитаризованную бандеровскую Украину, которую будет поддерживать Запад, – невозможно. Это противоречит экзистенциальным интересам России. И тут что ли-

бералы русские, что консерваторы, что партия войны, что партия мира – этот номер не пройдет!

Это все быстро не закончится, это все «вдолгую». А раз «вдолгую», то давайте все-таки несколько параметров-то поймем. Численность населения у нас разная, промышленный потенциал разный и так далее. И там, где толстый сохнет, там худой сдохнет. Поэтому совершенно ясно, что такая стратегическая композиция приведет только к большой беде Украины. Это первое.

Второе. Кто-нибудь когда-нибудь на Западе что-нибудь делал бесплатно? Вы видели такое? Значит, с каждым новым шагом Украина будет исчезать и превращаться в частную «ферму» определенных людей. И мы видим – кого? Да, BlackRock! О каком суверенитете пойдет речь?

Третье. Все говорили о том, что будут великолепные отношения между Украиной и Польшей. Ну, не бывает изменений исторических констант! Значит, соответствующим способом окажется, что Украина существует в стратегически очень неперспективном положении, а двигаться она будет туда, куда ей задано. Это будет война до последнего украинца.

Россия существует в логике ситуационного реагирования на действия другой стороны. Чем больше наращивается антирусскость, тем больше экзистенциальная реакция России. Украина – это сосед, очень милитаризованный, очень сильно нацеленный против нас и абсолютно поддержанный Западом. Можно допустить серьезные, включая ядерные, установки в Харькове? Никто в России – ни либерал и сторонник мира, ни ястреб и сторонник войны – никогда этого не допустит. Нет силы в России, которая это допустит. Поэтому пока Украина прет в антирусскую сторону, ответ будет симметричным.

Но это всегда именно ответ, всегда ждут, что что-то изменится. Никто органической ненависти к Украине не культивирует. Есть органическая украинофобия в России?

Василь Вакаров: Нет.

Сергей Кургинян: А русофобия на Украине?

Василь Вакаров: Есть.

Сергей Кургинян: Ну вот и все... Мы все с большим недоумением смотрим уже десять лет на то, как разворачивается самоубийственная украинская игра. Абсолютно самоубийственная, самоликвидационная. И мы не видим, чтобы кто-нибудь всерьез пытался это остановить... Никакого тормоза там нет, там только больше и больше вот этого украинского безумия, которое, с моей точки зрения, опирается на одно: «Россия рухнет, развалится на части, мы справим Майдан в Москве, москали

будут уничтожены, а мы будем самым великим государством Восточной Европы».

Андрей Сидорчук: Сергей Ервандович, давайте перейдем от одной оголтелости к другой. Я имею в виду Израиль. Пропустив тот удар от ХАМАС, который произошел, который удивил многих по количеству потерь, по неспособности его отразить, по крайней мере, оперативно ЦАХАЛом, Израиль пытается все это каким-то образом компенсировать, что проявляется не только в риторике израильских властей, совершенно неожиданно для многих совсем уж человеконенавистнической, практически не делающей разницы между террористами и мирным населением Палестины...

Тем не менее Джо Байден, прибыв в Израиль, заявил, что Соединенные Штаты будут продолжать поддерживать Израиль сегодня, завтра и всегда. И, соответственно, пошли и поставки боеприпасов, в том числе, как говорят, и артиллерийских, которые сначала предназначались Украине.

Тот же Нетаньяху говорил о том, что сектор Газа после того, что произошло, после военной операции изменится кардинально и никогда не будет прежним.

А Соединенные Штаты имеют какую-то красную линию в поддержке Израиля? И может ли Израиль совершить нечто такое, что заставит Соединенные Штаты пересмотреть эту поддержку? Потому что если у Израиля настроение, как Вы говорите, избавиться от палестинцев целиком и полностью, то пойдут ли они в этом направлении и до какой степени? И решится ли Байден в нынешних условиях их останавливать?

Сергей Кургинян: Говорятся какие-то слова. За этими словами нужно увидеть какую-то практику. Надувается пузырь слов – а под ним что-то есть? Или это только слова?

Когда Нетаньяху говорит: будет другая Газа, какая-то мирная и так далее, он же понимает, что этого не будет. Мы знакомы, я его знаю. Он умный, патриотичный политик, достаточно тонкий, осведомленный человек. Он же понимает, что этого не будет. Он не может сейчас ничего в Газе сделать такого, чтобы там полюбили Израиль, понимаете? Что бы он там ни делал, ненависти будет еще больше. Он не может ее затормозить. Это **первое**.

Второе. Предположим, он ее затормозит – что дальше? Ну, например, кто-то готов на единое государство Израиль, в которое войдет Палестина? Но там большое население, и это противоречит базовой концепции. Если люди думают о чем-то, кроме того, что им нужно сделать в сию

минуту, они же должны думать о чем-то практичном. Если они так бомбят, бомбят и бомбят, то чего они хотят? Либо они ничего не хотят (а я в этом сомневаюсь, Нетаньяху достаточно умен), либо они чего-то хотят конкретного. Тогда то конкретное, чего они могут хотеть, – это чтобы население оттуда ломанулось, чтобы там не было этого населения. Мирный палестинец – это палестинец, который живет в Египте, понимаете? Может ли позволить себе Иордания получить этот подарок еще разок? Захочет ли Египет получить этот подарок? Кто его захочет получить? Что они творят?

Третье. Войти в Газу легко, а что потом? ЦАХАЛ, может, в 100 раз сильнее вооруженных сил ХАМАСа, непропорционально сильнее. Вошли, а дальше что? Зачистка? Вот тут произойдет остановка.

И, наконец, **последнее.** Вот объясните мне (я все время хотел, чтобы мои израильские собеседники – а я беседовал с представителями всех израильских групп элиты – объяснили мне это), зачем сейчас Америке нужен Израиль? Он был контрбалансом. Сталин и Берия создали Израиль. Но потом «ошибочка вышла» – он повернул в сторону Америки. А Хрущеву не нравилось все, что делали Сталин и Берия. И он стал дружить с «героем Советского Союза» Гамаль Абдель Насером – с арабским миром. Возникло противостояние, биполярная система: Советский Союз с арабами, а американцы с Израилем. Понятно, Израиль в этом жил, как у Христа за пазухой. Теперь Советского Союза нет, биполярного мира нет. Зачем нужен Израиль? Функционально для управления регионом – зачем? Он не нужен.

Значит, это колоссальная обуза: еврейская диаспора в Америке, поддержка республиканцев... Нельзя сказать, что правдой являются любимые фразы ультрапатриота в Соединенных Штатах про Zionist Occupation Government: дескать, Америка – это сионистское оккупационное правительство. Это, конечно, ложь полная. Картина гораздо более сложная: есть католические элиты, есть сейчас уже латиноамериканские элиты. Все сложнее. Но значимость еврейского фактора никто же отрицать не будет.

Так о чем Байден говорил с Нетаньяху на самом деле (современная политика мелкотравчатая)? Да о выборах он говорил: «Видите, вы в заднице, а я вас поддерживаю. А вы поддержите Трампа? Но это как-то нехорошо!»

Он прилетел туда зачем? Он хочет получить еврейские голоса и еврейскую машину выборную в свою пользу. Ему **это** сейчас нужно.

Трамп это видит и тоже делает маневр – для него не слишком привычный. Мы скоро увидим (не знаю, насколько вы будете этим изумлены) пропалестинского Трампа. Потому что Байден лезет в Израиль и говорит: «Дайте мне эти голоса».

Они обсуждают завтрашний день? Они обсуждают стратегию?

Смотришь на Израиль и думаешь: ну, кто тут власть? Ясно, что не Кнессет. Не правительство. Спецслужбы? Ну да, до какой-то степени, но не слишком. Олигархи? Ну да, но тоже до какой-то степени... Судьи! Реальный центр власти – это небольшое количество высших судей, которые, когда надо, в один момент процессы поворачивают куда угодно.

Нетаньяху бросил вызов самой мощной силе Израиля. Весь Израиль встал на уши – начались митинги против судебной реформы, против власти судей. Но это крупная игра, и он в ней повис.

А теперь у него война. Он что делает? Он делает правительство национального согласия, правительство войны. Он начинает маневрировать, чтобы война его не сбросила, а по возможности усилила его позиции. Кто там стратегией занят? Это же серьезный вопрос! Кто думает о завтрашнем, послезавтрашнем дне? Не те же, кто уже повис. Все занято сегодняшним днем. И видно, как Байден суетится.

Дмитрий Куликов: А неназванные отцы, американские по крайней мере, существуют же. Я сейчас буду конспирологом, может, чуть большим, чем обычно, но я это делаю легко, потому что я понимаю, что ни одна такая система демократии с античности не работала, если за ней не стояли те, кто содержит все это, в том или ином смысле. Вот они о стратегии думают? Им что нужно сейчас в регионе: эскалация, то есть разворачивание региональной войны, или спуск на тормозах?

Сергей Кургинян: До определенного момента было проще. Можно было увидеть – вот Рокфеллер. Или еще кто-нибудь, Goldman Sacks, в конце концов. Теперь вы мне скажите – кто хозяин BlackRock? Я спрашиваю об этом своих американских собеседников, они у меня есть.

Дмитрий Куликов: Не Ларри же Финк. Те люди, которые хотят со мной разговаривать, говорят: непрозрачные группы сильно криминализованных спецслужб. Непрозрачное ядро спецслужбистских групп, потому что при основном пакете в 2% или в 0,5% непонятно, кто хозяин. Кончилась Америка очевидных хозяев. Возникло что-то другое: вот эти инвестиционные фонды и прочее. Ясно, что за ними стоят хозяева. А хозяева – это даже не деньги. Хозяева – это власть, это люди, которые могут мобилизовать достаточно мощные сети. Вот этот инклюзивный капитализм... Мы все время обсуждаем все эти еврейские дела в Аме-

рике. Они есть, но они не такие мощные, иначе бы вертелись бы не так. А вот куда тянутся все нити от этих инвестиционных фондов с точки зрения инклюзивного капитализма, который они проводят? Ну, конечно, они в Ватикан тянутся. Это же видно.

Сергей Кургинян: Что такое этот State Street, Vanguard? Что такое BlackRock? Это одна сторона. Вторая сторона – это роль Джорджтаунского университета и так далее в жизни Соединенных Штатов. Я не знаю, кто этим правит. Кто-то, безусловно, думает о завтрашнем и послезавтрашнем дне. Имеют ли эти люди возможность действительно что-то разруливать – отдельный вопрос. Но то, что уже не национальная Америка является главной фишкой в большой длинной игре, – это точно. Мне рассказывали другие мои знакомые: «Когда нужно говорить о стратегии, приезжаем в Лондон. Там в двух–трех институтах можно о чем-то поговорить». Не знаю, кто этим управляет по-настоящему сегодня. Я только вижу, что реально это происходит так, как будто бы ядром управления было что-то неонацистское. Ну вот, простите, что-то такое.

Есть такая дисциплина – герменевтика, дешифровка. Я первые тридцать лет своей жизни занимался обратными задачами. Ты смотришь на факты и начинаешь реконструировать субъект по фактам. Когда ты берешь большую совокупность фактов и начинаешь реконструировать, то видишь, что происходит что-то очевидно неонацистское. Именно «нео». Но точно куда-то туда все это идет.

В этом смысле не Америка нужна. Нужна глобальная власть над миром. И эта власть имеет одно главное измерение: она фантастически, неслышанно антигуманистична. Если бы мне лет тридцать назад кто-нибудь сказал, что Америка Рузвельта – небезупречная, но все-таки какая-то гражданская и нормальная, – превратится в такое фантастически антигуманистическое кубло, в такое человеконенавистничество, то я бы не поверил, хотя уже тогда начал это прогнозировать. И тут, конечно, есть простой вопрос. Удерживать власть гуманистическими методами невозможно. Значит, ее надо удерживать иначе. И эта проработка идет постоянно – ну, тысячу работ я в год читаю. И вот из этой тысячи 990–995 о том, как управлять миром негуманистическими методами.

Дмитрий Куликов: Очень любопытно. Я неоднократно со своей стороны говорил, что если они будут сохранять власть, – а они будут сохранять власть, – то они придут к той или иной форме нацистско-фашистской диктатуры. Не смогут не прийти. Вы это сейчас обосновали логически, развернуто и понятно.

Сергей Кургинян: А если эта сеть есть, то Украина – это узел в глобальной неонацистской сети.

Дмитрий Бабич: Сергей Ервандович, одна из Ваших теорий меня в свое время просто поразила. Вы сказали, что вообще-то ориентация советской элиты на Запад началась не с Горбачева, а с Хрущева или, может быть, даже еще раньше. И Вы потрясающе это связали с событиями 1990-х годов. Почему советское руководство, а потом российское руководство так легко отказалось от Средней Азии, так легко «отцепило» вот этот огромный «вагон», который сто лет Россия пыталась притянуть? Потому что в Европу со Средней Азией, вот с этим мусульманским населением, не возьмут. А значит, надо его «отцеплять».

Но сейчас мы признали на уровне руководства, что это было неправильно. Что нам нужно сотрудничать и с азиатскими странами, и тем более с нашими мусульманами, бывшими советскими, и с африканскими странами. Об этом Путин говорит. Но при этом в государственных СМИ, в том числе на патриотических каналах, идет просто какая-то волна паники по поводу мигрантов: они опасны, они вредны, они создают какие-то сообщества. При том, что наши «советские» мигранты ведут себя по сравнению с арабскими мигрантами во Франции просто прекрасно: не устраивают митинги, не бьют витрины.

Как Вы объясните это явление, и стоит ли с ним бороться?

Сергей Кургинян: Возникает ложная дихотомия: «Давайте любить мигрантов, и пусть они делают, что хотят» – «Гнать вон этот "мусор", черномазых и так далее».

У меня есть гипотеза, что эту дихотомию создают именно для того, чтобы ничего нельзя было решить. Между тем вопрос заключается в том, какая именно политика будет проводиться по отношению к мигрантам и какое государство мы строим?

Одно дело – советское государство: есть среднеазиатские республики с большим населением, там первые секретари местные, национальные и так далее. Есть какой-то баланс – хороший или плохой.

Теперь мы строим в высшем и лучшем смысле слова (я это приветствую) национальную Россию. В ней не может быть запретным слово «русский», понимаете? А было! Было еще десять лет назад. Но если мы строим такое государство, то мы же хотим, чтобы миграция приобрела интересующий нас характер. Какое содержание у этой миграции? Если ее содержанием является умеренная, лояльная русификация мигрантов, так ради бога! А если ее содержанием является обособление мигрантов в анклав, то это путь к взрыву! Тогда у меня возникает вопрос: вы

должны поддерживать, предположим, на территории России или даже Подмосковья какие-нибудь школы, в которых нет русского языка?

Дмитрий Бабич: Нет, конечно. Никакая страна это не поддерживает.

Сергей Кургинян: И я считаю, что нет. Значит, вопрос не просто в том, нужна миграция или нет, а в том, насколько мы в состоянии нужным образом управлять миграционными потоками. Как мы на это смотрим стратегически? Это же не только вопрос того, что нам сегодня нужна рабочая сила – и все. А завтра? А послезавтра? Боялись того, что много будет «чурок» в союзных республиках, не так проголосуют? А если их тут будет много? Поэтому возникает соответствующий вопрос: тип государства, его стратегический ориентир и так далее.

У нас происходят парадоксальные вещи! Мы видим, как на объекте, который раньше назывался Первое главное управление (ПГУ), а теперь называется Служба внешней разведки, ставится памятник Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. Это освещено центральным телевидением, и об этом говорится как о событии государственного значения. Но когда в провинциальном городе какой-то несчастный предприниматель ставит памятник Сталина на территории своего завода, им чуть ли не прокуратура занимается? Что за бред?

Пока либералы называли советских деятелей «палачами кровавыми» и так далее, было понятно, почему сбросили памятник Дзержинскому. Но зачем теперь нужна уменьшенная копия памятника за отдельные деньги, когда есть основной? И есть Лубянка – так пусть бы и Второе управление памятником любовалось, не только Первое! Нет...

Это гибридность, эклектика, понимаете? Остаются реликты прошлого существования, а на него накладывается новое. Это закон переходного периода. И мы не можем за один год уничтожить эту идеологическую элитную и прочую гибридность.

Теперь о том, что снова нужна идеология. Но ее же нельзя «сочинить»! Я могу десять идеологий написать – и что?! Идеология пишется на граните реальности соответствующими инструментами. Ее не будет, пока мы не решим хотя бы основные проблемы своего прошлого. Раньше мы закрывали на мавзолее надпись «Ленин», потому что мы были про-западные. А теперь кого мы боимся этой надписью испугать? Ким Чен Ына? Китайцев, у которых мавзолеей Мао Цзэдуна стоит?

Дмитрий Бабич: Но может ли быть единая идеология в нашем таком разнообразном обществе?

Сергей Кургинян: Происходит столкновение разных идеологий. Это закономерно. Нельзя мещанина, которого настойчиво создавали в тече-

ние 30 лет, в один день сделать гражданином, это невозможно. Можно быстро заявить другой курс, и я всячески это приветствую. Задача заключается в том, чтобы в итоге обеспечить стратегическое выживание страны. Надо понять только одно: русских приговорили. И вся задача русских – стать настолько сильными, чтобы в этой ситуации их сила стала аргументом их бытия. И нет цены, которая была бы велика за то, чтобы это произошло! Пусть подвинется мещанин, олигарх или кто угодно еще. Вопрос идет об общей жизни. Не до жиру, быть бы живу.

Дмитрий Бабич: Может быть, это объединит разные идеологии – и монархистов, и патриотов, и коммунистов?

Сергей Кургиня: Так и мне кажется, что хватит уже. Ну надоело! Давайте делить не на белых и красных, а как-то иначе. Мы же осудили коллаборационизм. Деникин во время Великой Отечественной войны не хотел идти к Гитлеру? Не хотел. А Краснов хотел.

Давайте будем за силу против слабости. За величие против ущербности. Царь Николай II проиграл Россию? Проиграл. Александр III поднял? Поднял.

Потому что иначе происходящее может оказаться чрезмерно пестрым. А нам сейчас эта чрезмерная пестрость не нужна. Нужен синтез.

Дмитрий Куликов: Вот Вы сказали «национальная Россия». Я хочу прояснить, в каком смысле? Потому что национальное государство эпохи того же Модерна возникло внутри европейского ума как альтернатива империи. Но такое понятие национального государства мне лично совершенно не близко. Более того, такое понятие государства к России, на мой взгляд, неприменимо. Тогда о чем Вы говорите? Очень важно это понять.

Сергей Кургиня: Владимир Владимирович Путин несколько раз говорил, что его не устраивает в СССР. Он говорил: вот зачем нам возвращение южного подбрюшья? Я слышал это своими ушами, это было публично сказано. Это и была единая линия Комитета Государственной Безопасности СССР и связанных с ним элит на протяжении очень многих лет – умеренная, цивилизованная, осторожная, аккуратная русификация. Путин никогда не будет высказываться в каком-нибудь таком ключе, который бы подорвал многонациональный консенсус. Он очень в этом осторожен. Но все равно мы строим это – русский мир, симфонический, множественный.

Когда во Франции начался профессиональный раскол, возник вопрос: помазанник Божий – он чей? Гугенотов, католиков? Где помазан король Франции? Генрих Наваррский говорил: «Париж стоит бедни». Но тогда

нужно Нантский эдикт о равноправии гугенотов с католиками подписывать...

Тогда сказали, что если во главе угла не может быть религиозное единство, то нужно поставить во главу угла нацию как единство территории, языка, истории, благоговения перед священными камнями. Пусть во Франции кто-нибудь что-нибудь плохое скажет в адрес Жанны д'Арк, например... Вот этот сплав пытались строить. Он держался на вере в свободу, равенство, братство и разум. Царство Разума.

Царство Разума было подорвано Первой мировой войной. Потом возникло Царство Истории в виде коммунизма. У нас было три эпохи: Бога, Разума и Истории. Когда Фукуяма сказал «конец истории», возник вопрос: а что дальше?

Я всегда говорил, что Россия сущностно, в глубоко позитивном смысле – это империя. Когда Бисмарк заявил, что государство строится «железом и кровью», Тютчев, наш великий мыслитель и поэт, в ответ сказал: «А мы попробуем любовью». А еще Тютчев сказал: «Умом Россию не понять...»

Позже некто Губерман написал: «Давно пора, ... мать, умом Россию понимать». Но вы посмотрите на фотографии Тютчева и Губермана – кто умнее? Тютчев. Но он знал, что одним умом не поймешь. «Государство любви»...

Наши либералы говорили, что Сталин – идиот, потому что сказал про поэму Горького: «Эта штука посильнее, чем "Фауст" Гете».

Но ведь у этой фразы было продолжение: «Эта штука посильнее, чем "Фауст" Гете. Любовь побеждает смерть».

Русские строили цивилизацию любви. Они ее строят. Русский народ – гениальный собиратель государства. Только другая сторона медали в том, что он дважды в одном столетии разрушал свое государство. А делал он это тогда, когда переставал любить.

Россия – цивилизация любви. Это не пустые слова. И это не значит, что мы будем другую щеку все время подставлять. Но альтернатива этому тоже очень простая. Иоанн Павел II, которого я ненавидел за участие в разрушении СССР, но всегда ценил как умного человека, в конце сказал: «Мы разрушили Советский Союз и построили цивилизацию смерти».

Значит, получается, что сейчас конфликт не между демократией и авторитаризмом, а между цивилизацией любви и цивилизацией смерти. И этот отпечаток смерти очень виден на том, что движется на нас. Очень

виден, слишком хорошо виден. Это не умствование и не гуманитарная философия, это практика.

Дмитрий Куликов: Спасибо Вам огромное, Сергей Ервандович. Время передачи пролетело, как одно мгновение.

Участники беседы

Сергей Кургинян — политический деятель, театральный режиссер, политолог, лидер движения «Суть времени».

Дмитрий Куликов — российский политолог, публицист и политический консультант, журналист, теле- и радиоведущий.

Малек Дудаков — политолог-американист, эксперт по внутренней политике США.

Василь Вакаров — украинский политолог, юрист, общественный деятель.

Дмитрий Бабич — журналист, редактор портала «ИноСМИ».

В душе человека существует
что-то, о чем он знает,
не зная, что он о нем знает.

Зигмунд Фрейд

Спокойная жизнь
и писательство – понятия,
как правило, несовместимые,
и тем, кто стремится к
мирной жизни, лучше
не становиться писателем.

Рюносукэ Акутагава

Андрей Юрганов

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

СОКРЫТАЯ ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ СТАЛИНСКОГО ДРАМАТУРГА АЛЕКСАНДРА АФИНО- ГЕНОВА*

УДК

929

В статье рассматриваются отношения драматурга А.Н.Афиногенова со второй женой, американской балериной, Дженни Марлинг. При публикации дневников, писем Афиногенова (1960, 1977) эти отношения умалчивались: из публикуемых документов изымались те фрагменты, которые демонстрировали сложность ситуации в семье. Эти трудности начались во время заграничного турне Афиногенова и Марлинг по Европе, и как следствие – они стали почвой для вдумчивого отношения драматурга к семейным проблемам вообще и к психологии поведения людей в браке, в частности. В статье изучается феномен «личной жизни» в жизни сталинского драматурга – то, как отразилось это настроение при написании пьесы «Ложь». Она была отвергнута лично Сталиным, но при этом основная идея пьесы ему показалась «богатой». Психология и идеология в жизни Афиногенова оказались несовместимыми модусами биографии «сталинского драматурга».

The article deals with the relationship between playwright A.N.Afinogenov and his second wife, American ballerina Jenny Marling. During the publication of Afinogenov's diaries and letters (1960, 1977) these relations were kept silent: those fragments that demonstrated the complexity of the situation in the family were removed from the published documents. These difficulties began during the foreign tour of Afinogenov and Marling in Europe, and as a consequence, they became the ground for the playwright's thoughtful attitude to family problems in general and to the psychology of people's behavior in marriage, in particular. The article studies the phenomenon of "personal life" in the life of Stalin's playwright - how this mood was reflected in the writing of the play "Lies". It was rejected by Stalin personally, yet the basic idea of the play seemed "rich" to him. Psychology and ideology in Afinogenov's life turned out to be incompatible moduses of the biography of "Stalin's playwright".

Ключевые слова: А.Н.Афиногенов, пьеса «Ложь», И.В.Сталин, Дженни Марлинг, Джон Бовингдон, советская драматургия.

Key words: A.N.Afinogenov, the play "Lies", Stalin, Jenny Marling, John Bovingdon, Soviet dramaturgy.

E-mail: iurganov@yandex.ru

* Окончание. Начало см.: Россия XXI. №2023-4. С.72.

А.Н.Афиногенов

Драматургия – дело прибыльное Борис Васильевич Игрицкий внимательно относился к тому, чтобы идеалы коммунистической молодости не были попорчены стремлением к личному благополучию. Он писал в дневнике (1927 г.): «Шурка (Афиногенов – А.Ю.) в гору пошел. Добивается все больших успехов и известности. Его уже нарасхват берут. Приезжают важные персоны на дом, упрашивают написать пьесы. Один тут недавно был. Упрашивал. А Шурка ему говорит: "Я из дорогих авторов". Тот: "Ну, а сколько бы вы взяли за инсценировку?" А Шурка: "250". Тот: "С удовольствием!" Наверно, думал, что Шурка запросит рублей 500. И напрасно не запросил. Продешевил!» [2, л. 1].

Литературная среда, живущая отдельно от страны, от простых людей, рабочих и крестьян, вызывала отвращение в его сознании. Он ядовито писал о всех, кто считал себя пролетарским писателем или драматургом, но жил как советский барин. Ему не нравилось, что в благополу-

чии самых известных людей крылась неблагодарность – и непонимание того, что именно партия разрешает и даже поощряет эту деятельность. Игрицкий хвалил пьесы Владимира Киршона, но это не мешало писать о нем остро критично, как о чуждом партии человеке (запись 1929 года): «Зашибают такие, как Киршон, до 8000 р. в месяц. Киршон недаром говорит: «Я содержу райком». Он (райком – *А.Ю.*) ежемесячно отчисляет в партию до 14 тысяч рублей! И недаром он декламирует: "Органически не перевариваю жестких вагонов. Езжу только в мягких". Славянский – рагвену Северного Кавказа – не освоился еще с комфортом драмжируя. Нагло бросает: "В месяц имею 2000, но не такой дурак, чтоб отчислять в партию и пр.!" Дорвался мальчик до большой деньги, до жирного кусочка, отделяется подачками партии, как нищенке. Вышел в знаменитости, на большую дорогу. И некому его выпороть!» [1].

В 1929 г. Игрицкий отделял Афиногенова от главных персон советской драматургии: «Дерзнувший (прозвище Афиногенова – *А.Ю.*) умнее этих шиберов и нуворишей от драматургии. И стал заметно скромнее. Скромно сказал что-то и не совсем ясно: кажется, имеет зимой от пьес до 2000 рублей. Думает бросать директорство в театре Пролеткульта и стать на все 100 свободным художником. Задуманное не плохо. Помогай ему Мельпомена!» [1].

Ситуация изменилась после того, как в театрах страны стали играть пьесы «Чудак» (1929) и «Страх» (1931). Они принесли Афиногенову не только славу пролетарского драматурга, но и большие деньги. К 1933 году Афиногенов настолько изменил свою повседневную жизнь, что Игрицкий уже испытывал глухое раздражение от того изобилия, в которое погрузил себя и свою семью Афиногенов: «Он жил в центре Москвы, сначала на Тверском бульваре, в доме Герцена, потом уединился в гостинице – когда переделывал пьесу, потом купил за 20000 р. квартиру в новом доме на Газетном переулке. И все-таки челюскинцы на дрейфующем льду Чукотского моря были ближе к нам, и мы к ним, чем Александр. Это дальше, чем стратосфера на 22–25 тыс. метров вверх – его, Александра, положение на отлете. И когда как-то осенью мы решили встретиться: он, я, Карго – и мы встретились у Политехнического музея после занятий политуправленцев на техучебе и пошли к нему на Газетный, то очутились словно за границей! Честное слово! Большая отдельная квартира из 4-х комнат, много мебели, люстр, вещей. Дорогих. Новых. Торгсиновские закуски и вина. Женни – жена его, американка. Как все комфортабельно, уютно и пусто!» [2, л. 14].

16 марта 1936 г. Игрицкий сделал странную запись. Возможно, это был отрывок какого-то его рассказа: в нем он назвал себя Галенчевым, который переживает, что его близкий друг «Дерзнувший» (Афиногенов) ведет образ жизни буржуазного писателя в обстановке роскоши, а пишет при этом пролетарские пьесы. Умом понимает, что его друг «обречен», ибо он не знает народа, не живет его жизнью, но глазами видит – а всех это устраивает.

«Дерзнувший работает над новой пьесой к XX годовщине Октября: "Москва – Кремль 1918 года". У бывшего "постулантиста" – комфорт, блеск: все вина (ликеры, коньяки) пьет из диковинных бокалов: что-то среднее между цветочной вазой и наперстком.

Галенчев чувствовал себя неловко точно в седле на полосатой зebre: слишком необычно, непривычна для него эта изнеженная вычурная застилизованная обстановка...

Вот они... нувориши от литературы – думалось ему.

И он отгонял от себя назойливые мысли:

– Как понять эту обстановку? Показатель зажиточности или избыточности? Закономерное ли это явление или... разврат? Такова вся Москва? По крайней мере, литературная, господствующая, живущая на огромных заработках? Хорошо это или плохо? Галенчев склонен считать это плохим, но тут возникало новое размышление – цепь: разве я один такой "умный"? Если это разврат, избыточность, изнеженная не наша барская роскошь, то разве во всей Москве никто этого не видит? Или я отстал от жизни? Жизнь ушла вперед, а я застрял где-то на старом "идиллическом" полустанке, разъезде? Больше всего смущало Галенчева то, что поэт – фельетонист – драматург – очеркист пользовался широкой популярностью: перед ним были открыты двери самых знаменитых театров, газет, организаций. Он стоял близко к руководству литературой... И не только литературой... В чем же дело?!..

Гвоздем сидел этот вопрос в голове Галенчева. Ведь если бы он еще не знал или плохо знал прошлое и "жизненные корни" Дерзновенного, но именно потому, что он знал почву, на которой вырос этот, в свое время талантливый и ароматный цветок жизни и искусства, именно потому, что хотя за последние годы он редко встречался с Дерзнувшим, – он ясно видел: корни остались в прежнем состоянии и если не подросли, то обогатились лишь новыми закорючками, цепко ухватившимися за ту же самую довольно таки тощую и мало производственную почву: подзолистую или суглинистую... Почва так и не удобрена свежим и крепким навозом народной жизни, нет перегноя народных

переживаний, чувств и настроений в его творчестве... Старая искусственная жвачка!.. Отсюда печать прежней ограниченности... но если раньше в резерве у Дерзновенного была молодость, то теперь, когда молодость прошла, а почва осталась старой – ограниченность перешла в обреченность: во всяком случае, близка к ней!» [1].

Пьеса «Ложь»

В декабре 1932 года Афиногенов уехал отдыхать в Гагры. Жил в доме отдыха им. т. Лакобы. Это была творческая командировка для написания новой пьесы. Первоначально она называлась «Семья Ивановых».

В письме к матери (4 декабря 1932 г.) он сообщил, что «пьеса будет очень простая»: «...хочу писать о любви старого человека к молодой девушке, о семье, семейных буднях, о матерях и сыновьях – друзьях и женах – совсем надо просто – без дымовых труб и грохота молотков... по-моему, народ соскучился по такой вот простой жизни – без вывертов... Но выверты *начинаются – в самой семье, с ломкой всех семейных устоев и привычных представлений о семейной жизни. И тут – ложь, ложь принципиальная, бытовая, любовная, ложь в работе, в мыслях, в книгах – целая система лживой жизни* (курсив мой. – А.Ю.)» [5, с. 43].

Пьеса, написанная в начале 1933 г., обрела идеологию и получила новое название «Ложь». Работая над пьесой, Афиногенов консультировался со Сталиным. Трижды пьеса была сыграна в Харьковском государственном театре русской драмы, ее успели положительно оценить театральные деятели Москвы, во МХАТе была готова генеральная репетиция. Но Сталин – после неудачных попыток Афиногенова исправить пьесу по замечаниям – принял решение запретить ее окончательно. 11 ноября 1933 г. Афиногенов отправил во все театры телеграммы, в которых объявил о прекращении работ.

Борис Игрицкий был в курсе событий – следил за творческим ростом друга и беспокоился о его «духовном» состоянии. Он предвидел, что нечто подобное обязательно случится. Еще в 1927 г. он записал в дневнике: «Афиногенов – менее требовательный к цельной системе мировоззрения, очевидно, довольствуется тем, что есть общепризнанного, тем, что еще осталось от прежнего уклада и тем, что стихийно устанавливается как должное в процессе нового жизнестроения. *Некий эклектизм. Отсутствие полноты ясности* (курсив мой. – А.Ю.). Балансирование с различными по весу тяжестями различных номенклатур: пуды и килограммы» [2, л. 3].

Что касается пьесы «Ложь», то Игрицкий знал, – сам Сталин курирует драматурга: «Он (Афиногенов. – *А.Ю.*) весь 1933 год корпел над "Ложью" ("Семья Ивановых"). Несколько театров приняли эту его пьесу к постановке: МХТ 1-ый, МХТ-2-й, Ленинградский и Харьковские театры. Александр говорит, что несколько раз он по указаниям Сталина переделывал пьесу. Не зря еще в январе, кажется, 1933 года, когда он только задумал эту вещь, – Сталин предупредил его: – "Тема острая. На лезвии бритвы. Легко соскользнуть..." И Дерзнувший соскользнул-таки!» [2, л. 13].

Не щадя своего друга и полностью оправдывая сталинский запрет пьесы, Игрицкий пытался найти причину этой неудачи. Но, как оказалось, причина давно ему известна: не было у Афиногенова опыта коллективного существования в условиях разрухи, гражданской войны. «Маменькин сынок» – определение, исключаящее «партийную выучку»: или ты с мамой, или ты с партией.

«В последний раз, посмотрев "Ложь", Сталин безоговорочно забраковал ее: "Не вышло! Ставить не надо..." А в Харькове незадолго до этого приговора дали закрытый просмотр пьесы, на котором присутствовали Постышев и некоторые другие видные деятели УССР. Они, по утверждению Александра, – одобрили и автора, и игру. Все-таки факт – не вышло. В ложном положении находится Афиногенов: круг его тематики, определяемый объемом его жизненного опыта, его партийной выучки, его практической выучки, его вкусов и наклонностей, очень ограничен и потому порочен. Александр, не прошедший школы Гражданской войны, не участвовавший в хозяйственном строительстве, не окунавшийся глубоко ни в рабочий быт, ни в жизнь деревни, никогда органически не был заражен страстями нашей партии, не увлекался ее бурями и натисками, не вовлекался в них. По существу, как был до революции, до партии маменькиным сынком – таким и остался поныне. Он талантлив, бесспорно, но его талант, не обогащенный, не обожженный огнями жизни, талант как вещь в себе, – не может развернуться во всю мощь, изолированный от самого водоворота наших дней, дел, людей. Узкий мирок студентов, ученых, руководящих кадров – это чердак здания жизни. Не всегда на этом чердаке есть виды на окружающую природу. Часто это глухой чердак, без света, в пыли, душный летом, холодный зимой, всегда темный» [2, л. 13–14].

Сталин колебался в своем решении: что-то ему понравилось в пьесе – это несомненно, а что-то – категорически нет.

То, что вождь партии считал в пьесе ценным, он определил в письме к драматургу (не ранее 2 апреля 1933 г.) словами: «Идея пьесы богатая». Однако причина запрета заключалась в том, что «оформление вышло небогатое»...

Ложь проросла по всей стране, снизу доверху, ложь маленькая и ложь большая, семейная и партийная, но в диалогах оппозиционера Накатова и замнаркома Рядового, когда-то двух друзей, оформляется важнейший смысл пьесы – о безупречном соединении партийной структуры Центрального Комитета и партийной истины, по отношению к которой, к ее «генеральной линии», все, что не согласуется, не совпадает, не растворяется в единстве, есть абсолютная ложь. Венцом этой высшей, партийно-государственной истины, ее личным воплощением становится товарищ Сталин.

«**Рядовой.** Я говорю о нашем Центральном Комитете... [Я говорю о вожде,]¹ который ведет нас, сорвав маски со многих высокообразованных лидеров, имевших неограниченные возможности и обанкротившихся. Я говорю о [человеке,] сила которого создана гранитным доверием сотен миллионов. [Имя его] на всех языках мира звучит как символ крепости большевистского дела. И [вождь этот] непобедим, потому что непобедима наша революция. Ты знаешь, о ком я говорю...

Накатов. Значит, наверху все благополучно? Значит, враги только внизу?

Рядовой. Нет, враги были и в Центральном Комитете. Вышибли.

Накатов. Враги?

Рядовой. Предатели.

Накатов. Были.

Рядовой. А если остались – добьем!» [7, с. 865].

Накатов был в оппозиции, признал свою вину, вернулся в партию, Рядовой не забыл друга, однажды спасшего ему жизнь. Когда отмечали пятидесятилетие Накатова, Рядовой обнял его и сказал: «А доживем мы с тобой, Василий, до расцвета? Такое вот у меня чувство есть: лет через пятнадцать ликвидируют смерть, и мы доживем...» [7, с. 813].

Нина Ковалева, жена директора завода, полюбившая Рядового, случайно узнает от Накатова, что он создал конспиративную группу. Рядовой догадался об этом после разговора с Ниной.

¹Квадратными скобками помечена правка Сталина, предлагавшего изъять те или иные слова в пьесе.

Накатов шокирован тем, что секрет раскрылся. Он надеялся, что тот, кому он однажды спас жизнь, не донесет... Но горизонт допустимого в тоталитарной психологии изменился:

«**Рядовой.** Хрусталеv. Семеновский. Гусев... И кто еще? Конспиративная группа для борьбы с Центральным Комитетом.

Накатов. Кто?.. Кто?.. Нина?.. Нина тебе сказала?

Рядовой. Она.

Накатов. Предашь?

Рядовой. Нет, не предам...

Накатов. Саша!..

Рядовой. Я не предам партию. Я расскажу ей обо всем.

Накатов. А!

Схватил голову руками, сел на крайний стул» [7, с. 866].

Выше человеческих отношений, любых благодарностей, дружбы, даже любви – преданность и верность партии, ее Центральному Комитету. Вопрос «донести – или не донести» потерял свою прежнюю актуальность в логике Рядового, для которого предательство партии не сопоставимо с доносом на друга.

Нина Ковалева была в другой комнате, когда услышала реплику Рядового о том, что он донесет на друга. Она вышла, чтобы защитить Накатова. Ее выстрел в любимого человека – высшая драматическая точка всей пьесы. Героиня поначалу не может себе позволить донос на товарища, но в конце концов осознает, что только в *беспрекословной покорности*, в *добровольном доносительстве* возможна вся Правда большевизма, искореняющая ложь человеческих отношений.

Приведу большие цитаты, что показать развитие сюжета.

«**Нина.** Александр Михайлович, вы же мне обещали... Обещали не говорить. Вы не скажете, вы, конечно, не скажете, Сашенька? Вы слышали – он убьет себя.

Рядовой. Нина, послушай...

Нина. Нет, нет, я знаю – вы скажете, что сама, мол, о правде говорила, что Виктора не побоялась, – это мелкое, совсем другое, Виктору это на пользу, а Накатов застрелится. Пусть ложь, пусть обман, но единственный раз прошу: промолчите!

Рядовой. Именно тот самый раз, когда нужно сказать не мелкую житейскую правдишку, а большую правду...

Нина. Все помню, все. Не надо, родной мой, я знаю – но это я все наделала. Я его уговорила прийти, за вас ему поручилась, все рассказала вам, он ведь ни одной фамилии не называл, за что же вы меня так...

Рядовой. Пойми, Нина...

Нина. Я понимаю. Я твои слова слыхала, знаю – Накатов неправ; но по-человечески пожалей (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.)...

Рядовой. Нет во мне жалости.

Нина. Ну, я на колени стану, вот, стала – одинокий он...

Рядовой. С ним – группа

Нина. Он ее распустит, ничего не будет делать.

Рядовой. Он ответит за то, что уже сделал... Встань, Нина.

Нина. Он вам жизнь спас...

Рядовой. За мое спасение я не подписывал векселей...

Нина. Где же ваше большое сердце?

Рядовой. Ты не знаешь моего сердца, Нина.

Нина. Глаза у вас далекие, холодные. Как будто ты видишь меня первый раз...

Рядовой. Ты действительно еще девочка. Встань, встань, Нина. Мне неудобно. Это, собственно говоря, смешно, при чем здесь коленные чашечки.

Нина (опустилась с колен на пол). Смешно? А вы хохочите, если смешно. Музыку заведите. Берлинский ресторан. Или, может, вам на гитаре сыграть? А когда Накатов застрелится, выпьем...

Рядовой. Нина!..

Нина. Да, не знала я вашего сердца. Ошиблась. [Оно у вас стариковское, трусливое.] Отвыкло оно за людей болеть. Лишь бы самому тепло было. А здесь квартира хорошая, и автомобиль, и положение. И девушки молодые! А донесете на друга – повышение получите.

Рядовой. Нина!

Нина. Ага! Закричал! В больное место попала. Друзьями торгуешь. Да-да! Ты почему меня не остановил, когда я фамилии называть начала? Все выслушал тихонько, как паук, а потом и паутину сплел. Все теперь поняла, все.

Рядовой. Ты... ты мне... ты не смеешь так...

Нина. Смею! Все смею! Ничего мне теперь не страшно! Тебя любила, а и ты оказался не тот. В последний раз прошу: промолчите.

Рядовой. Я уйду, Нина.

Нина. Не уйдешь, пока не ответишь. Стой! Скажи что-нибудь.

Рядовой. Прощай!

[**Нина** (хватает револьвер). Так на! Прощай! Уходи теперь, уходи совсем...

Стреляет] [7, с.866–868].

Накатов не застрелился после того, как Нина в порыве отчаяния ранила Рядового. Он пришел к Нине, между ними состоялся разговор, в котором Нина осознала свой правильный выбор, – это главный итог пьесы.

«Накатов. Я приготовился умереть. Сжег бумаги, разослал письма, назначил день... [Но в этот день я услышал, что Рядовой в больнице. Он ранил себя, разряжая револьвер. О, я-то знаю, кто разрядил револьвер!...] До сих пор у меня в сердце горят твои слова: "Нет, нет, он не расскажет, нет!.." И глаза. Этих глаз не забыть до настоящей смерти!.. [Ты стреляла в него, ласточка, ты?

Нина (тихо). Я.]

Накатов. Я чувствовал это... и ждал. Шли дни... Мне не присылали повесток, за мной не приходили... значит, ты понимаешь, значит, он ничего не успел сообщить, [остановленный твоей рукой...]

Нина. А?

Накатов (не замечая). Сегодня я был в больнице, справлялся... Он очень плох. Безнадежен. Скоро он уж никогда ничего не напишет. Подождем!..

Нина. Вы... Вы его смерти ждете?

Накатов. Так же, как он ждал моей.

Нина. А! (*Сдержалась. И очень медленно.*) Он будет жить. Я его вылечу. Он напишет. Он все расскажет.

Накатов. Нина.

Нина. Зачем вы не застрелились?

Накатов. Нина, опомнись...

Нина. Нет, это хорошо, что вы не застрелились. [Ведь я же вашей ученицей была, послушной девчонкой. Вы к ней пришли.] Но только не семь дней с тех пор прошло и не десять... Года протекли... А вы все еще надеетесь... и умирать не хотите. Но ведь вы уже не живете, вы же политический мертвец. Оболочка. Вы только на то и способны, чтобы отравлять, спаивать. *Трижды был прав Рядовой, что хотел написать немедленно! И он напишет* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.)

Накатов. Не успеет.

Нина. Я... я сама напишу про вас!

Накатов. Так... Пиши. Не забудь только: там, где Рядовому поверят на слово, от тебя потребуют доказательств. Какие факты можешь ты предъявить, кроме простой болтовни один на один? Никаких! Я старый конспиратор!

Нина. Факты? У меня есть [мой выстрел!] Я расскажу, как я защищала изменника партии, и мне поверят, меня поймут и вас тоже поймут до конца! [Прощайте!]

Накатов. Да... это конец» [7, с.889–891].

Сталину понравилась «богатая» идея пьесы – признать Центральный Комитет партии большевиков мерилom всех нравственных достоинств, предельной истиной, высшей нормой в отношениях между людьми, когда донос становится абсолютно оправданным проявлением высшей большевистской морали. Сталин увидел, что эта идея «богатая» в своей расширительности.

Но ему не могло понравиться, что Центральный Комитет партии, будучи истинным выражением воли пролетариата, его идеалов, оказывается в пьесе одиноким маяком, у которого нет реальной почвы. Почва – это коммунисты, преданные партии, цельные личности и та масса рабочих, которая определяет собой истину коллективных решений, силу нравственных поступков, а не «уроды», как написал Сталин Афиногенову о героях «Лжи». Каждый положительный персонаж пьесы «Ложь» или сомневается, или сам не знает твердо ответы на вопросы времени. Цельная фигура – только оппозиционер Накатов. Это противоречие тонко уловил Сталин.

Обратимся к его письму, адресованному драматургу (не ранее 2 апреля 1933 г.)

«Тов. Афиногенов! Идея пьесы богатая, но оформление вышло небогатое. Почему-то все партийцы у Вас уродами вышли, физическими, нравственными, политическими уродами (Горчакова, Виктор, Кулик, Сероштанов). Даже Рядовой выглядит местами каким-то незавершенным, почти недоноском. Единственный человек, который ведет последовательную и до конца продуманную линию (двурушничества) – это Накатов. Он наиболее "цельный".

Для чего понадобился выстрел Нины? Он только запутывает дело и портит музыку. Кулику надо бы противопоставить другого честного, беспорочного и беззаветно преданного делу рабочего (откройте глаза и увидите, что в партии есть такие рабочие). Надо бы дать в пьесе собрание рабочих, где разоблачают Виктора, опрокидывают Горчакову и восстанавливают правду. Это тем более необходимо, что у Вас нет вообще в пьесе действий, есть только разговоры (если не считать выстрела Нины, бессмысленного и ненужного). Удались Вам, по-моему, типы отца, матери. Нины. Но они не доработаны до конца, не вполне скульптурны. Почти у каждого героя имеется свой стиль (разговорный).

Но стили эти не доработаны, ходульны, неряшливо переданы. Видимо, торопились с окончанием пьесы.

Почему Сероштанов выведен физическим уродом? Не думаете ли, что только физические уроды могут быть преданными членами партии?

Выпускать пьесу в таком виде нельзя.

Привет!

И. Сталин» [6, с. 202].

Афиногенов не смог показать безупречных коммунистов в пьесе под названием «Ложь». Он их представил, если не реалистично, то весьма правдоподобно. И самая большая неприятность для Афиногенова заключалась в том, что врага партии Накатова он изобразил не только без классовой ненависти, но даже реалистично и драматично, как психологически адекватного, хотя и преступного человека. Накатов говорил Нине Ковалевой, искавшей партийной правды: «Мы становились большевиками в непрестанной борьбе с могучими противниками. Для того чтобы выбрать путь, надо было одолеть целую библиотеку чужих мыслей. Папскую библиотеку... А вы растете на готовых лозунгах. Вам предложено либо верить на слово, либо молчать. Единственным вашим багажом становятся истины, усвоенные в порядке директивы... Предписано считать их правдой. А что, если это не так? Что, если "правда", которой ты веришь, есть ложь в основании своем? И ты споришь тут с Виктором (директором завода и мужем. – *А.Ю.*) и Горчаковой (активисткой партбюро. – *А.Ю.*) о копеечной неправде, не видя того, что вся страна лжет и обманывает – ибо сама она обманута» [7, с. 840].

Подобный текст приемлем только при условии, что драматург покажет свои классовые чувства ненависти к врагам партии – и таким образом соединится со своим народом, как того желали столь разные, но контекстуально близкие люди – Сталин и Игрицкий.

Афиногенов этих чувств не испытывал. Изнеженный «маменькин сынок» по-прежнему готов выполнить любой заказ партии. Стремившийся к благополучию и психологическому равновесию, он не склонен был к безудержной ненависти – и никак не поднимался до нужной высоты классового самосознания. Чтобы было понятно, о какой классовой ненависти как способе соединения со своим народом идет речь, приведу пример самого Бориса Игрицкого, человека умного, наблюдательного, сурового фанатика, который никогда не отрывался от масс, в отличие от Афиногенова.

Игрицкий писал в дневнике о партийной оппозиции в начале 30-х годов: «Какими же надо быть продажными собаками, стервятниками, худ-

шими, чем самая дешевая и самая заразная проститутка, чтобы на все доверие – ответить долголетним предательством, прикидываясь верными, честными, даже убежденными работниками, даже соратниками!! Если это так, то прямо растерзать, на самосуд, на длительные пытки отдать этих подлых поганых тварей! Можно ли после Шахт, Грозного, Бежицы и пр. актов предательства доверять хотя бы одному, хотя бы с виду и самому преданному спецу? Если раньше я никогда не испытывал особых симпатий даже к лучшим из спецов, то теперь я – отъявленный спееед, убежденный ненавистник этих лакейских, жалких, скотоподобных людишек, ради золота продающих все что есть, все что может быть лучшего в человеке: честь, достоинство, труд, волю. Вылощенные, выхолощенные людишки в фулярах, в фуражках с техническими значками – сливки интеллигенции, высококвалифицированные, высококультурные гадюки!» [1].

Личная жизнь сталинского драматурга – это противоречие внутреннее, живое. Если ты «сталинский драматург», то матерью, отцом, всеми святыми вкупе может быть для тебя только партия большевиков. В этом и заключался провал Афиногенова, ибо до такого требуемого аскетизма он не только не поднимался, но и не мог подняться. Его привязывали к обычной жизни семейные отношения, комфорт, желание жить без материальных забот, в конце концов – это и личное пространство семьи, и даже личное одиночество.

Финал пьесы «Ложь» двоякий: то, что не понравилось Сталину – говорило еще о человечности отношений между людьми, то, что понравилось Сталину – предрекало Большой террор.

Библиографический список

1. Дневник Б.В.Игрицкого (семейный архив).
2. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Фонд 2172 (А.Н.Афиногенов). Оп.2. Д.82.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Фонд 2172 (А.Н.Афиногенов). Оп.2. Д.47.
4. Афиногенов А.Н.Дневники и записные книжки. Подготовка текста и комментария старшего научного сотрудника ЦГАЛИ СССР К.Н.Кириленко. М. 1960.
5. Афиногенов А.Н.Избранное. В 2-х т. Т.2. Письма. Дневники. Сост. и примеч. К.Н.Кириленко и В.П.Коршуновой. М.: Искусство. 1977. 726 с.
6. Громова Н.Узел. Поэты. Дружбы. Разрывы. Из литературного быта конца 1920-х – начала 1930-х годов. – М.: АСТ: CORPUS, 2016. С.202.

7. Забытые пьесы 1920–1930-х годов / Сост., текстологич. подготовка, вступ. статья, историко-реальный коммент., сведения о постановках пьесы и биографиях авторов В.В.Гудковой. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 865.

8. Караганов А. Раздумья драматурга // Дневники и записные книжки. Подготовка текста и комментарии старшего научного сотрудника ЦГАЛИ СССР К.Н.Кириленко. М. 1960. С. 12.

9. Юрганов А.Л. «Бобруйское дело» и пьеса А.Н.Афиногенов «Чудак»: социально-политические реалии сталинизма и советская драматургия // Россия и современный мир. 2023. №2. С. 156–174.

Церковь не уклонится во
веки веков, ибо она есть
предустановленный столп
и утверждение истины.

Аврелий Августин

Если бы анархистов не было,
государству следовало бы их
придумать.

Боб Блэк

Как золото очищается огнем
в горниле, так и мы должны
все терпеть...

Киприан Карфагенский

Анархизм – вечен, анархия –
невозможна.

Петр Рябов

Олег Волобуев

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

КИРАНОВЫ. СУДЬБА ПРОТОИЕРЕЯ ДИМИТРИЯ И ЕГО СЕМЬИ

УДК

929

В очерке рассказывается о судьбах ялтинского протоиерея св. Димитрия (Киранова), его жены Анны Львовны и сына Льва Дмитриевича. Супруги являются крестными автором очерка, который провел детство рядом с церковью Иоанна Златоуста и вложил в очерк свои воспоминания и впечатления. Представлено участие отца Димитрия вместе с другими крымскими священнослужителями в сопротивлении нациску большевистской власти и обновленческой церкви, в отстаивании конституционных прав Русской православной церкви (РПЦ). Верным и достойным спутником в его жизни была матушка Анна. Вместе они переживали гонения на церковь, преследования, клеветнические обвинения, ссылку отца Димитрия в Казахстан, высылку сына в Архангельск. В 1937 г. отец Димитрий был арестован и 4 января 1938 г. расстрелян. В 1997 г. он был причислен к лику местночтимых святых, а в 2000 г. на Архиерейском соборе РПЦ был прославлен для общецерковного почитания как новомученик.

The essay tells about the fate of the Yalta archpriest of St. Dimitri (Kiranov), his wife Anna Lvovna and son Lev Dmitrievich. The couple are godparents of the author of the essay, who spent his childhood near the church of St. John Chrysostom and put his memories and impressions into the essay. The participation of Father Dimitri, together with other Crimean clergy, in resisting the onslaught of the Bolshevik government and the Renovationist Church, in defending the constitutional rights of the Russian Orthodox Church is presented. A faithful and worthy companion in his life was Mother Anna. Together they experienced persecution of the church, persecution, slanderous accusations, the exile of Father Dimitri to Kazakhstan, the expulsion of his son to Arkhangelsk. In 1937, Father Dimitri was arrested and shot on January 4, 1938. In 1997, he was canonized as a locally venerated saint, and in 2000, at the Bishops' Council of the Russian Orthodox Church, he was glorified for church-wide veneration as a new martyr.

Ключевые слова: священнослужение; ялтинские церкви 1920–1930 гг.; обновленчество; антирелигиозная политика; репрессии против РПЦ.

Key words: clergy; Yalta churches of 1920–1930; renovationism; anti-religious policy; repression against the Russian Orthodox Church.

E-mail: volobuevov@yandex.ru

Церковь Иоанна Златоуста,
благовеста песенный полет,
золотая солнечная люстра
в небе Ялты свет хрустальный льет.

В небе Ялты чисто и бездонно.
Влево глянешь – виден мыс Мартьян.
Пинии изысканная крона.
Олеандров чудо и дурман.

А направо – Ай-Тодор в тумане.
Стой, туман, пейзажи не губи!
И бежит с плато подобьем лани
облачко по склонам Могаби.

И когда мне грустно почему-то,
и готов я сдаться маете,
я ищу такие вот минуты,
веря: откровенья – в красоте.

Мир хочу познать я без утайки;
а над бухтой два часа подряд
ангелы летают, словно чайки,
чайки, словно ангелы, парят.

Таким узрел собор Иоанна Златоуста (назван по имени одного из трех Вселенских святителей) и воспел его, собора, ауру поэт Вячеслав Егiazаров. Как и я, он был ялтинским уроженцем, как и я – родился в декабре, как и я – воспринимал храм, словно душу урочища, известного под названием Ялта. 45-метровая колокольня церкви, возносящаяся над ялтинским горным амфитеатром, занесена в навигационные ориентиры морских локаций и является символом города-курорта. Но излучение от символа, если он не бездушен, имеет, подобно человеку, свою ауру. В храме на Поликуровском холме я был крещен, и ежедневно в течение почти десятилетия он самим фактом своего существования стал частью моего детства.

Эта церковь навсегда врезалась в память первыми жизненными впечатлениями. Как и весь южнобережный пейзаж ялтинского амфитеатра – от мыса Мартьяна до мыса Ай-Тодор, от горы Могаби,

сбегающей своим склоном к Ливадии, до Поликуровского холма, на котором стою я, маленький мальчик в модной тогда матроске. Мне с холма, – ведь живу я на улице Поликуровской, – видна, как на ладони, довоенная Ялта. С ее молом, набережной с ресторанами-поплавками, центральнообразующим обзор холмом Дарсан. Впечатляющей видовой площадкой является и Поликуровское мемориальное кладбище (когда-то оно именовалось Иоанно-Златоустовским), расположенное по той же улице, но уже в верхней части холма. От нашего дома до кладбища и до собора Иоанна Златоуста буквально рукой подать, только идти надо в противоположные стороны. Собор и кладбище возвышаются над разросшимся курортным городом с его наглым новостроем и сохранившимися внизу с восточной стороны мизерными строениями работающей Массандровской слободки.

Первое письменное упоминание о поселении Ялта встречается в документах, датируемых 1384 и 1386 годами. В них шла речь о территориальном споре крымских метрополий – Херсонской, Готской и Сугдейской. Арбитром в споре выступал константинопольский патриарх Макарий, который, в частности, возложил на епископа Готского обязанность управления «патриаршим местом, называемым Ялитой» [3, с.466]. Почему обязанность управления была возложена именно на этого епископа, я объясняю тем, что амфитеатр двуречья Учан-су и Дерекоя издавна связывал южнобережные селения с селениями по другую сторону Ай-петринской горной цепи, входившими в состав средневековой Готской метрополии.

Отсюда, с патриаршего владения византийско-генуэзских времен, начиналась Ялта, она же Джалита/Гиалита. Как правило, в средние века на крымских берегах вплотную к морю селения располагались редко. Опасность жителям чаще грозила с моря, а не с гор. С моря приходили древние греки, римляне, византийцы, воины Митридата Понтийского, генуэзцы, турки-сельджуки и турки-османы. Естественной природно-географической защитой для средневековых ялтинцев служил Поликуровский холм с его вдающимся в морские просторы мысом святого Иоанна и обращенной к морю обрывистой скальной стеной.

Достопримечательностью Поликуровского холма (да и всей Ялты) является первый соборный храм города. Собор Святителя Иоанна Златоуста был возведен по чертежам одесского архитектора Г.И. Торичелли на старинном фундаменте греческой церкви. Инициатором строительства стал много сделавший для Новороссийского края генерал-губер-

Торжественное освящение 17 сентября 1837 г. архиепископом Херсонским и Таврическим храма во имя свт. Иоанна Златоуста. На втором плане старинной гравюры – панорама ялтинского горного амфитеатра

Вид на Ялту со стороны Массандровского парка. Первые десятилетия XX в. Собор Иоанна Златоуста справа, на склоне Поликуровского холма

натор М.С.Воронцов. Освящение храма произошло 16 сентября 1837 г. в присутствии императора Николая I и императрицы Александры Федоровны. На следующий день император присвоил Ялте статус города. Храм венчает трехъярусная колокольня, которая доминирующе выделяется на всех панорамных фотоснимках Ялты. Перестроен храм главным архитектором Ялты Н.П.Красновым в конце 1880-х годов. Разрушен в годы Великой Отечественной войны (одинокая колокольня продолжала выситься как надгробие над развалинами), позднее восстановлен по сохранившимся чертежам в том виде, в каком он был при Воронцове. В ноябре 1998 г. храмовый новострой освятил архиепископ Симферопольский и Крымский Лазарь.

В 1913 г. вторым священником собора Иоанна Златоуста стал Дмитрий/Дмитрий Михайлович Киранов (1879–1938), выпускник Таврической духовной семинарии 1900 г. и иерей с 1904 г., переведенный в Ялту из церкви материкового села Малая Токмачка Екатеринославской губернии.

В 2007 г. на конференции, посвященной 170-летию юбилею храма Св.Иоанна Златоуста, в докладе настоятеля протоиерея Владислава Шмидта так было сказано о месте о.Димитрия Киранова в истории гонений на РПЦ со стороны атеистической большевистской власти: «В 1913 году в Ялту приехал человек, с именем которого связана особая страница в истории храма. Пристальнее вглядываясь в ткань повседневного быта, мы понимаем, что какие-то события, кажущиеся случайными, на самом деле обусловлены премудрым и благим промыслом Божиим, а те, что, как говорится, были у всех на устах, вскоре покрываются прахом забвения. Жизнь человека – вещь таинственная и страшная. В любой момент ее течение, бывает, нарушается вмешательством державной Божией десницы, будь то буря и вихрь испытаний или ликующая благость и любовь. Святые – соль земли, они как тихие цветы на воде: чем чернее омут, тем ярче сияние их белоснежных одежд. Русская поговорка говорит: "не стоит село без праведника, а город – без святого". Удивительным образом совпало так, что именно в нашем храме выпало служить этому удивительному человеку, пастырю человеческих душ, милостью Божией святому мученику и исповеднику Имени Христова в самые страшные годы беспримерных гонений на Церковь – протоиерею Димитрию Киранову» [4].

В Ялте о.Димитрий был возведен в чин протоиерея и прослужил в соборе Иоанна Златоуста почти два десятилетия, до высылки в Казахстан в 1932 г. Дмитрий Михайлович был женат на Анне Львовне Николае-

Кирановы: Дмитрий Михайлович и Анна Львовна

вой, родной сестре моей бабушки Елены Львовны. Супруги Кирановы были моими крестными. Их сын Лев (назван в память об его дедушке) родился в 1910 году, в том же, что и моя мать, Галина Константиновна. Сестер связывала крепкая дружба. Анна Львовна болела туберкулезом в тяжелой форме, и когда в ялтинском Иоанно-Златоустском соборе освободилось место священника, о.Дмитрия перевели на это служение. Для меня матушка Анна Львовна была тетей Нюсей.

Сведения об о.Дмитрии и его брате Викторе, тоже священнике, в течение ряда лет собирал протоиерей Николай Доненко, сначала будучи священником в Бердянке, а затем в Ялте, при церкви в Нижней Орианде. Наиболее полно жизнеописание новомучеников – ялтинского (Дмитрия) и бердянского (Виктора) – изложено в книгах Н.Доненко, материалы которых, в том числе и переданные Доненко воспоминания дяди Леки, я использую в этом очерке [1; 2].

Дмитрий Михайлович, священник в пятом поколении, потомок болгарской семьи, ушедшей из Османской империи в православную Россию.

Сначала Кирановы поселились в Бессарабии, а потом в основанном болгарями селе Мануйловка, Бердянского уезда Таврической губернии. Протоиерей Михаил Стефанович, отец Дмитрия и Виктора, служил в церкви села Мануйловка с 1863 г. Оба его сына, получив духовное образование, также начинали свой путь священнослужителей в церквях Бердянского уезда. Их продвижению по церковной стезе способствовало широкое гуманитарное самообразование и природные данные наставников в вере и душецелителей.

Лев Дмитриевич (в семейном кругу Лека) так характеризовал общественное служение своего отца: «Роль, которую он выполнял в жизни, он понимал как роль воспитателя христианской морали и как проповедника любви и добра. Верил ли он тому, чему учил других? Был ли он сам верующим человеком? Уверен, что – да... К своей деятельности он относился серьезно и без пафоса и фанатизма» [2, с. 201]. Как это, в принципе, совпадает с мнением Хризостома (в миру Мартишкин Георгий Федорович)¹, архиепископа Иркутского и Читинского, о главных чертах священнослужителя, коими он считал внутренние убеждения и богатый духовный мир (выступление на Поместном соборе РПЦ 6–9 июля 1988 г.). Отцу Димитрию прихожане верили, относились к нему с уважением и долго сохраняли память о нем, что проскальзывало порой в общении со старожилками Массандровской слободки и Поликуровского холма еще в конце 1940 – начале 1960-х гг. За свое служение он неоднократно отмечался и награждался церковными властями. В сан протоиерея был возведен в 1926 г.; расстрелян в возрасте 58 лет.

Взаимоотношения с атеистической советской властью у о.Дмитрия не сложились, впрочем, как и у всех служителей православной церкви да и других конфессий. Закономерно, что эта власть видела в церкви, несмотря на всю ее осторожность, идеологического (разумеется, и политического) врага. Но и в этих условиях православные священнослужители продолжали не только исполнять свои прямые обязанности, но еще и утешать прихожан, поддерживая их надежды на благоприятный исход событий.

Искусственно создаваемые конфликты власти с крымскими священниками начались в 1922 г. и были связаны с двумя обстоятельствами: изъятием государством церковных ценностей и попыткой расколоть пра-

¹ *Пострижен в монахи с именем Хризостом в честь святителя Иоанна Златоуста (греч. Хризостом). Пастырство, в его понимании, «это – попечение о душах, это контакт с людьми, с личностью».*

вославие с помощью так называемой обновленческой церкви, идеологом и лидером которой являлся А.И.Введенский.

В чекистских документах 1923–1924 гг. упоминаются фамилии находившихся под секретным наблюдением и контролем ялтинских священников – А.Я.Терновского, Д.М.Киранова, Н.П.Щеглова. Это было время принятия решения об их высылке из Крыма и за пределы Екатеринославской губернии. Обвинение: поминование в богослужении преследуемого советской властью патриарха Тихона и отказ передать собор Александра Невского обновленческой церкви, сотрудничавшей с советской властью. Приговор был священниками обжалован, прихожане выступили с ходатайством об освобождении батюшек из-под ареста и в конечном счете обвиняемые были освобождены [2, с.215–242].

Начиная с этого времени и на протяжении всех 1920-х годов, так называемая обновленческая церковь, поддерживаемая советской властью, вела агрессивную борьбу за вытеснение из приходов священнослужителей «тихоновской» церкви (староцерковников). Обновленцы захватили власть в Таврической епархии, но не были признаны рядом церковных приходов. Раскол в РПЦ привел к тому, что в Крыму, например, в разгар церковной смуты официально было зарегистрировано 5 православных течений (групп), которые, правда, по их взглядам и делам можно свести к обновленцам и староцерковникам. В административном центре, Симферополе, церковной властью рулили обновленцы, в Симферопольском районе приходы поровну поделились на эти два направления. В Керченском районе не было ни одного обновленческого прихода. Священники Керченского, Феодосийского и Ялтинского районов отказались подчиняться захваченному обновленцами Управлению Крымской митрополии.

В Ялте господствовали так называемые автономисты, обновленцам же принадлежал всего один храм. К середине десятилетия 19 храмов было закрыто стараниями местных администраций. Летом 1923 г. в Ялту приехал даже глава обновленцев Александр Введенский, возглавивший попытку отвоевать у тихоновцев центральный собор Александра Невского. Известный своим красноречием и экзальтированностью Александр Введенский представлял собой яркую, но, по оценке ряда современников, весьма беспринципную фигуру. Популярный проповедник умел увлечь верующих и ораторским мастерством, и эмоциональной зажигающей речью. Мать главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, баронесса М.Д.Врангель, в своих воспоминаниях так отзывалась о Введенском: «Богослужение его – экстаз. Он весь горит и все время приковывает внимание, наэлектризовывает вас» [цит. по: 8]. Это был

опасный противник для ялтинских священнослужителей, честолюбивый и падкий на успех. Не помню кто мне рассказывал (не дядя Лека ли?), что в Ялте он организовал очень жаркий диспут с участием достойных оппонентов в лице местных церковнослужителей. Во всяком случае храм Александра Невского последние с помощью прихожан отстояли.

Автономисты принадлежали к особой группе священнослужителей. Суть их воззрений заключалась в передаче на местах управления церковными организациями выборным советам приходских общин. Эту ситуацию они рассматривали как временную, которая должна была сохраняться до преодоления церковной смуты. В 1925 г. состоялся съезд православного духовенства и мирян Ялтинского округа, который подтвердил, что съезд считает канонической Патриаршую церковь, а обновленческую церковь признает неканонической. Съезд также объявил о создании автономного правления в Ялтинском округе; высшим органом его провозглашался окружной Церковный Совет. В состав Совета было избрано 5 представителей от духовенства и 5 представителей от мирян. Одним из представителей духовенства был о.Димитрий Киранов, а кандидатом от мирян стал мой родственник по отцу Николай Волобуев. Однако попытки приглашения епископов в Ялту в силу ряда причин не увенчались успехом, и южнобережным церквям тихоновской ориентации пришлось войти в состав другого автономного округа – Керченского [5, с.155–158].

Отмена приговора о высылке священнослужителей из Крыма, о чем уже шла речь, не означала спокойной церковной деятельности и семейной жизни. В ноябре 1924 г. было арестовано 18 человек и возбуждено дело №32109 о распространении некоего монархического воззвания «к русским людям», в котором власти обвинялись в грабежах церквей и монастырей, а верующие призывались «к объединению для борьбы с Соввластью». Вскоре за невозможностью доказать обвинение часть церковных активистов была освобождена. В числе 12 оставшихся священнослужителей и членов церковно-приходских советов числились А. Я. Терновский, Н. А. Литвинович (дочь протоиерея Терновского), П. Е. Матвеев, А. Л. Киранова.

Историю с распространением воззвания старались раздуть в докладной начальнику 1-го отделения Секретно-оперативной части крымского ГПУ. В докладной сообщалось, что с начала 1924 г. в Ялте действует неоформленная подпольная группировка монархической направленности, которая концентрируется вокруг фигуры ялтинского благочинного Терновского и одной из активисток, которой является

супруга священника Киранова – Анна Львовна. Следственное дело было надолго затянато и, наконец, заключение о его прекращении было направлено в Коллегию ОГПУ, где это решение получило подтверждение в марте 1926 г. [9].

Относительно благополучный исход преследования ялтинских священнослужителей в 1923–1927 гг. объяснялся некоторым смягчением репрессивной политики. И это смягчение шло сверху. Так, в июне 1923 г. Крымским обкомом была получена за подписью секретаря ЦК РКП(б) В.М.Молотова руководящая телеграмма: «Несмотря на целый ряд постановлений ЦК о необходимости осторожного отношения к религиозным предрассудкам крестьян и отсталой части рабочих, в ЦК продолжают поступать сведения о нарушении этих постановлений, в частности, о массовом закрытии церквей, вызывающем недовольство, используемое антисоветскими элементами. ЦК категорически предлагает приостановить применение этой меры» [цит. по: 5, с.226]. Мне думается, что имеется прямая связь между политическим зигзагом ЦК и отменой решения о высылке ялтинских священнослужителей. Иначе трудно объяснить факт подписи 23 октября уполномоченного специального отдела секретной части крымского ГПУ А.Шолоха-Терлецкого под постановлением об административной высылке и получения 24 октября того же года телеграммы заместителя председателя ОГПУ Г.Ягоды, предписывающей «всех священников из-под стражи освободить и административную высылку в отношении их отменить» [2, с.239–240].

Еще в декабре 1924 г., за три с половиной месяца до своего ухода в мир иной, патриарх Тихон благословил возвести Дмитрия Киранова в сан протоиерея за особые духовные заслуги. Однако ввиду сложности взаимоотношений между властью и церковью это возведение в сан состоялось лишь в апреле 1926 г. Хиротесию (рукоположение) при возведении в чин совершил архиепископ Александр (Раевский), управляющий Таврической епархией. От имени прихожан получившему сан протоиерея о.Димитрию был преподнесен наперсный золотой крест и приветственный адрес следующего содержания:

«Ваше Высокоблагословение, глубокоуважаемый и досточтимый пастырь!

В 1913 году Вы поступили Священником к нашему храму в расцвете своих сил. Ваши прихожане увидели в Вас пастыря, всей душой любящего Божий храм и церковные дела. С усердием исполняли Вы церковную службу, радовали нас учительным словом, с любовью спешили на наши нужды, с сердечной отзывчивостью слушали наши печали.

В последние годы церковных нестроений Вы, вместе с глубокоуважаемым Настоятелем храма протоиереем отцом Александром Терновским, твердо стояли за Православную церковь и с достоинством несли высокое звание православного священника. Мы давно хотели отметить Ваши заслуги для нашего храма и высказать Вам чувство своей любви и глубокого уважения, но только теперь нам удалось осуществить наше желание.

Примите же, глубокоуважаемый и дорогой Пастырь, от Вашего прихода этот Святой Крест, возложите его на себя и носите его во славу Божию, и верьте нашим чувствам сердечной благодарности и глубокого к Вам уважения.

Члены приходского совета
20 апреля 1926 года» [2, с.273–274].

В сентябре 1928 г., после ухода из жизни настоятеля храма Иоанна Златоуста Александра (Терновского), преемником его стал о.Димитрий. Он, уже имея опыт общения с советской властью, понимал, что этот пост сулит не радость, а крайне трудное служение в обстановке агрессивного атеизма, опирающегося на административные механизмы, судебные органы и средства пропаганды и насилия. Поддержка властью обновленчества к тому времени потеряла свою актуальность: оно выполнило свою миссию раскола и подрыва авторитета православной церкви. Отпали и старые обвинения протоиерея Димитрия в том, что он: 1) является «ярким противником обновленчества в церкви», 2) придерживается «староправославной патриаршей ориентации», 3) «борется за линию митрополита Сергия» [6]. Все эти обвинения ранее квалифицировались как контрреволюционные, хотя на деле их можно было признать не больше как внутрицерковными. Нужны были новые поводы для наступления на религию и церковь.

Очередной этап преследования ялтинских священнослужителей (конечно, не только ялтинских) начался в так называемый «год великого перелома». Начался он с формальных придинок и финансового удушения церковью. В 1929 г. на о.Димитрия был наложен штраф на сумму 2000 руб. за нарушение правил страхования. Уплатить его удалось лишь благодаря пастве, собравшей требуемую сумму.

Нелегкими оказались и следующие годы. В 1930 г. о.Димитрий был приговорен к пяти месяцам принудительных работ с удержанием 40% зарплаты. В 1931 г. на него было наложено взыскание в размере 1113 руб. за противодействие конфискации имущества, находившегося в прицер-

ковной часовне св.Николая. Взыскиваемая сумма и на этот раз была добровольно собрана прихожанами.

9 марта 1932 г. протоиерей Димитрий Киранов был арестован за «антисоветскую агитацию», заявленные незаконными денежные сборы среди прихожан, роспуск контрреволюционных провокационных слухов об органах власти. 4 июня того же года он был приговорен к трехгодичной ссылке в Казахстан; в предъявленных обвинениях виновным себя не признал.

Вернувшись из ссылки, о.Димитрий стал настоятелем главного ялтинского храма – собора св.Александра Невского. В период короткой передышки, с лета 1935 г. до осени 1937 г., истрепанный преследованиями со стороны местной власти и НКВД, вечно занятый о.Димитрий общался с нашей семьей в ее полном составе редко. Но мы, бабушка Еля и тетя Люся, порой прихватывавшие и меня, не раз спускались по склону Поликуровского холма вниз, на Массандровскую слободку. Для того, чтобы туда попасть, надо было пройти вверх по Поликуровской улице 20–30 метров и на повороте свернуть на тропу, ведущую на слободку и на пляж. Сухонькая и легкая на подъем бабушка Еля впереди всех привычно сбегала вниз по склону.

Кирановы проживали в этой пролетарской части Ялты (ранее имели квартиру вблизи храма Иоанна Златоуста на ул. Церковной) в доме №10 по улице Слободской (ныне ул. имени Данченко). К неприязательному дому вел глубокий, как мне тогда казалось, двор. В комнатах, расположенных на втором этаже, даже в солнечные дни господствовал полумрак. Сумеречность освещения скрадывали болгарские тканые покрывала бежевого колера с коричневым геометрическим рисунком. Тетя Нюся, большая и слабая, обычно лежала. В квартире стояла тишина. Сын четы Кирановых, Лева, был в архангельской ссылке. Его, девятнадцатилетнего, насколько мне известно, «замели» в Москве, где он поступил в театральную студию и мечтал стать артистом театра. Соседи и ряд женщин-слободжан помогали тете Нюсе, чем могли. Отец Димитрий и «матушка» пользовались у жителей Массандровской слободки уважением и искренним сочувствием.

Содержания разговоров взрослых я не помню. Они часто велись в отдельной комнате Анны Львовны. Наверное, мне было скучно сидеть в полутемной и душной квартире. Порой меня отпускали во двор. Но я что-то не помню, чтобы там я играл с детьми. На слободке многие, на манер крымских татар (а, может быть, по средиземноморскому «этикету»), жили замкнуто, за дворовыми стенами.

Больше всего запомнился эпизод, связанный с визитом о.Димитрия к нашей семье. Это было или на Рождество, или в предновогодний вечер наступающего 1937 года, последнего в жизни о.Димитрия. Горели свечи на нарядной елке. (Елкой я длительное время считал молодую крымскую сосну). Окна в квартире были наглухо зашторены. Уже будучи взрослым, я понял эту предосторожность. Понял и другое: почему наша квартира имела два выхода – во двор и на улицу. Это была как бы конспиративная квартира, и ее, думаю не ошибаюсь, подобрал для приехавших из Мариуполя родственников сам протоиерей. За столом сидела семья Королевских, включая меня, и о.Димитрий. Сходившая на нет теть Няся к нам добраться уже не могла. Говорили за столом мало. Наступающий Новый год веселья не обещал. Потом взрослые ушли провожать о.Димитрия. Их долго не было. Мне одному было скучно, и я, подражая взрослым, стал выдаивать в рот капли сладкого вина из оставленных на столе бокалов. Наконец, бабушка и тетя вернулись, и всей квартирой мы погрузились в сон.

Учась в ялтинском сельскохозяйственном техникуме в 1948–1950 гг. и живя в другом конце города, я старался, сделал «крюк», пройти мимо храма Иоанна Златоуста. Около разрушенной церкви в то время стихийно образовался вещевой рынок. Осмотрев рыночный товар, который я все равно по неимению средств не покупал, часто спускался вниз проходной лестницей, ведущей по обрывистому склону на улицу Дражинского. Все напоминало мне о довоенной Ялте и близких мне людях. Иногда проскальзывало чувство невозвратимости прошлого, предметно обозначенного прощальным с о.Дмитрием вечером.

Волна притеснений и репрессий против священнослужителей всех религий начинается в 1929 г., в «год великого перелома», и заканчивается всесоюзными расстрелами духовных лиц в 1937 г. Одной из предпосылок жестокости по отношению к священнослужителям считают результаты проведенной в январе 1937 г. всесоюзной переписи населения. Партийно-советское руководство было встревожено ответами на вопрос анкеты о том, «считаете ли вы себя верующим?». Православными себя назвали 41,6 млн чел., или 42,3% всего взрослого населения РСФСР и 75,2% всех принимавших в переписи верующих [7].

События, приведшие непосредственно к гибели протоиерея Димитрия и других ялтинских священнослужителей и православных активистов-прихожан, пошагово разворачиваются в 1937 г. В июле были арестованы отдельные священнослужители, некоторые члены приходского совета собора Александра Невского, заметные представители ялтинской

интеллигенции, православные активисты. В числе последних – переехавший в Ялту известный своими трудами доктор медицины и профессор Московского университета Н.Ф.Голубов, врач П.А.Кузнецов, врач и в прошлом член партии эсеров А.С.Гурьянова, сотрудник Курортснабторга И.Л.Смирнов, бывший генерал В.Ф.Летунов, метеоролог К.И.Рябоконева, бывшая дачевладелица Н.Г.Полякова, маляр Г.К.Харито и председатель церковной двадцатки Л.Д.Березовская. 15 сентября следователь НКВД попросил продлить срок ареста для Березовской, Летунова, Харито и Поляковой, не признававших своего участия в контрреволюционной организации, с выведением их в отдельное делопроизводство. Летунов и Харито были осуждены 25 ноября и приговорены к расстрелу как члены контрреволюционной организации. Позже, 10 декабря, к расстрелу была приговорена и «правая рука» о.Дмитрия по сбору пожертвований в помощь заключенным священнослужителям – Березовская Лидия Дмитриевна. Показания на державшихся достойно арестованных давали сломленные допросами Иван Смирнов и иеродиакон Павел Черняков. Изучавший судебное дело протоиерей Николай Доненко замечает, что каждая его страница «предстает перед нами как свидетельство великого подвига стояния в правде или отпадения от нее», а о Лидии Березовской он пишет, что она приняла смерть как христианская мученица [2, с.333].

Разворачиваются не только необоснованные репрессии, но и широкая кампания по дискредитации священнослужителей. 20 октября 1937 г. на страницах газеты «Курортные известия» появилась подписанная инициалами «Н.Г.» статья под многозначимым заголовком «Подрывная антисоветская деятельность церковников в Ялте». Чего только в ней не было! И превращение собора в «антисоветский притон», и «поддержка фашистских государств против страны Советов», и выражение «симпатии и сочувствия» испанским фашистам, и устройство в помещении собора склада краденого алебаstra. Так складывались в одну обвинительную корзинку и контрреволюционные замыслы церковников, и одобрение фашистских режимов, и кража государственной собственности, и даже сексуальные обвинения (педерастия и прочая чушь). Спустя два дня после появления в газете клеветнической статьи настоятель собора Александра Невского протоиерей Дмитрий был арестован. Вместе с ним подверглись аресту и подозреваемые члены «секретной» организации так называемых «кирановцев».

1937–1938 годы знаменуются по отношению к обвиняемым, как правило, юридической триадой: арест – приговор «судебной тройки» –

расстрел или 10 лет лагерей без права переписки. Обвинения, предъявленные протоиерею о.Димитрию и другим арестованным по делу «о ялтинской контрреволюционной антисоветской организации церковников» заключались в: создании секретного фонда материальной помощи арестованным церковнослужителям, членам православной общины и их родственникам, а также связи с объявленной контрреволюционной группировкой духовенства под руководством епископа симферопольского и крымского Порфирия (Гулевича), ликвидированной НКВД в 1936 г. Епископ был выслан в Казахстан и вскоре расстрелян в окрестностях Алма-Аты в декабре 1937 г.²

1 декабря того же года о.Димитрий, иеродиакон Павел и церковная староста новой «двадцатки» Ефросинья были приговорены к расстрелу судебной «тройкой». Отец Димитрий Киранов своей вины не признал и на этот раз, он был расстрелян по новому стилю 22 декабря 1937 г. (а по старому – 4 января 1938 г.). Остальные члены «кирановской группы» получили по 10 лет лагерей. Конечно, никто из них не сочувствовал фашистам, ничего не крал, ни в каких контрреволюционных группах не состоял. Все они были реабилитированы еще в советское время.

Тетя Нюся ненадолго пережила мужа, ее жизнь вскоре тоже оборвалась. Похоронена она была на старом Ливадийском кладбище рядом с Галочкой, моей матерью. Где был похоронен стараниями тюремщиков или конвоиров о.Димитрий, никому неизвестно. Места захоронения погубленных человеческих душ не рекламировались.

Хочу еще раз вернуться к воспоминаниям Льва Дмитриевича Киранова об отце – кратким, но характеризующим личность священнослужителя с разных сторон. И прежде всего, – что показательно, – отец Димитрий в них предстает книголюбом и библиофилом, пытливым в познании мира человеком с широким диапазоном общественных интересов, никогда не прекращавшим заниматься самообразованием.

«Книгами, – замечает сын, – были набиты не только шкафы и этажерки, они были повсюду». Часть этой библиотеки досталась Королевским после ухода из земной юдоли Димитрия Михайловича и Анны Львовны. На книгах был замазан экслибрис о.Димитрия, включавший его имя и крест. У меня сохранились только два тома «Всемирной истории» Оскара Йегера и две книги из «Собрания сочинений» Н.К.Михайловского, издания 1896 и 1897 гг., с вымаранными печатями. Но сочинения Михайловского принадлежали не Киранову, а кому-то другому. Книг как опас-

²Заметим, епископ Порфирий был в 1997 г. причислен к лику святых на Украине, а в 2000 г. – к лику святых Русской православной церкви.

ных ориентиров-улик боялись, как боялись писем, фотографий и других следов, которые могли возбудить уголовно-политические фантазии доносчиков и следователей.

Кое-что из библиотеки о.Дмитрия я могу назвать. Я очень любил роскошно изданную «Просвещением» научно-популярную серию «Вся природа» для школьного и домашнего чтения. В нее, в частности, входили трехтомник Брема «Жизнь животных», двухтомники – «Жизнь растений» Ранке и «Народоведение» Ратцеля. Эти издания были иллюстрированы хромолитографиями, каждая из которых отделялась от текста «папиросной бумагой», обычными рисунками и картами. Имелось много русской литературы XIX века: Амфитеатров, Достоевский, Тургенев, Гончаров, Чехов, Гарин-Михайловский, Короленко, Мамин-Сибиряк, Мережковский, Писемский, Помяловский, Шеллер-Михайлов... Представлена была и народническая публицистика, и литературная критика (например, Скабичевский). Религиозных сочинений в той части библиотеки, которая попала к нам, не было. Очевидно, эти книги были розданы тем, кто сопровождал тетю Нюсю в последний путь.

Для завершения «портрета» приведу фрагмент из использованных Николаем Доненко записей сына о Дмитрии Михайловиче: «В молодости, исполняя обряд похорон, он очень сочувствовал горю и страданиям родных и близких умершего, и часто вместе с ними, будучи не в силах удержаться от слез, плакал...

В дни праздников и в иных случаях он произносил проповеди, для чего накануне подолгу готовился, склонившись над письменным столом. Потрясенная толпа безмолвно внимала повествованию и лишь по окончании проповеди разразилась тяжелым вздохом.

Отец Дмитрий прекрасно говорил и умел находить такие краски повествования, которые захватывали слушателей. Помню произнесенную им однажды в соборе Иоанна Златоуста в предпасхальные дни вдохновенную проповедь о последних днях Иисуса. Он стоял в облачении перед плащаницей и большим распятием Христа, окруженный толпой прихожан. На лицах стоявших играли отсветы горящих свечей. Голос его резонировал под высокими сводами собора. Перед глазами его слушателей проплывала тень Иисуса с кровавым венцом на челе, подталкиваемая ударами и плетками разъяренной толпы. Он медленно тащил на плечах Свой тяжелый крест на Голгофу». Таковы были впечатления четырнадцатилетнего мальчика Леки, которые он пронес через всю свою жизнь.

Остановлюсь еще на одной стороне биографии о.Димитрия. Он почти всю свою общественно-деятельную жизнь занимался преподаванием Закона Божьего в школах Бердянского и Мелитопольского уездов Таврической губернии – Ивановке, Николаевке, Диаконовке, Малой Токмачке: а в Ялте – в Штангеевском городском училище, Пушкинском и Чеховском народных училищах.

Отец Димитрий в 1997 г. был причислен к лику местночтимых святых Крымской епархии, а в 2000 г. оба брата были прославлены как священномученики (новомученики) на юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви для общецерковного почитания. Брат о.Димитрия, бердянский священномученик Виктор Киранов, также был осужден и обречен на смерть в лагерях (скончался 30 марта 1942 г.) и тоже похоронен в безвестной могиле.

Не могу точно вспомнить, но мое раннее знакомство с дядей Лекой (вернее, его знакомство со мной) состоялось то ли в 1939, то ли в 1940 году. Лев Дмитриевич тогда, наконец, смог приехать из архангельской ссылки на могилу матери. В родной Ялте он отсутствовал лет десять. Это был высокий молодой мужчина, уже женатый и приобретший специальность бухгалтера. Остановился дядя Лека у нас. Со мной он почти не общался. И, как мне кажется, мало с кем общался, кроме моей бабушки, Елены Львовны, и тети Люси, которая ему приходилась двоюродной сестрой. Много времени проводил, знакомясь с какими-то бумагами и рассматривая книги. В общем, был погружен в свои переживания и проблемы. Пробыл дядя Лека в Ялте недолго и вернулся в немилый ему Архангельск, взяв с собой большую связку книг – тома популярного коллективного труда по всеобщей истории, написанного под редакцией французских ученых Э.Лависса и А.Рамбо. Как я сегодня думаю, это была не только память о родителях, библиотеке отца, но и стремление вникнуть в столь волнующие современников события начала Второй мировой войны.

Следующая наша встреча состоялась в 1960 г. после того, как дядя Лека нашел, наконец, тетю Люсю в Мариуполе и через нее установил прерванную войной почтовую связь и со мною. Он к этому времени, отслужив в армии, обзавелся второй женой и сыном Димой, из холодного Архангельска перебрался в теплую Одессу, но в Ялту возвращаться после войны не стал.

Мне оставалось только жалеть, что дядя Лека обнаружился столь поздно. В те дни мои помыслы были заняты поступлением в московскую аспирантуру. Но дядя Лека принял решение съездить всей семьей в Ялту

Дядя Лека и его жена Римма на старом Ливадийском кладбище. 1960 г.

и встретиться со мной в Алупке. Я не помню, почему не сопровождал его в поездках по Южному берегу. Посетил Лев Дмитриевич, прежде всего, Ливадийское кладбище, где сфотографировался на могиле матери. Похоронена она была рядом со своей племянницей, моей матерью. Какие снимки были им сделаны еще, я не знаю, но с фотоаппаратом он не расставался.

Вместе с Милой я в ближайший год после встречи с Львом Дмитриевичем побывал в Одессе в гостях у дяди Леки. Жил он тогда на какой-то номерной улице станции Большого Фонтана в типичном для южных причерноморских городов доме на втором этаже. Позже как ветеран войны получил однокомнатную современную квартиру на улице Паустовского. Побывал я у него и на новой квартире, и на даче. Дачу дядя Лека любил и гордился ею и своим фруктовым садом. Его участок располагался на берегу Днестровского лимана в той его части, которая смыкается с водами Черного моря. Так что можно было купаться и в лимане, и, отойдя от дачи, в море. В мелком, прогреваемом солнцем лимане можно было разложить вскрытые консервные банки и спустя какое-то время достать из многих жестянок по черноморскому бычку.

У цитадели Белгород-Днестровской крепости. Слева направо: Людмила Андреевна Соболевская, Олег Владимирович Волобуев и Дмитрий Львович Киранов

Большое впечатление произвела на меня средневековая крепость в Белгороде-Днестровском (тюркское название – Аккерман), выходящая на Днестровский лиман. Она мне напомнила о Судакской крепости в Крыму и о генуэзских колониях Северного Причерноморья. Начато было строительство крепости генуэзцами в XIII в. и завершилось в середине XV в., уже при молдавских господарях. Впервые у крепостных стен появились турки-османы в 1475 г., но с первой попытки взять крепость им не удалось. В том году они утвердились в Крыму на территории генуэзских колоний и небольшого горного княжества Феодоро. Вторично турецкое войско осадило и захватило крепость в 1484 г. Так как строительство продолжалось два века, и за это время крепость возводилась разными властителями (по мере смены государств и религий), суждения о том, кого считать ее истинными созидателями, расходятся. Несомненны генуэзская принадлежность находящейся внутри крепости цитадели, молдавское завершение ее строительства при Стефане Великом и свидетельствующий о религиозных переменах остаток минарета османского времени. В порто-

вом Аккермане/Белгороде заканчивался торговый путь из Львова и Кракова в черноморское лукоморье. Из 26 сохранившихся башен две названы именами Овидия и Пушкина, хотя поэты не удостоили крепость своими стихотворными строками.

Как и Дмитрий Михайлович, Лев Дмитриевич любил книгу. Он мне показывал, например, старое богато иллюстрированное издание по истории Одессы, которым он очень дорожил. Одной из его любимых книг-персоналий была биография биолога Николая Вавилова из серии «Жизнь замечательных людей». Автор ее, Семен Резник,

сумел так написать о своем герое, что первое издание этой книги (1968 г.) подверглось весьма жесткой цензуре.

Дядя Лека пытался меня ввести в родословие Кирановых и Королевских, но я в то время (ведь наши встречи были кратковременными) не проявил к этому должного интереса. Рассказывал он и о моем отце, с которым был вроде дружен. Во всяком случае было ясно, что поэтический талант и личность Владимира Волобуева были ему дороги. Не помню кто мне говорил (но только не дядя Лека), что именно он познакомил мою мать с подающим надежды ялтинским поэтом.

На похоронах дяди Леки мне, к сожалению, быть не пришлось. Я прилетел в Одессу, – так случилось, – уже после похорон. Стоя у еще сохранившейся свежести могилы, я думал о несправедливости истории: не оправдались надежды на светлую жизнь ни дяди Леки, ни моего отца, ни многих других из поколения родившихся в первом десятилетии XX века.

Протоиерей Дмитрий (Киранов)

Священномученик Димитрий Ялтинский (Киранов)

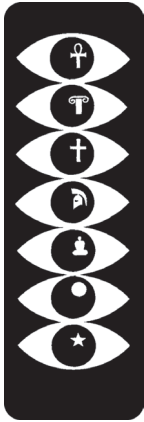
У Иоанна Златоуста есть написанное в раннем возрасте сочинение «Шесть слов о священстве». Это был трактат (6 «слов» – это 6 глав-сюжетов) о священстве как долге и призвании, как преобразении личности в трудном служении церкви и людям. И в трактате было немало нравственных предписаний, вроде этого из шестого «слова»: не спастись тому, кто ничего не делает для спасения ближнего.

Каждый год 22 декабря в ялтинской церкви Иоанна Златоуста отмечают день памяти св. Димитрия Киранова. И горят свечи памяти перед иконами новомучеников – братьев Кирановых, которые проявили твердость в вере и руководствовались ее нравственными заповедями.

Библиографический список

1. Доненко Н. Новомученики города Бердянска: протоиерей Михаил Богословский, протоиерей Виктор Киранов, иерей Александр Ильенков. М.: изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевской лавры, 2001. 171 с.
2. Доненко Н. Ялта – город веселья и смерти: протоиерей Дмитрий Киранов... и другие священнослужители Большой Ялты (1917–1950-е годы). Изд. 2-е. Симферополь: изд-во «Нижняя Орианда», 2015. 671 с.
3. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VI. Одесса, [б.и.], 1867. С. 445–473.

4. История храма Святителя Иоанна Златоуста на Поликуровском холме. Место встречи с вечностью. – Электронный ресурс. – URL: <http://www.zlatoust.prihod.ru/history> (Дата обращения 20.07.2023).
5. Катунин Ю.А. Православие Крыма в 1917–1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. Симферополь: МСП «Ната», 2002. 416 с.
6. Киранов Дмитрий Михайлович // Культура веры: путеводитель сомневающимся. (Авторский проект Александра Колодина). – Электронный ресурс. – URL: <https://proza.ru/2017/01/03/1854> (Дата обращения 15.07.2023).
7. Крымские новомученики. – Электронный ресурс. – URL: <https://d-v-sokolov.livejournal.com/477980.html> (Дата обращения 10.07. 2023).
8. Соловьев И., священник. Штрихи к историческому портрету «обновленческого» митрополита Александра Введенского // XIX ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. Т. 1. М.: изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2009. С.300–307.
9. Филимонов С.Б. Новое о ялтинских знакомцах А.П.Чехова (Дело отца и дочери Терновских и других) // Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. Изд. 2-е. Симферополь: Бизнес-информ, 2003. С.190–195.

Дмитрий Рублев

**ВСЕРОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАЦИЯ
АНАРХИЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ
(1918–1919 гг.):**

**ИДЕОЛОГИЯ
И ЭВОЛЮЦИЯ
ОРГАНИЗАЦИОННЫХ
СТРУКТУР***

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
929

Всероссийская федерация анархической молодежи (ВФАМ) представляет собой уникальное историческое явление. Это единственная анархическая молодежная организация всероссийского масштаба, действовавшая в годы Великой российской революции. ВФАМ получила достаточно широкий отклик в регионах. Ее лидеры предприняли попытку идеологического обновления российского анархизма на основе концепции «единого анархизма» и постепенного организационного объединения анархистского движения.

The All-Russian Federation of Anarchist Youth (WFAM) is a unique historical phenomenon. This is the only anarchist youth organization of All-Russian scale that operated during the Great Russian Revolution and received a fairly wide response in the regions. Within the framework of the WFAM, an attempt was made to ideologically update Russian anarchism based on the concept of “unified anarchism”. In addition, the leaders of the WFAM attempted an organizational unification of the anarchist movement.

Ключевые слова: анархисты; Всероссийская федерация анархической молодежи; Карелин Аполлон Андреевич; Кропоткин Петр Алексеевич; Первый Всероссийский съезд анархической молодежи.

Key words: anarchists; All-Russian Federation of Anarchist Youth; Karelin Apollon Andreevich; Kropotkin Pyotr Alekseevich; the First All-Russian Congress of Anarchist Youth.

E-mail: rublev773@gmail.com

*Окончание. Начало см. №4-2023. С. 126

От консолидации к расколу

Взаимодействие ВФАМ со «старшими» организациями носило постоянный характер. Ряд ее филиалов был создан в рамках общепанархических

организаций (Петроград) или получал их поддержку (Камышин, Москва, Смоленск).

В ВФАМ допускалось двойное членство. Из 35 делегатов Всероссийского съезда анархической молодежи (ВСАМ), 20 чел. (57,1 %) параллельно состояли в других организациях, как правило – регионального уровня. Из них наибольшие показатели имели Всероссийская федерация анархистов-коммунистов (ВФАК) (не менее 6 чел. – 17,1 %) и Конфедерация анархических организаций Украины «Набат» (КАОУ) (2 чел. – 5,7%).

Наиболее тесно с ВФАМ сотрудничали ВФАК и Союз анархистов-синдикалистов-коммунистов Москвы (САСК). Так, они оказали серьезную помощь, отпуская молодежным группам литературу в рассрочку или со скидкой [26, с.2]. В газете САСК «Труд и воля» публиковались воззвания ВФАМ, заметки о ее работе и мероприятиях, объявления о подписке на «Жизнь и творчество русской молодежи» (ЖТРМ) [46, с.2, 4; 47, с.3; 48, с.4; 49, с.1, 4; 50, с.4]. В свою очередь, ЖТРМ распространяла информацию о подписке на «Труд и волю», выходе ее новых номеров. САСК предоставлял ВФАМ помещение Московского клуба анархистов [23, с.7; 24, с.8; 28, с.8; 31, с.4]. Габрилович входил в пропагандистское бюро САСК и в редколлегию «Труда и воли» [52, л.54–55].

В конце апреля 1919 г. контора и экспедиция ЖТРМ переехали в помещения САСК. 29 апреля секретариат ВФАМ делегировал представителя в руководство САСК, а еще двоих – в редколлегию «Труда и воли». В конце апреля организации основали совместное кооперативное издательство «Труд и Воля» и книжный магазин [28, с.8; 48, с.4; 49, с.1, 4; 52, л.286].

ВФАМ и САСК проводили совместные мероприятия. Так, 4 июня 1919 г. прошел митинг на сахарном заводе в Москве с участием одного из лидеров САСК В.В.Бармаша, члена Временного секретариата (ВС) ВФАМ Корсикова и представителя РКП(б) Т.И.Седельникова [31, с.4].

На страницах ЖТРМ публиковались информационные сообщения и резолюции Секретариата ВФАК. ВС призвал своих сторонников посещать занятия на Курсах анархистов-инструкторов, организованных ВФАК в феврале 1919 г. [24, с.2]. 29 апреля 1919 г. Марков был делегирован в состав ее Секретариата [28, с.8; 52, л.234, 246].

Другие «старшие» анархические организации также оказывали помощь ВФАМ. Так, объявление о ВСАМ появилось в газете КАОУ «Харь-

ковский набат» [51, с.4]. Тесное сближение намечалось с Конфедерацией анархистов Северной области «Северный Набат» (КАСО), основанной 25 мая 1919 г. на Съезде анархистов Северной обл. в Иваново-Вознесенске. В заявлении от 20 июня 1919 г. на имя ВС, Бюро секретариата КАСО пригласило его представителя в свой состав [52, л.243].

Успехи воодушевили лидеров ВФАМ. Претендуя на роль объединенного молодежного крыла движения, она попыталась объединить анархические организации. В начале апреля ВФАМ провела «инициативное собрание» анархистов Москвы с целью создания Московской федерации анархистов. Было принято решение о выработке общей платформы и ее согласовании со всеми организациями. 13 апреля от имени «Инициативной группы анархистов г. Москвы» в ЖТРС было опубликовано обращение, призывавшее к объединению в Свободный союз анархистов [27, с.2, 8].

В начале мая 1919 г. в статье «Создайте движение!» Марков призвал филиалы ВФАМ вступать «на федеративных началах» в другие анархические организации, по примеру ВС входя в их секретариаты. Вместе с тем он заявил о конфликте с предыдущим поколением анархистов и предложил не сливаться с ним, а создать «новое, молодое, гибкое, могучее и красивое» движение [28, с.2].

Но, несмотря на «обновленческие» амбиции, ВС не смог сформулировать единую позицию по программным и тактическим вопросам [29, с. 1] и пришел к расколу. По версии Габриловича, его причиной было «недовольство части анархистов недостаточной активностью в смысле пропаганды» [52, л.55об.]. О расколе было заявлено в воззвании ВС «Всем группам и федерациям анархической молодежи! Всей анархической молодежи!» подготовленном 21 мая 1919 г. [30, с. 1].

6 мая 1919 г. на заседании ВС была принята новая Декларация ВФАМ, призывавшая «подготовить почву для массового анархического движения», выработать программу и избрать определенную тактику. Предполагалось, что текст будет направлен всем группам, а в случае несогласия они выберут свою тактическую линию. Признавалось и право групп и индивидуальных членов «влияться в организации старших товарищей». Принимать индивидуальных членов ВФАМ должны были группы на местах, но прием групп осуществлял ВС. Право групп выработать свой вариант декларации аннулировалось [29, с. 1].

Программа ВФАМ, включенная в текст Декларации, провозглашала анархо-синдикалистские принципы. Установление диктатуры РКП(б), концентрация в ее руках власти считались проявлениями реакционных тенденций. Как альтернатива этому процессу рассматривалось создание

«анархического рабочего движения». Предполагалось объединить организации рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции во Всероссийскую конфедерацию труда (ВКТ), под управление которой в перспективе перешли бы социализированные предприятия. ВС провозглашал одной из задач своей деятельности создание «всероссийской организации анархистов» [29, с. 1]. Сторонники новой Декларации назвали себя «активистами».

Их оппонентом выступил Габрилович, в статье «Две дороги» выразивший позицию «пассивистов». Ссылаясь на сильный спад движения после разгрома властями отрядов Черной гвардии в апреле 1918 г., он полагал, что массы трудящихся обращались к анархистам лишь как к влиятельной политической силе, не усвоив анархического мировоззрения. Только «перемена миросозерцания» сторонников анархизма могла изменить ситуацию. Массовая агитация и пропаганда неспособны решить эту задачу, ибо настраивают на немедленные действия с целью достижения быстрого результата. Габрилович предлагал сосредоточиться на кружковой работе, что способствовало бы глубокому усвоению анархических идей активистами. При этом он призывал отказаться на время от агитации [29, с. 1].

В статье «К съезду» «активистскую» точку зрения развил Уранский, полагавший, что анархистам необходимо перейти от политической борьбы к борьбе на основе экономических интересов трудящихся. «Если анархизм не проявит себя сейчас – он не проявит себя никогда. Свои права, свою силу он найдет в процессе работы» [30, с. 2], – отвечал он Габриловичу. Уранский призывал к организации коммун и анархических профессиональных союзов, бойкотируя официальные профсоюзы, организованные по централизованно-бюрократическому принципу. Он также предлагал массово отказываться от выплаты налогов и службы в Красной армии, противопоставляя ей партизанские отряды [30, с. 2–3].

Позицию Уранского поддержал Корсиков. Учитывая настроения крестьян в пользу «независимых крестьянских союзов», в статье «Через союзы профессий к коммунам» он призвал к созданию «анархических крестьянских профессиональных союзов». Корсиков считал необходимым создать «независимый распределительный аппарат» в виде рабоче-крестьянских производственно-потребительских коммун. Когда профсоюзы и коммуны сосредоточат в своих руках производство и распределение, «власть окажется ненужной и упадет» [30, с. 5], – полагал он.

В итоге, в ВС сторонники Уранского оказались в меньшинстве. 20 мая они приняли «Резолюцию активного меньшинства Секретариата ВФАМ», заявив о необходимости перейти к активной борьбе, проведя «коренной раскол между активным меньшинством и пассивным большинством» [30,

с. 7]. «Активисты» оставляли за собой право на руководство ВФАМ и кооптацию новых членов ВС, не признавая его членами людей, «тормозящих своей пассивной наблюдательностью разрешение задач и вопросов, связанных с анархическим движением после перелома» [30, с. 8].

В преддверии съезда Уранский выпустил новую Декларацию, в которой одной из задач ВФАМ провозглашалось создание анархических профсоюзов [30, с. 2]. Его призыв не был оторван от дела. В начале июня было организовано «Временное Бюро по созданию вольного внепартийного анархического Профессионального союза» и объявлена запись желающих вступить в его ряды [30, с. 3].

Смоленская группа анархической молодежи «Бунтарь» прислала в редакцию ЖТРМ приветствие новой тактике, ориентированной на «свободные профессиональные союзы» [52, л. 85]. В мае смоленские анархисты выпустили листовку «Определение целей и структура организации производителей Смоленского края, всепрофессионального Союза строителей Анархии», призывавшую к организации коммун и профсоюзных инициатив – пропагандистских групп, организованных по профессиям [39, с. 23; 41, л. 43]. 25 мая члены ВФАМ Кориков и Гущин прочитали доклад на съезде крестьян-земледельцев 17 деревень Смоленской губ., прошедшем в д.Боровая. По его итогам делегаты единогласно приняли резолюцию о сплочении крестьян в единую профессиональную организацию и объединении с рабочими для защиты «от грабительства всякой власти». Был провозглашен лозунг проведения безвластного Всероссийского съезда профессиональных союзов крестьян и рабочих [30, с. 7–8]. И все же влияние активистов ВФАМ в профсоюзах было эпизодическим. Так, сочувствующий ей анархо-христианин А.М.Жигарев был секретарем профсоюза текстильщиков в Павловском Посаде [52, л. 19об., 72, 224]. Материальную помощь камышинской группе ВФАМ оказывали местные профсоюзы [30, с. 7; 52, л. 257].

Поводом к расколу был и вопрос о взаимоотношениях ВФАМ со «взрослыми» организациями. В середине июня вышло заявление ВС, противопоставлявшее «молодых» и «старых» анархистов. Утверждалось, что «молодые» являются более радикальными революционерами. Авторы воззвания призвали создать «Всероссийскую молодую конфедерацию анархистов» (ВМКА). В нее могли входить «молодые революционеры-анархисты, независимо от возраста, без различия оттенков анархической мысли», объединенные на платформе «единого анархизма». Анархический коммунизм признавался единственно возможным общественным строем «ближайшего периода истории». В ряды ВМКА допускались также анархо-синдикалисты и толстовцы, а анархисты-индивидуалисты, лишь если признавали, что

освобождение индивидуума возможно в рамках освобождения общества. Для сочувствующих, которые «разделяют учение анархизма», но «не вполне усвоили его теорию и практику», предлагалось создать Федерацию молодежи с представительством в Секретариате ВМКА. Пройдя обучение на «инструкторских пропагандистских курсах» и зарекомендовав себя работой, они могли вступить в ВМКА [31, с.3]. Уранский предполагал, что позднее эта организация охватит и «старых» анархистов [31, с.3].

Накануне съезда на страницах ЖТРМ были подняты вопросы о положении женщины и воспитании. Е.Горлова в статье «О семье» пропагандировала превращение семьи в союз, «построенный на свободном договоре, где члены равны и уважают личность один другого, мужчина и женщина равно несут труд и равно участвуют в сфере общей жизни, не замыкаясь исключительно в узкие рамки семейной ячейки» [30, с.4]. В статье «Освобождение женщины и идея общественного воспитания» она утверждала, что раскрепощение женщины, ее участие во всех областях жизни общества требовали передачи воспитания детей специалистам-педагогам в специальных «Домах ребенка». Это учреждение защитило бы ребенка от предрасудков консервативно настроенной социальной среды и решило проблему беспризорности [31, с.3].

Арестованный съезд

Активисты ВФАМ открыто выражали солидарность с деятелями анархического движения, преследуемыми большевиками. В начале февраля

1919 г. на страницах ЖТРМ появилась статья «Мария Никифорова освобождена». Неизвестный автор в героическом, мифологизированном варианте излагал биографию М.Г.Никифоровой – бывшего командира анархических отрядов, арестованной и отданной под суд революционного трибунала [22, с. 8]. Лидеры ВФАМ выступили в защиту Махно в разгар кампании, развернутой против него в большевистской и официальной советской печати. В ЖТРМ статьи с одобрением действий Махно поместили Габрилович («Революционное повстанчество») [31, с. 2], Уранский («Революционер он или нет?») [31, с. 1–2] и Бармаш («Призыв») [31, с. 2]. Они опубликовали документы, подтверждавшие борьбу махновцев против белых и мятежа Григорьева [31, с.4].

В обстановке обострения отношений с властями и готовился Всероссийский съезд анархической молодежи. Повестка, опубликованная в «Экстренном выпуске» ЖТРМ от 16 июня 1919 г., выглядела следующим образом: 1) Доклад ВС ВФАМ (Н.Марков); 2) Доклады с мест; 3) Текущий момент

Мария Григорьевна Никифорова. ЦГАМ. Ф.625. Оп.2. Д.37. Л.4об.

(А.Уранский); 4) Тактика (Н.Марков); 5) Военный вопрос (Н.Комаревский); 6) Рабоче-крестьянский вопрос (Н.Корсиков); 7) Школьный вопрос (Е.Горлова); 8) Женский вопрос (Э.Рейнгардт); 9) Организация I Интернационала анархической молодежи (Е.Габрилович); 10) Анархическая молодежь и искусство (В.Шершеневич); 11) Организационный вопрос (Н.Корсиков); 12) Разное. Содокладчиками были Гар, Истрин, Семенов, Смирнов, Теплов. Допускалось выступление в этой роли и делегатов из регионов [31, с.1].

Сохранился еще один вариант программы, составленный Уранским. По этому плану после доклада Маркова о тактике предполагались выступления Корсикова и Смирнова по рабочему вопросу, затем – доклад Корсикова о крестьянском вопросе. После речей Горловой и Рейнгардт намечался доклад Семенова об отношении к Красной армии. Затем в программе съезда стоял вопрос «Организация I Интернационала анархической молодежи» (оратор обозначен не был). Далее значился доклад Шершеневича на тему «Анархическая молодежь и искусство», а следом за ним – выступление Корсикова по «организационному вопросу». Завершал программу раздел «Разное» с темами: «Агитация и пропаганда», «Культурно-просветительная работа», «Печатный орган», «Издательство» [52, л.171–173].

Съезд открылся в Москве 29 июня, в 4 часа дня [33, с.133–134, 136–138; 36, с.5]. В тот же день САСК провел «Экстренный информацион-

пу – Ильин и Ратников, группу в Кимрах – Кутьин, Александровскую группу – Кудряков, группу ст.Званка – В.А.Кустов, группу из Судогды – Большаков-Зеленский, Канавинскую группу и Нижегородскую федерацию анархистов – Пальгуев, Группу анархистов Белого – Г.П.Зайцев [52, л. 11–12, 33 об., 41, 47, 50, 54–55, 72–72 об., 74, 108, 124–125, 177–177 об., 180, 183, 185, 211, 213, 221, 227, 229, 257–258, 261–262, 265, 269, 279]. Каждый делегат заполнял анкету об идейной позиции группы, ее численности, направлении деятельности, организационных проблемах [52, л. 11–12]. Присутствовали сочувствующие: А.М.Жигарев из Павловского Посада и анархист-коммунист из Москвы А.П.Скороспелов [52, л. 225, 275].

Часть групп не прислала делегатов, но представила приветствия или тексты докладов. Среди них: Комлевская анархическая крестьянская группа, Кузнецкая группа анархо-молодежи, Анархическая группа авиапоезда №3 [52, л. 78–78 об., 87, 94]. Иваново-Вознесенская группа анархистов «Набат» прислала протоколы съезда КАСО, предложив обсудить их [52, л. 103]. Находившийся в Суздальской тюрьме А.Чижов прислал приветствие съезду, призвав к ненасильственной борьбе во имя анархии [52, л. 153 об. –154]. Приветствие от Секретариата КАОУ 30 июня было опубликовано в «Набате» [37, с.3].

Съезд открыл Марков, затем с приветствиями выступили: делегат Московской студенческой анархической группы Корсикив, представитель ВФАК Е.З.Долинин, секретарь САСК В.В.Бармаш, член Союза анархо-синдикалистов «Голос труда» И.С.Гроссман [36, с.5].

Доклад Временного секретариата читал Марков. Он рассказал об истории ВФАМ и критиковал «пассивистов» [52, л. 241]. По текущему моменту выступил Уранский, назвавший диктатуру большевиков, наряду с колчаковской, одной из реакционных политических сил. Он призвал анархистов сделать свои идеи «достоянием широких трудовых масс», создать «молодое анархическое движение», отвергающее «этикетки синдикалиста, коммуниста и индивидуалиста» в пользу единого анархизма [52, л. 162–167 об.].

По свидетельству Гара, выступления Маркова и Уранского сыграли деструктивную роль: «К расколу между так называемыми "активистами" и "пассивистами" прибавилось еще два – между синдикалистами и коммунистами и между "старшими" и "младшими"» [36, с.5]. Заявленное Уранского ссорило ВФАМ со «старшими» организациями [36, с.5].

Марков выступил с докладом о тактике. Вместо ВФАМ он призвал создать ВМКА, состоящую из фабрично-заводских и крестьянских групп трудящихся. Провозглашался отказ от «блоков и соглашений» с политическими партиями. Было заявлено о крахе тактики КАОУ и ВФАК.

Секретарь РСА «Набат» Николай Иванович Петров-Павлов
и его жена, Анна Алексеевна (урожденная Мирская)

В пике последней провозглашался отказ от работы в Советах. Отвергался пананархизм [52, л. 110–111]. Анархизм провозглашался единственным революционным лагерем, противостоящим белогвардейско-антантовской и большевистской контрреволюциям. Внешние «душители» революции признавались более опасными, чем «внутренние» (большевики). Это обстоятельство и слабость анархического движения вынуждали ВМКА поддерживать РКП(б). Предлагалось отказаться от вооруженной борьбы против нее и экспроприаций. Допускался бойкот государственных учреждений и выборов в Советы при участии «в экономических органах страны с целью агитации и пропаганды». Важным направлением деятельности Марков считал организацию коммун. Работа в официальных профсоюзах и кооперации отрицалась, исходя из лозунга: «Сначала разрушение, затем созидание». Выдвигалось требование немедленного отделения школы от государства. Признавались параллельные подпольная и легальная работа. Отношение к террору у Маркова было дифференцированным. Признавая политический террор, он отрицал фабрично-заводской и аграрный. Террор мог применяться против белогвардейцев и в ответ на гонения

РКП(б) против анархистов. Но прежде Марков предлагал требовать от руководства РСФСР сформулировать определенное отношение к анархическому движению. Одновременно следовало организовать международную кампанию в поддержку российских анархистов. В случае невозможности легальной работы предлагался уход в подполье и «активное выступление против членов и агентов правительства» [52, л. 111–111 об.].

Сохранился еще один текст доклада о тактике. Обратим внимание на его отличия от предыдущего. Судя по примечаниям, в работе над ним участвовали Барон, Габрилович и Корсиков. Основным идейным принципом ВМКА провозглашался «чистый анархизм»: «Анархизм не может быть с приставками справа и слева. Единственная цель анархистов – Анархия, а не социотехникумы, не синдикаты и не коммуна. Единственное средство – анархизм» [52, л. 119]. Отвергался ряд положений анархо-синдикализма: создание ячеек анархо-коммунистического строя в рамках существующего общества и «переходный период». Признавалась недостаточной организация на экономической, классовой основе при отсутствии идейных принципов [52, л. 116–117]. Анархисты-коммунисты критиковались за несвоевременное стремление к созданию коммун [52, л. 118]. «Сначала разрушение, а затем созидание. Сначала идейная подготовка масс к анархической революции, а затем экономическое строительство» [52, л. 119], – пояснялось в документе.

Не только блоки, но и переговоры с политическими партиями (даже с левыми эсерами и максималистами) отвергались: «Никаких блоков и соглашений. С ними можно лишь вести борьбу» [52, л. 120]. Предлагалось «разлагать» Красную армию и вести пропаганду среди «зеленых» повстанцев. Поддержка анархистами РКП(б) ставилась в зависимость от обеспечения полной свободы организационной деятельности [52, л. 120–121].

Для защиты анархического движения предлагалось создавать «черные отряды» в составе красноармейских частей, а для борьбы с внешними врагами – «партизанские отряды народного бунта». Допускалась борьба против диктатуры РКП(б) с помощью агитации и пропаганды, политических забастовок. Провозглашалась борьба за свержение антисоветских режимов. Предлагалось применять террор в случае гонений на анархистов. Экспроприация государства и буржуазии признавалась как средство создания материальной базы анархического движения [52, л. 122–123].

По докладам была составлена резолюция о тактике. Ее авторы отвергли синдикализм, утверждая, что в результате увлечения им «работа в области экономической взяла верх над работой идейной и свела последнюю к нулю» [52, л. 112]. Синдикализм считался фактором ком-

промисса анархистов с большевиками. Признавался приоритет борьбы против «внешней» реакции. Основным политическим противником считались партии, выступавшие на платформе Учредительного собрания. Для борьбы с белогвардейцами предлагалось создавать повстанческие отряды и анархические боевые подразделения. Авторы отказывались «от немедленного вооруженного свержения» Советской власти. Советы бойкотировались, но признавалось сотрудничество в экономических, культурно-просветительских и военных органах с целью агитации, пропаганды и их разрушения изнутри. Организация коммун была признана преждевременной. Основной задачей ВМКА считалась организация фабрично-заводских и сельскохозяйственных анархических групп. Признавалась борьба за отделение школы и искусства от государства. Был отвергнут экономический террор, как утративший актуальность в условиях преодоления «буржуазного общества». В случае преследования анархистов допускался политический террор. Признавалась экспроприация как один из источников создания материальной базы движения. Признавалось ведение подпольной работы параллельно с легальной [52, л. 113–114].

Сохранился и проект резолюции об отношении к большевикам. Утверждалось, что анархистское движение не может быть в союзе с ними из-за гонений на анархистов, Махно, установления однопартийной диктатуры и стремления РКП(б) к монополизации власти. Указывалось, что после разгрома анархистских организаций в апреле 1918 г. анархистам следовало уйти в подполье и перейти к открытой борьбе с большевиками [52, л. 158–159 об.].

В следственном деле «Всефама» сохранился частично проект резолюции «Задачи молодого движения». В нем отмечалось, что революция оставила позади «социал-демократические рецепты», «анархизм» является ее средством, а анархия – целью. Указывалось на присущее народным массам «стремление к общинному безначалию» [52, л. 160–160 об.].

Неизвестно, однако же, принял ли съезд хотя бы одну резолюцию.

Доклады о ситуации в регионах и деятельности групп ВФАМ заслужили хвалебные оценки Гара: «Почти всюду "период организации" и неограниченные возможности. Хорошо поставлена культурная работа на Восточном фронте. Блестящ, хоть и совсем в другом отношении, Киев. Обращает на себя внимание Смоленская губерния» [36, с. 6]. Выступили Добренко, Ильин, Иоэльсон, Исаев, Кудряков, Кустов, Кутьин, Пальгуев, Ратников, Смирнов, Сорокин, Тарарин и Юдаев [52, л. 124–125, 141, 261–262]. В следственном деле сохранились 2 фрагмента протокола с тезисами ряда выступлений, затрагивающих политические и тактические вопросы.

Сорокин предлагал составить «азбуку анархизма» («учебник Анархии») для пропагандистов. Добренко, оценивая Махно как революционера, подверг критике членов КАОУ за занятие командных постов в махновской армии. Он же отверг необходимость принятия ВФАМ определенной анархо-синдикалистской или анархо-коммунистической позиции, как и «единый анархизм». Ратников выступал за ведение подпольной работы, призывал: «Взяться за бунт и смести с лица революции "свору спекулянтов". Организовать бунт против власти». Кутын ратовал за агитацию среди «зеленых» повстанцев. Ильин говорил о том, что важным является вопрос «как свергнуть красное и белое иго». Тарарин призывал делать упор на пропаганду в Красной армии [52, л. 124, 141].

Сохранился текст доклада по крестьянскому вопросу, присланный В. Федоровым, секретарем Комлевской анархической крестьянской группы. Он писал, что крестьяне недовольны существующими политическими партиями, отвергают насилие государства над собой и требуют, «чтобы партийные работники [считались] с мнением русского мужика» [52, л. 78]. В качестве альтернативы государственному произволу, утверждал Федоров, крестьяне и рабочие желают развития добровольной кооперации [52, л. 78–78об.].

Заседание 30 июня завершилось в 18.00 [52, л. 125об.]. Его итоги оказались довольно неожиданными. Гар оценил настроение большинства делегатов как очень радикальное, но не сформировавшееся с точки зрения идентификации с каким-либо течением и выработки политической позиции [36, с. 5–6]. По свидетельству Габриловича, многие делегаты проявили радикализм, выдвинув «призывы об уничтожении всяких попыток работы наряду с Советской властью, призывы к борьбе с нею, стремление к восстаниям, вопрос о черном терроре, о вхождении в войска с целью их разложения» [52, л. 55об.]. Этот радикализм напугал Габриловича, в своих показаниях в МЧК заявившего: «Доминирующие тенденции съезда меня прямо поразили. [...] Абсолютное большинство съезда призывало к разрушению и только разрушению, — категорически отвергая всякое участие в строении нового, коммунистического, анархического. Непримиримость позиции съезда по отношению к Советской власти для меня, как близкого к синдикалистам, также не является вполне приемлемым» [52, л. 55–55об.].

Некоторые выводы по позиции участников съезда можно сделать исходя из протоколов их допросов в ВЧК. Остается, правда, вопрос, насколько искренни были эти показания. Как правило, «всефамовцы» говорили, что относятся к Советской власти негативно, как и к любой власти. Но, признавая своей целью анархическую социальную революцию, они считали ее несвоевременной в условиях борьбы против контрреволюции [52, л. 33, 42,

185, 188, 214, 238об. – 239]. Делегаты признавали допустимой пропаганду анархистских идей, агитацию, мирные протесты, но отвергали вооруженное восстание и террор против Советской власти даже в ответ на репрессии. Террористические и повстанческие методы борьбы признавались против белогвардейцев. Некоторые признавали возможным работать на неруководящих постах в Советских учреждениях, за исключением карательных [52, л. 33–33об., 42–42об., 45, 48–48об., 52–52об., 169–169об., 188, 214, 222–222об., 231, 234–234об., 239об., 254–254об., 258–258об., 262, 267–267об., 280, 282].

Отдельные из них, как Жебелев, Исаев, Тарарин и Юдаев, все же заявляли, что террор приемлем в виде выступления по своей инициативе отдельных личностей, возмущенных против «отд[ельных] фактов». Они не вели речь об использовании этого метода ВФАМ как организацией [52, л. 52об., 209–209об., 234–234об., 258–258об.].

Отношение к Махно было неоднозначным. Имели место как положительные [52, л. 169об., 209–209об., 239–239об.], так и отрицательные [52, л. 262об., 267–267об.] оценки его деятельности. В «зеленом» повстанчестве большинство делегатов видело протест против большевистской диктатуры. Некоторые выражали сочувствие «зеленым» [52, л. 185, 188–188об.], но другие желали бороться против них [52, л. 214–214об.]. При аресте у Уранского была обнаружена листовка в поддержку «зеленых» [52, л. 81]¹, но он заявил, что она попала к нему случайно и автор неизвестен [52, л. 169об.].

В большинстве своем они выступали против принудительной мобилизации и порядков Красной армии, противопоставляя ей добровольческие партизанские отряды с выборным командным составом [52, л. 52об., 267–267об., 347, 348об.]. Но некоторые выражали готовность вступить в РККА [52, л. 254–254об., 280].

Нестор Иванович Махно

¹Текст листовки опубликован В.В.Кривеньким [1, с.361–362].

Выявились и радикальные противники Советской власти, признававшие, как Жебелев, возможность анархического восстания против нее, «если бы массы были к нему подготовлены» [52, л.234], но до того приемлемой формой борьбы они считали лишь агитацию и пропаганду [52, л.234–234об.].

Нараставшая атмосфера раскола, как и амбициозность «активистов», разочаровали некоторых организаторов. «Приходится признаться в том, что результаты Съезда превзошли все самые печальные ожидания» [36, с.6], – писал Гар. Основную причину неудачи ВФАМ он связывал с отказом ее основателей от первоначальной цели – включение молодежи в социальную базу анархического движения. Теперь они пытались создать «молодой анархизм», вытеснив действующие анархические организации [36, с.6]. Но сильно было и влияние противников «активизма». В результате съезд так и не решил, какую концепцию предпочесть [36, с.6].

Разногласия, по оценкам Гара, были таковы, что положительный итог объединительной работы был невозможен: «Общего среднего уровня нет, кажется, ни в чем: ни в определенности убеждений, ни в знакомстве с учением в его прошлом и настоящем, ни во взглядах на различные вопросы анархической теории и практики, ни в отношении к злободневностям текущего момента» [36, с.6]. Эту ситуацию отметил и Кропоткин, охарактеризовавший съезд, как «сумбур», ставший следствием идейного «эклетицизма» его организаторов [40, с.191]. К подобным выводам пришла и следователь ВЧК Пилатская, отмечавшая в заключении по делу ВФАМ, что съезд представлял собой «пеструю картину анархических настроений» [52, л.15].

Но решающий удар ВФАМ нанесли власти. 1 июля в 14.30 отряд ВЧК явился на съезд и во время чтения доклада о тактике ВФАМ арестовал 23 его участника [35, с.4; 36, с.6; 33, с.133–134, 136–138; 52, л.5]. Были проведены обыски в редакции ЖТРМ, Московском клубе анархистов, книжном магазине САСК, на квартирах анархистов Ильина, Маркова, Петрова, Семенова, Смирнова [52, л.138, 285–286, 289, 291–292, 297об., 299]. Съезд был сорван.

Конец федерации

По делу «Всефама» проходили 32 человека: Э.Я.Барон, В.Я.Большаков-Зеленский, Е.И.Габрилович, Э.М.Гольдберг, Е.Б.Иоэльсон, Н.А.Добренко, А.П.Жебелев, А.М.Жигарев, Г.П.Зайцев, Я.И.Ильин, П.Е.Исаев, А.Г.Кудряков, В.А.Кустов, А.К.Кутыин, Е.Н.Лебедева, Н.В.Марков, В.А.Ольденборгер, И.А.Орлов-Таракановский, С.А.Пальгуев, В.И.Петров, М.М.Подобедов, С.С.Ратников, Н.М.Рыбников, В.Е.Се-

менов, А. П. Скороспелов, В. Д. Смирнов, Г. Э. Сорокин, С. М. Тарарин, В. Н. Теплов, Ф. Ф. Ульянов, А. Э. Уранский-Мейер, В. Ф. Юдаев [52, л. 13, 77]. Кроме того, по телеграмме МЧК в Туле были арестованы члены Тульской федерации анархо-молодежи И. И. Огурцов и Е. К. Шилопаев [52, л. 320–320 об.].

5 июля старший следователь Леман сформулировал заключение по делу участников съезда. Утверждая, на основе изложенного, что в настоящий момент деятельность анархистов «крайне опасна» для Советской власти, он рекомендовал обратить внимание не на молодежь, а на «взрослые» организации, которые рассматривал в качестве вдохновителей [52, л. 130–130 об.]. Выводы следователя Пилатской были более благожелательны. Она отмечала, что при однозначно негативном отношении к большевистской диктатуре, делегаты не поддержали идеи вооруженной борьбы против нее. В силу этого она считала членов ВФАМ «безвредными» [52, л. 15–15 об.]. Она отмечала, что они признают необходимость мобилизации в Красную армию, хотя и оправдывают дезертирство, считая его следствием создания регулярной армии и неумелого руководства. Предлагаемые многими из делегатов формы борьбы (создание профсоюзов, кооперативов, коммун и школ) признавались «не страшными», поскольку оставляли возможность большевикам контролировать эти учреждения и использовать их как «культурную силу». Исходя из того, что анархические организации не были запрещены в РСФСР, Пилатская предлагала не применять репрессий против членов ВФАМ и освободить их [52, л. 15 об.]. Это решение мотивировалось и тем обстоятельством, что легальный статус облегчает контроль: «Советская власть может использовать анархистов в своих интересах – загон же их в подполье может осложнить борьбу с их тенденциями» [52, л. 16 об.].

Активные протесты арестованных, поддержанные лидерами ВФАК и Рабочего союза анархистов «Набат» (РСА), Московским политическим Красным Крестом и лично П. Кропоткиным, в сочетании с относительно лояльной к Советской власти позицией многих «всефамовцев», привели к освобождению большинства из них к 4 августа, некоторых – под подписку о невыезде [52, л. 7, 128, 132–133, 325; 5, с. 434; 34, с. 197–198].

Идеологи «активистов», Марков и Уранский были оставлены под стражей до суда Московского ревтрибунала (МРТ). Также оставались в заключении Барон, Смирнов, Огурцов и Шилопаев [52, л. 3, 18 об., 320–321]. Многочисленные заявления с требованием освобождения, голодовки, поручительства за арестованных А. А. Карелина и активистов РСА (Н. И. Петрова-Павлова, М. Я. Мрачного и Е. Титова) имели результат.

Член Секретариата КАОУ «Набат» и активист
РСА «Набат» Марк Мрачный
(Марк Яковлевич Абельский-Клаванский)

10 сентября Марков и Уранский были освобождены до суда на поруки Карелина [52, л.22, 322, 324, 329, 332–333 об., 334, 340 об., 350, 357]. 27 сентября они получили повестки о явке на суд 30 сентября 1919 г. [52, л.343, 344–346].

Марков обвинялся в призывах к террору, саботажу, «раздроблению» Красной армии и созданию подпольных организаций для свержения Советской власти, а также – в хранении и распространении литературы, содержащей подобные призывы. Уранский – в призывах на съезде и на страницах ЖТРМ к свержению Советской власти и саботажу декретов СНК РСФСР. Также ему было предъявлено обвинение в дезертирстве и организации кадров с целью свержения Советской власти [52, л.328 об.].

Оставшиеся на свободе члены ВФАМ присоединились к протестам. Корсиков в начале августа выступил с заявлением «Ко всем группам и членам Всероссийской федерации анархической молодежи». Он призвал их «к выдержке и единению», а арест товарищей сравнил с произошедшим за 14 дней до того в Харькове арестом 7 членов махновского штаба. Сохранившимся организациям он предложил отправить делегатов на Всероссийский съезд анархистов, созыв которого готовила КАОУ [35, с.4].

Освобожденные члены ВФАМ оставались под наблюдением. По поручению ВЧК коммунистическая ячейка 10-го запасного стрелкового батальона должна была наблюдать за Орловым-Таракановским. Такое же решение было принято в отношении сотрудника военкомата Семенова [52, л. 19].

На этом репрессии против активистов ВФАМ не завершились. В связи со взрывом здания МК РКП(б) в Леонтьевском переулке некоторые «всефамовцы» были вновь подвергнуты репрессиям. 8 ноября 1919 г.

МЧК арестовала Шершеневича, но вскоре он был освобожден [5, с. 145, 429–430, 435–437]. 8 октября 1919 г. был арестован Уранский [2, л. 1]. На следствии он отрицал причастность анархистов к взрыву, утверждая: «Прокламацию, выпущенную "Повстанческим комитетом" по поводу взрыва, я читал в ЧК и по прочтении ее я убежден, что взрыв сделали не анархисты [...]. По моему убеждению, этот поступок могли сделать политические авантюристы "левые эсеры"» [2, л. 7]. 15 октября он был освобожден под поручительство Карелина [2, л. 8–9].

Некоторое время ВФАМ пыталась продолжать свою деятельность. Должности ее секретарей исполняли Е. Б. Иоэльсон и И. Перов. Помещение ВС было опечатано до конца сентября 1919 г. [52, л. 29–31]. Гар, Корсиков и несколько их соратников некоторое время пытались восстановить работу ВФАМ и даже готовили очередной номер ЖТРМ, так и не увидевший свет. В августе 1919 г. они еще призывали соратников выйти на связь и высказаться о дальнейших перспективах работы [35, с. 4; 36, с. 6]. Казалось, ответом на их призывы стал выработанный активистами КАОУ и РСА «Проект порядка дня Всероссийского съезда анархистов». Одним из его пунктов было создание организации анархической молодежи [36, с. 8]. Но этот съезд не состоялся.

17 октября 1919 г. Иоэльсон и Корсиков подали заявление в МРТ, требуя вернуть изъятые при аресте Уранского 10 тыс. руб., принадлежавших ВФАМ и изъятые при обыске в редакционном помещении ЖТРМ 26204 руб. Поручительство за них снова дал Карелин [52, л. 342]. Сведения о деятельности федерации после этих событий не прослеживаются.

Массовый арест участников ВСАМ, конфискация документов и денежных средств поставили точку в истории ВФАМ. Но не только репрессии стали причиной прекращения ее деятельности. Вероятно, основную роль сыграли разногласия между ее активистами. Это обстоятельство отмечают представители самых разных политических сил: члены ВФАМ (Габрилович, Гар), представители «взрослого» анархизма (Кропоткин) и репрессировавшие молодых анархистов чекисты (Леман, Пилатская). ВФАМ объединила настолько разных по своим идейным симпатиям людей, что выработать единую тактику и стратегию им было непросто. Наметившиеся расколы должны были неизбежно привести к образованию разных организаций. В результате, после массового ареста участников съезда, федерация распалась и не смогла восстановить собственную деятельность.

Библиографический список

1. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2 т. Т.2. 1917–1935 гг. М.: РОССПЭН. 1999. 590 с.
2. ГАРФ. Ф.10035. Управление Комитета государственной безопасности СССР (УКГБ) по г. Москве и Московской области. Оп. 1. Д. П-37870. По обвинению Меера-Уранского Александра Эдуардовича. 8.X.1919 г.
3. Глушаков Ю.Э. «Революция умерла! Да здравствует революция!»: Анархизм в Беларуси (1902–1927). СПб.: ИИСС, 2015. 171 с.
4. Дроздов В.А. «Достались нам в удел года совсем плохие...» (В.Г.Шершеневич в 1919 и 1922 годах) // Новое литературное обозрение. 1998. №30. Февраль. С.120–132.
5. Дроздов В.А. DUM SPIRO SPERO: О Вадиме Шершеневиче и не только: статьи, разыскания, публикации. М.: Водолей, 2014. 799 с.
6. Жизнь и творчество русской молодежи. 1918. Июль. №1.
7. Там же. 1918. Август. №2.
8. Там же. 1918. Сентябрь. №3–4.
9. Там же. 1918. Октябрь. №5.
10. Там же. 1918. Октябрь. №6.
11. Там же. 1918. Октябрь. №7.
12. Там же. 1918. Ноябрь. №8–9.
13. Там же. 1918. Ноябрь. №10.
14. Там же. 1918. Ноябрь. №11.
15. Там же. 1918. №12. 1 декабря.
16. Там же. 1918. №14. 15 декабря.
17. Там же. 1919. №16. 1 января.
18. Там же. 1919. №17. 5 января.
19. Там же. 1919. №18. 12 января.
20. Там же. 1919. №19. 19 января.
21. Там же. 1919. №20. 26 января.
22. Там же. 1919. №21. 2 февраля.
23. Там же. 1919. №22.
24. Там же. 1919. №23. 16 февраля.
25. Там же. 1919. №24–25.
26. Там же. 1919. №26–27.
27. Там же. 1919. №28–29.13 апреля.
28. Там же. 1919. №30–31. 4 мая.
29. Там же. 1919. №32–33. 18 мая.
30. Там же. 1919. №34–35. 1 июня.
31. Там же. 1919. Экстренный выпуск. 16 июня.

32. Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма. 1917–1922 гг.). М.: Мысль, 1974. 415 с.
33. Леонтьев Я.В. Кропоткин как правозащитник // Сборник материалов IV Международных Кропоткинских чтений. К 170-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Дмитров: Музей-заповедник «Дмитровский кремль», 2012. С.130–139.
34. Леонтьев Я.В. П.А.Кропоткин и Е.И.Чиволов-Габрилович. К вопросу о съезде ВсеФАМ и его участниках // На Внутреннем фронте Гражданской войны. Сборник документов и воспоминаний / Сост. Я.В.Леонтьев. М.: Русская книга, 2019. С.195–201.
35. Московский набат. 1919. Август. №1.
36. Там же. 1919. №2. 18 августа.
37. Набат. 1919. №21. 30 июня.
38. Овсянников С.А. Список делегатов на I съезд ВФАМ, арестованных 1 июля 1919 года // На Внутреннем фронте Гражданской войны. Сборник документов и воспоминаний / Сост. Я.В.Леонтьев. М.: Русская книга, 2019. С.201–206.
39. Овсянников С.А. Смоленские анархисты во времена Великой российской революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.) // Край Смоленский. 2020. №3. С.20–27.
40. Письма П.А. Кропоткина М.И.Гольдсмит, А.А.Боровому и А.Шапиро // Труды Комиссии по научному наследию П.А.Кропоткина. Вып.1. М.: Ин-т экономики, 1992. С.175–195.
41. РГАСПИ. Ф.17. Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991). Оп.84. Д.274. Об анархистах.
42. Рублев Д.И. Анархисты и руководство РКП(б): переговоры о легализации анархистского движения в 1920 г. // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2020. №1. С.113–135.
43. Рублев Д.И. Черная гвардия. Московская Федерация Анархистских групп в 1917–1918 гг. М.: Common place, 2020. 702 с.
44. Рублев Д.И. «Анархисты-синдикалисты-коммунисты»: К истории анархистского движения России в эпоху гражданской войны // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2022. №4. С.86–110.
45. Савченко В.А. Діяльність анархістських організацій в Україні у 1903–1929 рр.: історичний аспект та політична практика: монографія. Київ: Національна академія наук України, Інститут історії України, 2017.
46. Труд и воля. 1919. №2. 11 февраля.
47. Там же. 1919. №3. 14 апреля.
48. Там же. 1919. №4. 28 апреля.
49. Там же. 1919. №5. 9 мая.
50. Там же. 1919. №6. 20 мая.
51. Харьковский набат. 1919. №10. 30 марта.
52. ЦА ФСБ. Д.Р-27898. Дело анархистов «Всефама».

Все дело в мыслях.
Мысль – начало всего.
И мыслями можно управлять.
И поэтому главное дело
совершенствования: работать
над мыслями.

Лев Толстой

Будущее нации зависит
не от числа автомобилей, а от
числа детских колясок.

Урхо Кекконен

Единственное счастье
в жизни – это постоянное
стремление вперед.

Эмиль Золя

Правление, при котором
народ уменьшается в числе
и оскудевает, есть худшее.

Жан Жак Руссо

Сергей Козлов

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
АГРАРНИКИ-НОВАТОРЫ
РОССИИ XIX – НАЧАЛА
XX ВВ.**

**«ЕМУ ВСЕГДА НУЖНА БЫЛА
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ...»: АФАНАСИЙ
АФАНАСЬЕВИЧ ФЕТ (1820–1892)**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК

94(47).083

В статье рассматриваются социокультурные взгляды и экономическая деятельность выдающегося российского поэта XIX в. А.А.Фета. Отмечается новаторский характер хозяйственных начинаний А.А.Фета как видного помещика-рационализатора; взаимосвязь его многолетней работы по улучшению хозяйства собственного имения со сделанными им важными выводами, касающимися аграрной и социокультурной эволюции всей пореформенной России.

The article examines the socio-cultural views and economic activities of the outstanding Russian poet of the XIX century A.A.Fet. The innovative nature of the economic undertakings of A.A.Fet as a prominent landowner-innovator is noted; the relationship of his long-term work to improve the economy of his own estate with the important conclusions he made concerning the agrarian and socio-cultural evolution of the entire post-reform Russia.

Ключевые слова: пореформенная Россия; аграрная рационализация; просвещение; традиционная русская ментальность; А.А.Фет.

Key words: post-reform Russia; agrarian rationalization; enlightenment; traditional Russian mentality; A.A.Fet.

E-mail: sa-kozlov@yandex.ru

Жизнь и творчество выдающегося российского поэта-романтика, переводчика и мемуариста Афанасия Афанасьевича Фета, оставившего после себя богатейшее литературное наследие [43; 39; 42], нашли подробное отражение в отечественной историографии. Исследователи подробно изучили сложную и противоречивую эволюцию его литературного творческого пути [50; 53; 33; 36; 12; 26, с. 86–254; 27; и др.], непростые жизненные коллизии [6; 8; 31; 35; и др.] и их своеобразное отражение в литературно-художественных произведениях автора [31; 53; и др.], а также характерные черты социокультурного облика этой во многом уникальной творческой личности [44; 45; и др.]. При этом обращается пристальное внимание на исключительную значимость его духовного наследия в условиях современной России [1; 2; 49; 53; и др.].

В то же время творческий феномен Фета все еще представляет собою граничащую с тайной загадку – каким образом в этой уникальной личности сочетались две противоположные ценностно-душевные установки, отразившая тончайшие движения души «волшебная музыкальность» (Н.Н. Страхов) его мелодичного стиха, почти гениально воспевавшая и «легкость бытия» (важный концепт отечественной культуры XIX–XXI вв. [17]), и экзистенциально-трагичную внутреннюю жизнь, – и одновременно рациональную прагматику помещичьего уклада, связанную с сельским хозяйством?.. Даже если мы согласимся с тем, что сам Фет с ранних лет четко разграничил «лирику» и «прагматику» в своей личной жизни, это мало что дает для понимания его удивительно противоречивого жизненного и творческого пути. Ответ на наш вопрос следует искать в судьбе как самого Фета, так и всей России, пережившей после отмены крепостничества глубочайший, чрезвычайно болезненный для человека и традиционного общества хозяйственный и социокультурный переворот.

Рассмотрим некоторые стороны жизни и творчества Фета, уделив особое внимание сделанным им важным социокультурным выводам, опирающимся на личный опыт хозяйственной работы. К настоящему моменту в историографии имеются лишь отдельные работы по различным аспектам этой темы [6; 31; 47; 48; 54]. Между тем источники (прежде всего труды самого Фета [39; 42; др.]) позволяют прояснить ряд интересующих нас вопросов.

Афанасий Фет родился 23 ноября (5 декабря по новому стилю) 1820 г. в усадьбе Новоселки Мценского уезда Орловской губ. (в настоящее время – Мценский район Орловской обл.). 30 ноября он был крещен по православному обряду и наречен Афанасием. Его отец, богатый помещик и ротмистр в отставке Афанасий Неофитович Шеншин, принадлежал к старинному дворянскому роду Шеншиных, представители которого владели значительной частью земель Мценского уезда; мать – разведенная немка-лютеранка Шарлотта Фет (урожденная Беккер), ставшая в России Елизаветой Петровной.

В 1835–1837 гг. Афанасий учился в немецком частном пансионе Крюмера в Верро (ныне Выру, Эстония). Он начинает писать любительские стихи; проявляет интерес к классической филологии. В 1838 г. Фет поступил в Московский университет, вначале на юридический факультет, затем – на историко-филологическое (словесное) отделение философского факультета. Позже Фет отмечал, что самая счастливая минута в его жизни была та, когда он «надел студенческий мундир» [49, с. 66].

Университетская учеба продлилась 6 лет: с 1838 по 1844 гг. В это время появляются его первые литературные публикации в журналах «Москвитянин» и «Отечественные записки», а в 1840 г. в Москве выходит сборник стихов Фета «Лирический пантеон» при участии Аполлона Григорьева (близкого его друга по университету). Как отмечается в современной научной литературе, значительное влияние на Фета оказал курс лекций по политэкономии профессора университета А. И. Чивилева, идеи которого послужили мощным стимулом для будущей многолетней работы Фета в области сельского хозяйства [29]. Кроме того, выделим и роль традиционного культурно-хозяйственного семейного уклада, в условиях которого он ранее воспитывался [см.: 46, с. 123–126].

Афанасий Фет при поступлении на службу в лейб-гвардии Уланский полк. Начало 1850-х гг.

Окончив университет, Афанасий Фет в 1845 г. поступил унтер-офицером в кирасирский Военного ордена полк (штаб – в Новогоргиевске Херсонской губ.), в котором 14 августа 1846 г. был произведен в корнеты, а 6 декабря 1851 г. – в штабс-ротмистры.

Прикомандированный в 1853 г. к уланскому Его Величества лейб-гвардии полку, Фет был переведен в этот расквартированный под Петербургом полк в чине поручика. Он часто бывал в Санкт-Петербурге; там произошли встречи Фета с Тургеневым, Некрасовым, Гончаровым, а также его сближение с членами редакции журнала «Современник».

Во время Крымской войны Фет находился в Балтийском Порту в составе войск, охранявших эстонское побережье.

В 1857 г. он женился на Марии Петровне Боткиной, сестре критика В.П.Боткина («поручителем по невесте» был Иван Сергеевич Тургенев!), а в 1858 г. вышел в отставку в чине гвардейского штабс-ротмистра и поселился в Москве.

В 1860 г. на средства приданого жены Фет покупает имение Степановка в Мценском уезде (в настоящее время не сохранилось), которое включало 200 дес. пахотной земли, недостроенный господский одноэтажный дом в семь комнат и с кухней, и начинает активно заниматься сельским хозяйством. Вероятно, такое решение (во многом рискованное и в чем-то даже авантюрное в контексте перспектив будущей доходности) стало также следствием постоянного поиска Фетом и «внутренней опоры», и «удовлетворяющего социального самоощущения» [29, с. 39].

Крах «компромисса двух сословий» после Крестьянской реформы

Между тем общая обстановка хозяйственной и социокультурной жизни России в этот переломный для страны период отнюдь не благоприятствовала аграрно-рационализаторской деятельности.

Все первое десятилетие после реформы 1861 г. прошло под знаком острейшего *экономического и социокультурного кризиса* как в русской деревне, так и в помещичьей усадьбе. Как подчеркнул уже в начале XX в. П.Б.Струве, в 1861 г. было отменено крепостное право, тогда как крепостное *хозяйство* (система аграрных отношений) «было ликвидировано в значительной мере только на бумаге» [37, с. 154]. Отмена крепостничества нанесла тяжелый удар не только по сельскому хозяйству, но и по патерналистским традициям, на которых во многом основывалась хозяйственная стабильность. Помощь помещиков своим крестьянам на долгое время прекращается. После отмены крепостничества вновь

резко обостряется проблема сохранения сельского имущества в связи с массовыми случаями воровства, потрав, небрежностью крестьян в работе.

Зачастую как крестьяне, так и землевладельцы проявляли поразительную неуступчивость по отношению друг к другу, не желая идти на какие бы то ни было хозяйственные компромиссы. В итоге положенный в основу Крестьянской реформы «принцип компромисса двух сословий» **не был реализован** ни в сфере хозяйственной практики, ни в социокультурной области. И крестьяне, и помещики в массе своей оказались совершенно не готовы к столь резким жизненным переменам: по сути дела, они были брошены в омут рыночной стихии, не умея в ней плавать [16, с. 22–137; 19, с. 212–221]. Государственные реформы, проведенные в пореформенную эпоху, привели и **к резким изменениям в массовом сознании населения**. «Появился культ денег, исчезли лояльность, солидарность, осмысленное отношение к делу... – отмечается в современной литературе. – Человек неожиданно оказался в ситуации крайней нестабильности: потеря чувства семьи, дома привела к росту изоляции, утрате доверия, ценностных привязанностей, ослаблению взаимодействия частной и общественной жизни» [5, с. 165; см. также: 32, с. 604–605; 37].

По мнению Н. М. Дружинина, наиболее глубоко проанализировавшего эволюцию развития пореформенного крестьянского хозяйства, главным итогом первого пореформенного двадцатилетия в развитии русской деревни стало **ее приобщение к новой, капиталистической формации** [13, с. 274], – приобщение, сопровождаемое (как, впрочем, и в помещицкой усадьбе) **и утратами, и приобретениями**.

Все эти противоречивые моменты наложили свою печать и на хозяйственные начинания Фета. Рассмотрим их подробнее. Прежде всего, он был твердо уверен в том, что именно российская помещицкая среда и может, и должна стать **основой для широкомасштабной рационализаторско-просветительской работы** и вместе с тем реальной **эффективной альтернативой** отмеченным нами негативным явлениям, серьезно **тормозившим** эффективность хозяйственных и просветительских мероприятий, проводимых в пореформенные десятилетия как в крестьянской деревне, так и в помещицкой усадьбе. Таким образом, это была стратегия, основанная как на внимательном изучении отечественных **национальных традиций** (опиравшемся на широкие патриотическо-просветительские запросы «образованного общества») и позитивной социокультурной трансформации этого времени, так и на **новейших до-**

стижениях российской и зарубежной аграрной науки, а также на усилении личного, предприимчивого начала.

Степановка: «на малом пространстве» – «действительно дельное»...

Купив Степановку, Фет на протяжении 17 лет проявлял себя в качестве необычайно энергичного и прагматичного «сельского хозяина» (как тогда зачастую именовали помещиков-предпринимателей). В имении успешно выращивались различные зерновые культуры; разводились коровы, овцы и птицы. Кроме того, владелец имения занимался пчеловодством, разводил в пруду рыбу. Уже через несколько лет текущая чистая прибыль от имения ежегодно достигала 5–6 тысяч рублей; это и был основной доход фетовской семьи.

Приступая к многолетней хозяйственной работе, Фет честно признавался читателям, что эта попытка отчасти носила авантюрный характер: «Попав прямо со школьной скамьи на коня во фронт, я всю жизнь не имел никакого понятия о ходе земледельческих занятий, но, подумав, что этим делом правят у нас на Руси и безграмотные старосты, я махнул рукой на земледельческую школу и решился приступить к делу... Я хотел, хотя на малом пространстве, сделать что-либо действительно дельное» [43, т.4, с. 122].

Фет *отнюдь не идеализировал русское крестьянство* (как многие его современники); напротив, – он выступал против

Купив Степановку, Фет на протяжении 17 лет проявлял себя в качестве необычайно энергичного и прагматичного «сельского хозяина» (как

Афанасий Фет. Фотография 1860-х гг.

«заигрывания» с ним, полагая, что отношения помещика с крестьянином необходимо выстраивать на твердой почве *равноправных хозяйственных интересов*. Между тем реальная ситуация в пореформенной России складывалась отнюдь не в пользу «помещика-хозяина», чьи интересы зачастую приносились в жертву «прогрессивному» общественному мнению. «Собственник, осмелившийся остановить лесного порубщика, с легкой руки тургеневского "Бирюка" выставялся в литературе и в живописи бессердечным злодеем, – с тревогой писал Фет, – и не давая себя грабить **серенькому мужичку** (текст выделен в источнике. – С.К.) значило и значит еще и поныне у беспочвенных либералов быть человеком нелиберальным» [42, с. 332]. Для доказательства своих выводов Фет использовал убедительные примеры из личной практики хозяйствования. Вначале он исходил как из прагматичных соображений, так и из идей гуманизма (не случайно главной чертой своего характера признав «заботливость» [52, с. 66]), позже вспоминая: «...прежде всего мне нужно было определить мои отношения к рабочим. Там, где нет дружбы, признательности и т.п., отношения должны основываться на справедливости, а в деле обязательств справедливость состоит

Памятная табличка на месте бывшей усадьбы А.А.Фета Степановка

в добросовестном их исполнении. Нанимая рабочего, я обязуюсь его тепло поместить, сытно кормить здоровой пищей, не требовать работ свыше условия и исправно платить заработки. Кроме этого, мне хотелось, чтобы они чувствовали, что я дорожу их благосостоянием. Желая раз навсегда покончить с содержанием, скажу, что и сколько именно дается у меня рабочим харчей в неделю: 3 дня щи с салом, 3 дня щи с солониной... 2 постные дня с конопляным маслом... Молока, если можно, по штофу на человека, хлеба и картофелю, сколько поедят. Зимой соленые, летом свежие огурцы и лук. Круп ровно вдвое против солдатского пая, из которого в артели выходит хорошая каша. Едят три раза в день: за завтраком, обедом и ужином» [43, т. 4, с. 125–126].

Однако крестьяне такое благожелательное отношение помещика (проявлявшееся, отметим, отнюдь не только в вопросах питания) восприняли лишь как его «слабость». Так, Фет подробно описал, как пресловутый «серенький мужичок» (его «сосед») на протяжении ряда лет систематически скашивал покос на фетовской десятина, а после того, как помещик решил передать пользование покосом другому крестьянину, «объявил, что по истечении десятилетней давности владения земля принадлежит

«Озеро Фета» (рядом с ранее принадлежавшей ему деревней Никуличи, ныне в Свердловском районе Орловской области) – таинственное и чарующее, как и его бессмертная лирика...

ему» [42, с. 333]. В итоге Фет, убедившись в бесперспективности судебной тяжбы, был вынужден уступить «оборотистому» и наглому крестьянину, потерпев тем самым безвозвратные убытки на внушительную по тем временам сумму в 300 руб. [42, с. 333]. Такой пример был типичен для хозяйственной практики первых пореформенных десятилетий. Причина же ситуации, по его твердому убеждению, заключалась в условиях проведения Крестьянской реформы 1861 г., после реализации которой «свободный и непогрешимый (по идее) серенький мужичок стал рабом общины, и крестьянин-собственник назван так потому, что навсегда лишен надежды приобрести выкупленную им землю в собственность» [42, с. 356].

**Воробьевка:
«настоящее жилище
для поэта»...**

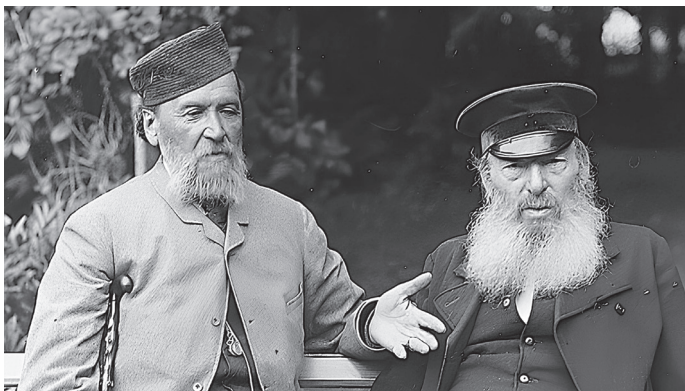
В 1877 г. Фет продает Степановку и покупает (причем за немалую сумму – 105 тысяч рублей) имение Воробьевку в Курской губ., включающую в себя барский дом, 850 га распаханных земель, 270 дес. леса и огромный (21 га!) старинный парк. Он по-прежнему деятельно занимался хозяйственными делами. Свои владения Фет регулярно объезжал по специальным каменным дорожкам на повозке, запряженной осликом, купленном для него в Турции и получившем необычную кличку Некрас-

Афанасий Фет на ослике Некрасов. Фотография С.Д.Боткина. 1890 г.

сов (по фамилии одного из главных идейных оппонентов Фета – лидера органически чуждой ему «гражданской поэзии»).

Зимой Фет жил в Москве (в собственном доме на Плющихе), а теплое время года (как правило, с апреля по ноябрь) проводил в Воробьевке, где частыми и желанными гостями были Л.Н.Толстой, который в первое пореформенное десятилетие тоже активно искал новые формы «реализации просвещенного человека на земле» [31, с. 51], Я.П.Полонский, философ В.С.Соловьев, художники Николай и Сергей Досекины и другие видные деятели русской культуры. В соседнем Уколово часто гостил у брата П.И.Чайковский, который приходил пешком в гости к гостеприимному и радушному Фету (с хозяином Воробьевки великого композитора объединяли также творческие узы [25]). В Уколово Чайковский работал над Шестой симфонией, которую считал «наискреннейшей» из всех своих произведений.

Я.П.Полонский и А.А.Фет в Воробьевке. 1890 г.

Фет быстро реорганизовал красивую, но изрядно запущенную усадьбу. При нем в хозяйстве успешно выращивали свиней (окорока осенью отправляли на продажу в Москву), овец; в прудах разводилась рыба; в теплицах выращивались дыни, персики и крымский виноград. Поскольку Фет очень любил породистых лошадей, им тоже уделялось большое внимание (здесь насчитывалось около 40 племенных скакунов орловской и арабской породы); в имении был даже построен ипподром. К югу от усадьбы владелец организовал «птичий хутор». Знаменитая яблочная пастила супруги Фета Марии Петровны даже доставлялась ко двору императора.

Усадьба А.А.Фета в Воробьевке. Большая гостиная. Современный вид

Усадьба А.А.Фета в Воробьевке. Современный вид

Огромную роль в реорганизации усадьбы сыграл ее управляющий Александр Иванович Иост (к тому же, именно он подобрал для Фета новое имя).

Быстро наладились и отношения с местными крестьянами. Жена Фета стала крестной матерью для многих окрестных крестьянских детей, оказывала им всяческую помощь (своих детей у владельцев имения не было) [URL: <https://fb.ru/article/406393/usadba-feta-istoriya-sozdaniya-muzeya-gdenahoditsya-i-foto?ysclid=lj8nmxm7w2w5053979>; дата обращения: 23.06.2023].

Но, главное, в Воробьевке, – «Курской Швейцарии», как ее называли за удивительно живописные пейзажи, – Фет испытал покой и новый

подъем творческого вдохновения, создав здесь за 15 последних лет своей жизни ряд замечательных произведений, а также переводов Горация. Не случайно великий композитор П. И. Чайковский метко охарактеризовал Воробьевку «настоящим жилищем для поэта».

Фет-помещик наряду с другими рационализаторами [19, с. 222–287; 21]) de facto во многом воплотил своим личным вдохновляющим примером огромный жизнетворческий потенциал быстро формировавшейся в России XIX в. новой национальной традиции – аграрно-рационального хозяйствования. К началу XX в. эта традиция укрепляется (уже не только усилиями помещиков-рационализаторов, но и «сильных» крестьян, вырвавшихся из пут общины [19, с. 299–487]), однако вскоре затухает вследствие Первой мировой войны и очередной «Русской Смуты» 1917–1921 гг. [20, с. 5–206].

Мария Петровна Фет (урожденная Боткина).
Портрет неизвестного художника

Фет о противоречиях пореформенной эпохи...

пореформенного времени. Отметив *стабилизирующий* характер патерналистских традиций, он подчеркнул, что в целом крепостной строй *консервировал застой*: «Взгляд на рабочие руки как на капитал... был гораздо правильнее и в экономическом смысле», поскольку именно личный труд является «главным источником богатства» [42, с. 172]. Однако такой подход вступал в явное противоречие с буржуазными отношениями, уже прочно утвердившимися в первой половине XIX в. в Западной Европе и базировавшимися *на верховенстве закона и конкуренции* [42,

Мировоззренческие подходы Фета нагляднее всего проявились при анализе им ключевых хозяйственных и общественных противоречий

с. 174–176]. Вывод Фета был вполне однозначным и категоричным: «... крепостной, принудительный труд не мог развить чувства личной инициативы ни в крестьянине, ни в барине» [42, с. 177], отсюда – и **важная прогрессивная значимость** Крестьянской реформы 1861 г.

В чем же он видел будущее аграрного строя России? По мнению Фета, хуторское крестьянское хозяйство имело **явное преимущество** перед традиционным общинным хозяйством [42, с. 360–361]: «Хуторянин потому уже по положению выше неразрывного члена сельского общества, что навсегда выступил из-под его растлевающего давления» [42, с. 360]. Решающую же роль играл переход от **экстенсивного** хозяйственного мышления (характерного для общинников) к мышлению **интенсивному** (буржуазному) [42, с. 361].

Фет решительно выступил против непродуманных мер по оказанию помощи крестьянам в рамках архаичных традиций российского деревенского патернализма. Отмечая в 1891 г. (когда имел место страшный голод вследствие неурожая в ряде губерний), что эти меры во многом являются следствием **идеалистических представлений русской интеллигенции**, «не имеющей никакого понятия о характере деревенской жизни», он подчеркивал: «...для массы народонаселения ничто не может быть в нравственном отношении вреднее даровой раздачи хлеба. ...Если истинная благотворительность проявляется в доставлении нуждающемуся верного труда, то в настоящем случае выбор этого способа вспомоществования может быть единственным распределителем помощи действительно в ней нуждающимся и ее заслуживающим. Без этого растлевающее зло будет идти в ногу с подвигами благотворительности...» [42, с. 366]. Фет отметил, что отмена крепостного права, «вызвав конкуренцию», «круто повернула» значительную часть русского поместного дворянства «к более насущной, практической деятельности» [42, с. 154]. Однако такая смена приоритетов поставила многих помещиков в крайне тяжелое положение. В итоге большинство дворянства так и не решило эту проблему: «Мы до сих пор, – с горечью признавал Фет, – не можем сообразить, что нам подсылно в нашем самоуправлении, что нет; что составляет первую необходимость и что десятую; какие меры целесообразны, какие непрактичны» [42, с. 153].

Путь был один: «Надо самому прокладывать дорогу в новом небывалом деле. ...Надо лично трудиться, нельзя более полагаться на чужой обязательный труд» [42, с. 157].

Отметим близость выводов Фета с заключениями ведущих рационализаторов России тех лет. «Глубокое мое убеждение заключается

в том, – подчеркивал президент ИМОСХ А.И. Кошелев, – что ни людям, ни обществам не должно ничего навязывать, что необходимо давать им как можно более простора... и что истинно полезны только те вопросы, которые не задаются а priori, а становятся обстоятельствами и общесоциальной потребностью» [цит. по: 9, с. 130].

В своих трудах Фет подверг жесткой критике государственную аграрную и социальную политику, проводившуюся в пореформенной России. Его выводы находят подтверждение в современных научных трудах.

Крестьянская реформа действительно была великой, *освободив личность* крестьянина, но возможности для хозяйственной самореализации у этой «освобожденной личности» практически *отсутствовали* (прежде всего, ввиду огромных выкупных платежей и крайне невыгодных для многих крестьян условий освобождения). Главное же заключалось в том, что творцы реформы практически ничего не сделали для того, чтобы *укрепить частнособственнические тенденции* у крестьян и помещиков. Так, отсутствовала система *краткосрочного кредита*, жизненно важного и для помещиков, и для крестьян. По существу, закрепление общинного землевладения крестьянства после 1861 г. стало юридически-обязывающим подтверждением его *сословной обособленности*, что являлось ключевым архаичным «рудиментом» феодализма в пореформенной России.

Между тем только на пути *объединения усилий всех сословий* возможно цивилизационное обновление нации, а, следовательно, и модернизация ее хозяйственной и социокультурной жизни. Что же касается сельского хозяйства России в целом, то для его действенной модернизации необходимы были консолидированные усилия *всех трех* ключевых субъектов аграрного строя: *крестьянства, помещиков и государства*.

Не случайно для Фета важнейшая роль русского дворянства в деревне заключалась в культуртрегерском (просветительском) влиянии помещиков на крестьян [31, с. 51]. По его мнению, сельское хозяйство не может успешно развиваться без личной инициативы хозяина (землевладельца), причем основой должна выступать Традиция [см. также: 46, с. 131].

Эту точку зрения разделяли и многие другие видные деятели русской культуры XIX в. (включая А.С. Пушкина, А.С. Хомякова и др.), и все отечественные помещики-рационализаторы. Совпадение позиций отнюдь не случайно: Фет был близок к рационализаторским кругам.

К тому же и в других странах Европы именно дворянство играло ведущую роль в процессе внедрения различных новаций в сельское хозяйство и развитии просвещения в деревенской среде. Главным же фак-

тором изменений архаичного культурно-хозяйственного быта выступал **аграрный патернализм**: на помещиков-дворян – как носителей аристократического духовного начала и «отцов-попечителей» для крестьян – возлагалась культуртрегерская миссия **преобразователей**.

При этом Фет отнюдь не был крепостником (в чем его зачастую обвиняли); он лишь отдавал должное «дореформенной стабильности» и порядку. И здесь он оказался прав: «общинный дух» ведущие деятели культуры Европы признавали «важным элементом поддержания общественного порядка и спокойствия» (Алексис де Токвиль) [цит. по: 16, с. 108].

Важнейшую **просветительскую роль** для пореформенного русского общества сыграла подвижническая хозяйственная деятельность Фета в Степановке. При этом на передний план вышли такие качества помещика-новатора, как широкий хозяйственный кругозор, пассионарная деловая активность, а также проявленная им «исключительная хозяйственная пунктуальность» (О. А. Набялэк) в решении насущных экономических вопросов усадебной жизни.

В своих печатных работах Фет уделил большое внимание и вопросам, касающимся использования в помещичьем хозяйстве вольнонаемного труда (который он считал оптимальным) и машин [см.: 43, т. 4, с. 361; 31, с. 52].

Он был твердо убежден в том, что переход на прогрессивные пути хозяйственного и социокультурного развития возможны лишь в случае **добровольного отказа от архаичных традиций общинного коллективизма**.

При этом подчеркивалось, что «со вступлением России в новый период деятельности заветные слова авось, да небось, да как-нибудь должны совершенно выйти из употребления» [43, т. 4, с. 137].

В современной научной литературе отмечается также значительная роль Фета в пропаганде аграрных новаций среди крестьян [14, с. 194–195].

Фет подверг резкой и аргументированной критике **непродуманную государственную аграрную политику** первых пореформенных десятилетий. Он подчеркнул, что эта политика не учитывает могучей инерционной силы архаичных традиций общинного коллективизма, выступающих, в то же время, в качестве **ключевого элемента стабилизации**: «...наши **корни** (текст выделен в источнике. – С.К.) еще глубоко таятся в нашей народной почве... ими-то и держится государство вопреки налету чуждых веяний... и не нужно вырывать, а необходимо полить» [42, с. 204]. Отметим, что Фет наметил и **общие подходы** к модернизации сельского хозяйства России, где решающими факторами выступали **конкуренция, использование новейшей техники и технология, развитие фермерских хозяйств и первоочередное внимание к усовершенствованию**

нию животноводства в качестве ключевого фактора всей отечественной аграрной модернизации [42, с. 213–214 и др.].

Примечательно, что он последовательно выступал за *методично-взвешенный* подход к реализации аграрных реформ, что отвечало интересам *всего социума*, включая и крестьянство: «Коренное дело земледельческой промышленности всего менее выносит всякого рода ломки и передергивания, и на первое время было бы великим благодеянием: с одной стороны, восполнения... пробелов в существующих законоположениях, а с другой – вручение сельским мировым судьям полной власти первых мировых посредников с кассационной подчиненностью съездам и сенату. При таком строе с ограничением кабаков, которые следует выгнать из деревень на дороги, весь народ как один человек вздохнул бы *свободнее* (текст выделен в источнике. – С.К.) в настоящем значении этого слова» [42, с. 218].

Отметим также ярко выраженный *антилиберальный* характер всех сочинений Фета. Он был твердо уверен в том, что зарубежные либеральные идеи реформирования России принесут Отечеству *лишь вред*, поскольку *лишены исторической опоры*: «Наша всероссийская практика не представляет либералу даже вершка земли, на который бы он мог твердо поставить ногу, и ему поневоле приходится летать на ковре-самолете в заморские Англию и Америку за доказательствами состоятельности либерализма. При этом воздушном полете забывается историческая и расовая способность к самоуправлению» [42, с. 331; см. также: 51]. Причина же такого подхода очевидна: «...наши образованные классы слишком часто в своих понятиях, нравах, стремлениях идут вразрез с народным чувством, не понимают или не хотят понять ни истинных нужд народа, ни его духа» [42, с. 232].

Эти выводы также приобретают особую актуальность в современной России, когда общество все чаще обращает внимание на антинациональную ориентацию многих представителей нынешних «элит»...

Сам Фет принимал активное участие в общественной жизни; не случайно в 1867 г. он был избран мировым судьей на 11 лет. Примечательно, что и хозяйственная, и общественная деятельность, которыми он на протяжении многих лет активно занимался, служили ему своего рода «исходным материалом» для более широких философско-мировоззренческих обобщений, касающихся как русской национальной ментальности, так и выводов о духовной сущности человека в целом: «Свободы ищет и добивается человек на всех поприщах... Слово свобода у всех на языке и, быть может, на сердце; а между тем многие ли уяснили себе его значение? Свободу

понимают как возможность двигаться во всех направлениях. Но природа не пускает меня ни в небо, ни в землю, ни ко дну океана, ни сквозь стену. Для духовного движения есть также свои океаны и стены. Интересно осмотреть остающееся в нашу пользу пространство, по которому мы действительно можем двигаться. ...Свободный человек, поняв, например, что мы сидим в грязи, не ограничит свою деятельность праздною перефразировкой этого речения, а поищет средств вылезть из грязи. К этому первый шаг – сознание, как и насколько мы в грязи» [43, т.4, с.138–139].

Таким образом, на передний план были поставлены свободные, но при этом базирующиеся на гражданской ответственности, действия пассионарной творческой личности.

После отмены крепостничества деятельность энергичных, *предприимчивых* помещиков заметно активизировалась. «Нет, не... бессмысленно-бездушным существом вижу я, особенно в настоящее время, среднего землевладельца, – отмечал в 1863 г. Фет. – Я вижу его напрягающим последние умственные и физические силы, чтобы на заколебавшейся почве устоять во имя просвещения, которое он желает сделать достоянием своих детей, и, наконец, во имя любви к своему Делу. Вижу его устанавливающим и улаживающим новые машины и орудия почти без всяких к тому средств; вижу его по целым дням перебегающим от барометра к спешным полевым работам, с лопатой в руках в саду и даже на скирде непосредственно наблюдающим за прочною и добросовестною кладкой его, а в минуты отдыха за книгой или журналом. Все это не выдумка праздной фантазии, а дело, на которое я могу вокруг себя указывать пальцами. ...Конечно, есть и между помещиками немало людей, которым дики и машины, и новые отношения; но мы говорим про общий поток, а не про лежащие на дне руслу камни. Косность бывает и в литературе, и в науке; такова воля судеб. ...Можно порицать дурные дела злых и неразвитых людей, сожалеть об ошибках заблуждающихся; но слепо враждовать в настоящее время против землевладельцев – значит желать косности, безысходного мрака, отсутствия всякого идеала в жизни. А это тяжкое проклятие. Не дай того Бог свободному народу!» [41, с.452].

Итак, ключевую роль приобретал *творческий поиск*, в том числе в сельском хозяйстве. «Спрашивается, кто направляет жизнь – специалисты-ремесленники или люди, способные на всестороннее обсуждение предметов? – с тревогой задавал вопрос Фет, отмечая далее: В настоящее время наш землевладелец, желающий разумно двинуть свое дело, не может довольствоваться заведенным исконным ходом дела. Ему нельзя известным образом пахать только потому, что сосед его так пашет. Ему необходимо

обсудить все окружающие его условия народной жизни и безошибочно сообразить, почему такое-то улучшение, возможное в другой стране, возможно или невозможно у него. Заводя новое производство, он должен с возможной ясностью сообразить не только настоящие, но и будущие торговые пути. Правильное обсуждение всех этих вопросов требует не специального, а всестороннего развития. При возникающей у нас гражданской самодеятельности какая громадная возникает потребность в людях всесторонне-европейского образования!» [42, с.43].

Отметим и присущий Фету глубокий патриотизм. 12 октября 1862 г. он пишет Л.Н.Толстому из Степановки: «Я люблю землю, черную рассыпчатую землю, ту, которую я теперь рою и в которой я буду лежать. ...Надо любить, все любить...» [цит. по: URL: <https://poesias.ru/letters/fet-afanasii-a-perepiska/pismo-10020.shtml>; дата обращения: 17.06.2023]. Фет также подчеркивал: «Земледелие, в сущности, не какая-либо потребность жизни, оно сама жизнь» [43, т.4, с.370].

Интересен также отзыв И.Е.Репина, работавшего над портретом А.А.Фета в 1881 г.: «Я сидел смирно, слушал только Фета и смотрел только на него: он приковывал меня своей некрасивостью и правдой и был неотразимо внушителен своей грубоватой простотой. Басистый, сиповатый голос и даже тяжелый кашель очень шли к нему. Но ни в словах, ни в фигуре его не было ничего поэтического. Это была сугубая проза хозяина, помещика, дельца, многоопытного и очень умного. И странное дело – я ни на одну минуту не заскучал...» (цит. по: URL: <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/22176>; дата обращения: 24.06.2023).

В XIX–XX вв. в отечественной печати преобладала точка зрения, согласно которой Фет не только был атеистом, но и настойчиво отторгал от себя православную веру. Лишь в последние десятилетия получила «права гражданства» иная, более взвешенная и аргументированная концепция, сущность которой четко выражена в одной из публикаций: «Фет постоянно находился в поиске Божественного, поэтому вопрос о религиозности Фета... навсегда останется предметом споров. Однако можно сказать наверняка одно: ...размышления о вере волновали его на протяжении всего жизненного и творческого пути...» [44]. Вспомним и подзабытый, но не утративший значимости вывод Н.А.Струве: «Непосредственно Фет ощущал Бога в природе, но... более всего он чувствовал его в искусстве, в творческом наитии» [подробнее см.: 36].

На наш взгляд, в мировоззренческих установках «позднего» Фета четко прослеживаются *христианские* (причем, *преимущественно православные*) духовно-нравственные императивы. Так, в письме Л.Н.Тол-

стому от 17 июля 1887 г. он отмечал: «Земля-кормилица скупа... "В поте лица твоего снеси хлеб твой", – сказано на пороге потерянного рая... Непонимание этого краеугольного закона и есть наша общая человеческая, а тем паче русская беда. ...отвращение к труду возводится у нас в религиозный культ, и люди бьются о распространении этой веры в народе...» [цит. по: URL: <http://www.lit-classic.ru/index.php?fid=1&sid=14&tid=511&usclid=lj06ob9mqk268944004>; дата обращения: 17.06.2023]. Разумеется, автор имел в виду либеральную интеллигенцию, которая в эти годы уже начала свой беспрецедентный «крестовый поход» против «производителей» – подлинных творцов материальных благ: предпринимателей, помещиков-рационализаторов, инициативных крестьян и др.

Такая установка крайне отрицательно отразилась на дальнейшей истории России: она уведила общество от созидательного труда, раскалывая его изнутри [см. также: 18, с. 472–473].

Примечательно, что одной из главных причин распада Знаменской коммуны, организованной литератором и публицистом В.И. Слепцовым [см. о нем: 4] в Санкт-Петербурге в 1863 г. с целью «показать пример, как надо соединять свои средства небогатым людям, чтобы жить гигиеничнее, выгоднее и не давая себя эксплуатировать» [15, с. 444], стала «крайняя непрактичность» ее членов [15, с. 443–444, см. также: 10], – та самая пресловутая интеллигентская и помещичья непрактичность, с которой *de facto* многие годы боролся своим личным хозяйственным примером Фет.

По мнению Е. М. Конышева, в публицистике Фета, наряду с православными духовными устремлениями, нашли отражение также *идеи протестантизма*, связанные, прежде всего, с необходимостью опоры на индивидуальное, *деятельно-предприимчивое* начало, что было крайне важно в условиях развития буржуазного общества пореформенной России [22, с. 29–30]. Фет сам подчеркивал: «Крепостное право воспитало идеал тунеядца и систематически убило личный почин» [42, с. 173].

На хозяйственную деятельность и общественные взгляды Фета во многом повлияли общие черты его самобытной личности. Друживший с ним Н. Н. Страхов уже после смерти Фета так их охарактеризовал: «...душевные качества Афанасия Афанасьевича представляли очень заметное и прекрасное разнообразие. Он обладал энергией и решимостью, ставил себе ясные цели и неуклонно к ним стремился. Ему всегда нужна была деятельность...» [35, с. 421].

Именно поэтому А. А. Фет прилагал огромные усилия для того, чтобы представители различных сословий русского общества поняли всю пагубность архаичных традиций патернализма и «приучились» на своем личном

опыте к жесткой, но *жизненно необходимой* и стране, и социуму, и отдельной личности буржуазной конкуренции. При этом на передний план выходило *территориальное разделение трудовых операций*. Он подчеркивал: «...эманципация труда... должна заставить города поменяться ролью с деревнями. При старом порядке город был единственной целью всякой интеллигенции, а деревня не более как гнусным средством. ...Деревня была училищем, чистилищем для вшествия в городской рай. Наступила иная пора, и меньшинство городов должно занять настоящее место в отношении к большинству деревень. Гостиная и зала пусть будут в деревне, а город может и должен быть классною, кладовою колониальных и папских товаров, базарною площадью, архивом, сторожкой и т.д. ...Надо приложить к делу умственную гимнастику. Надо недостаток рук заменять машинами» [43, т.4. с.217, 218]. Однако повседневная российская действительность не позволяла полностью воплотить в жизнь его замыслы. Этому препятствовали и особенности традиционной ментальности как крестьян (привыкших полагаться на пресловутое «авось»), так и помещиков.

Фет с тревогой отмечал: «Разве это не делается? Посмотрите по большим дорогам! Сколько везут машин из Москвы и из-за границы! В губернских городах появились магазины земледельческих машин и орудий. Но зато сколько с ними и бед! Кому за ними смотреть? Кому их ладить? Сколько капитала, в виде этих машин, пропадает и еще будет пропадать на Руси даром! Опять стена безрукости и бедности. ...А наши-то хозяйства разве не образцовые пробные фермы, на которых каждый пробует ворочать дело на все стороны? Один метит в немца, другой в американца, а третий присматривается к приемам русского мужика, коли заметил, что у мужика известная отрасль хозяйства идет исправнее, чем у него» [43, т.4, с.218]. Фет обращал пристальное внимание на огромные достижения аграрной рационализации в Северо-Американских Соединенных Штатах: «Источник зла – все та же малонаселенность с ближайшим своим последствием – бедностию. Видя быстрые успехи колоний в новых частях света, при сходных с нами условиях, мы не должны упускать из виду, что европейские колонисты вносят в новую страну силу, энергию и средства образованности уже как готовый материал, выработанный в метрополиях богатством, совокупностью труда и густотой населения» [43, т.4, с.220–221].

Объективно выступая за буржуазный путь аграрного развития России (но с сохранением ряда традиций и свободном хозяйственном выборе крестьянина), Фет отмечал, что «с появлением полной личной поземельной собственности начинается и естественная группировка этой собствен-

ности в руках более осмотрительных и способных, с одной стороны, и возникновение свободных рабочих рук, – с другой...» [цит. по: 54, с. 76].

При этом он хорошо понимал и огромную опасность для будущей России леворадикальных идей и планов, полуиронически определяя сущность «сочувствующих к коммунизму» (*de facto*, маргиналов) следующим образом: «Если-де моя личность обезличилась, то пусть никто не имеет личности» [42, с. 160]. Напротив, важнейшим условием сохранения и укрепления Отечества Фет считал следующую доминанту национальной ментальности: «Мы до сих пор не вполне ясно осознали нашу истинную особенность, коренящуюся в двух мотивах: главенстве **Христа** (здесь и далее текст выделен автором. – С.К.) и **Царя**. Все доблестное и великое совершается на Руси Христовым и Царским именем. Этого не хочет понять современная интеллигенция со своей ребяческой конституцией. У ней действительно нет царя в голове» [42, с. 216].

Выделим и еще одно ценное предостережение Фета – об опасности одностороннего «поворота на Восток»: «Беспощадно истощая почву общинным владением... мы против исторического течения бежим на Восток, еще не зная, как примут нас безводные степи» [42, с. 286]. Он доказывал, что необходим иной, более взвешенный путь и хозяйственного, и социокультурного развития, с опорой на «наши корни» – сохранившие свой потенциал традиции.

Вместе с тем некоторые прогнозы Фета, касающиеся аграрного и промышленного будущего России, в итоге оказались далеки от реальности. Так, размышляя о значении «нарождающегося» в стране рабочего класса, он отмечал: «Наши публицисты изо всех сил стараются доказать неудобство и зловерность колоссального пролетариата в государственном организме. ...Что такое страна пролетариата, в двух словах? Страна, где руки ищут работы, а работы нет. Что такое Россия? Страна, в которой необходимейшая работа ищет рук, а рук нет. ...Действительно, при благоприятнейших условиях к умножению народонаселения и у нас лет через 500, может быть, вырастет борода пролетариата. Но что тогда будет, никто не знает...» [40, с. 271]. Выделим также и основные выводы выдающегося поэта и талантливого рационализатора, которые с полным правом можно рассматривать как его *прощальный завет* и современникам, и потомкам: «Пожелаем же себе любви к труду, ясных понятий о главной цели каждого из нас, строго охранительных законов, возбраняющих раз навсегда вторжение постороннего произвола в наши законные действия, взаимного доверия, основанного на той же строгой законности отношений, а главное – здоровья» [43, т. 4, с. 221].

Афанасий Афанасьевич (в 1873 г. наконец-то добившийся возвращения ему родовой фамилии Шеншин и дворянского звания, но продолжавший и в дальнейшем подписывать литературные произведения и переводы фамилией Фет), – навсегда вошедший в историю и культуру России как выдающийся поэт Фет и незаурядный помещик, просветитель и публицист Шеншин, – скончался после тяжелой болезни 21 ноября 1892 г. в Москве, в собственном доме на Плющихе. После отпевания в университетской церкви гроб с его телом перевезли в родовое имение Шеншиных с. Клейменово Мценского у. Орловской губ., где в склепе местной церкви он и был похоронен. После смерти супруги Фета Марии Петровны в 1894 г. имение отошло к Сергею и Петру Боткиным (ее племянникам).

2 декабря 2016 г. в деревне Воробьевка Золотухинского района Курской области после многолетней реконструкции открыли музей «Усадьба А.А.Фета», – филиал Курского областного краеведческого музея [см.: <http://fet.kursk-museum.ru>]. Ранее в бывшем имении располагались продуктовый магазин, филиал тракторной станции, а с 1966 г. школа-интернат. В настоящее время здесь ежегодно проходят Фетовские чтения. Усадьба быстро стала популярным туристическим брендом Курской области.

А.А.Фет в гробу (на его груди – икона Спасителя). Фотография Р.Бродовского. 1892 г.

**P.S. «Консервативное
противостояние» –
и «освежение души»...**

А. А. Фета с полным основанием можно охарактеризовать не только как выдающегося поэта, но и как талантливого, самобытного хозяйственного

и общественного деятеля России XIX столетия, оперативно откликнувшегося на самые актуальные проблемы экономического и социокультурного бытия. В его работах нашла яркое отражение гражданская, глубоко патриотическая позиция, опирающаяся на отечественные духовные традиции; направленная на модернизацию отсталого хозяйственного и общественного строя России. «Я стараюсь не принадлежать и не принадлежу ни к какой партии..., – подчеркнул он в письме к А. В. Олсуфьеву 31 марта 1890 г. – и не считаю всесветного расслабления за прогресс, и уверен, что государственные и народные основы могут держаться только там, где... их шатать воспрещается» [цит. по: 3, с. 5]. Такая позиция носила четко выраженный *государственный* характер; ее необходимость и важность наглядно показали дальнейшие трагические события очередной «Русской Смуты» начала XX в.

Многолетняя хозяйственная деятельность Фета в качестве помещика наглядно продемонстрировала, что даже в сложных условиях пореформенной России и можно, и нужно вести доходное рентабельное помещичье хозяйство. Такой вывод подтверждали и хозяйственно-просветительская деятельность многочисленных помещиков-рационализаторов, успешно работавших в этот период [18; 16, с. 212–420].

«Управляя» крестьянами Фет, как и его отец, согласно старинной помещичьей традиции – сурово, жестко, но отнюдь не жестоко. Такой подход, зафиксированный в многочисленных источниках XVIII–XIX вв. и основанный на знании ментальности русского крестьянина (с присущим ей пониманием «воли» как вседозволенности-анархии), был наиболее оптимален [см.: 16, с. 101–114 и др.; 18; 19]. Примечательно, что в 1888 г., отвечая на один из вопросов анкеты Т. Л. Толстой – «Какое историческое событие вызывает в вас наибольшее сочувствие?» – Фет ответил: «Отмена Наполеоном I революции и казнь Пугачева» [52, с. 67], хорошо понимая, к каким последствиям ведет русский бунт, «бессмысленный и беспощадный».

Вместе с тем «демократичная» общественная среда пореформенной России (как правило, не умевшая и не желавшая «хозяйничать») восприняла фетовские начинания весьма скептически, зачастую высмеивая их и безосновательно заклеив Фета как «крепостника»-ретрограда [31, с. 53]. Сходной была судьба и ряда других отечественных подвижников-аграрников, причем, даже тех, кто добился заметных успехов. Фет к последним, безусловно, принадлежал.

Можно предположить, что именно практическая деятельность в области сельского хозяйства и стала для Фета едва ли не главным средством (наряду с непрерывными духовными исканиями, зачастую не приносившими умиротворения) обретения долгожданной внутренней и внешней **стабильности**: парадоксально, но именно решение бытовых хозяйственных проблем – эффективное, действенное и наглядное – успокаивало и «гармонизировало» его мятущуюся душу. Примечательно, что, отвечая на вопрос анкеты «Какую цель преследуете вы в жизни?» Фет ответил «Полезность» [52, с.66]; счастье же, по его мнению, заключалось в том, чтобы «видеть плоды усилий» [52, с.66], а хозяйственная деятельность наиболее явственно и конкретно отвечала этому пассионарному устремлению.

Жизненный путь А.А.Фета ясно доказал иллюзорность жизненной ставки на «Успех» и **явный приоритет духовного начала над материальным** в жизни любого пассионария-подвижника (невзирая на различные условия «конкретно-исторической эпохи»); **исключительную важность духовно-детерминированной созидательной деятельности личности и социума** [см. также: 2; 5; 7; 34; 18, с. 181–184 и др.].

Сделанные Фетом выводы крайне важны **и в начале XXI в.**, когда многие ключевые социокультурные проблемы еще не решены в нашем Отечестве.

В современной научной литературе также отмечается: «Рынок своим эгоизмом отделяет человека от социума. ...Политика мультикультурализма не оправдала возлагавшихся на нее надежд, не в последнюю очередь из-за игнорирования принципа социальной солидарности в синтезе с идеей индивидуальной свободы» [11, с.48, 49]. На наш

Рабочий кабинет А.Фета в Воробьевке. Современный вид
(http://govrn.ru/usadba_feta/?ysclid=ij9v1tzblk778700435)

взгляд, «антилиберальная» публицистика А. А. Фета во многом предвосхитила такой подход: и либералы пореформенной эпохи, и псевдолиберальные деятели «гайдаровского» времени конца XX в., да и более позднего периода возлагали неоправданные надежды на «свободный» («демократичный») Запад, при этом отвергая и значимые ресурсы национальной Традиции (включая государственный и частный патернализм), и основы самой Русской Культуры.

Политолог Г. И. Мирский, оценивая «лихие девяностые» годы XX столетия, отмечал: «Общественная мораль, чувство долга, гражданская ответственность, уважение к закону... – да откуда всему этому было взяться? ...Поэтому и капитализм, который стал зарождаться, и не мог быть ничем иным как квазикапитализмом – уродливым, криминальным, воровским и спекулятивным» [30, с. 330–331]. Этот вывод вполне сопоставим и с теми пороками первых десятилетий пореформенной России, на которые многократно обращал внимание Фет [см.: 42].

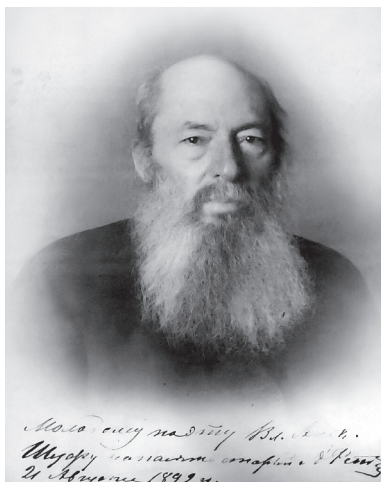
Вместе с тем *хозяйственные аспекты* рождавшегося в XIX в. буржуазного строя несли в себе и отдельные положительные моменты, связанные с раскрытием могучих ресурсов частной предприимчивости. Фет, в частности, отмечал: «Подобно всякому человеку, и русский крестьянин спит и видит себя самостоятельным землевладельцем и собственником. Без этого чувства собственности не существует никакого экономического побуждения» [42, с. 342].

Фет, являясь противником архаичного крестьянского природопользования, убедительно доказал в своих трудах преимущества «крепкого» единоличного крестьянского хозяйства фермерского типа. Тем самым он фактически на несколько лет *предвосхитил* аграрные начинания П. А. Столыпина [см. также: 42; 47; 48; и др.]. Его содержательные работы, безусловно, нуждаются в дальнейшем научном изучении *в контексте современных междисциплинарных научных изысканий*, что позволит глубже понять высказанные им, во многом новаторские идеи, инновационная значимость которых для нашей страны в эпоху новых реформ начала XXI в., охватывающих и сельское хозяйство России, весьма велика.

Фет твердо верил в светлое будущее России. «Если можно чему-либо удивляться в характере нашего народа, то это не воображаемой косности, – отмечал он еще в 1868 г., – а действительной, несомненной способности сживаться с новыми, небывалыми формами и условиями жизни» [цит. по: 19, с. 481]. Этот вывод полностью подтвердила практика аграрных реформ начала XX столетия.

Последовательно отстаиваемая Фетом жизненная позиция, которую В. А. Кошелев метко характеризует как «консервативное противостояние» [см.: 24], исключительно актуально и плодотворно в современных условиях, когда идет мощная комплексная атака неоглобализма на любые проявления самобытного и независимого национального бытия, – прежде всего, российского [см. также: 38]...

Сделанные Фетом социокультурные выводы, касающиеся крестьянства и дворянства, основывались как на глубоком анализе творчески освоенного им огромного материала разнообразной литературы, так и на личном (прежде всего, хозяйственном) опыте: именно на нем зачастую выстраивались «логические цепочки» размышлений Фета-публициста. Не менее важно и то, что подавляющая часть этих выводов (если подходить к историческому процессу хотя бы относительно объективно: без либеральных, «правых» и «левых» стереотипов и догм), – находит подтверждение в современных исторических и литературоведческих трудах. Да, можно попытаться упрекнуть автора в «идеализме» (в частности, применительно к отношениям крестьян с помещиками), укорить его за теорию «чистого искусства», – однако, **в главном** Фет был прав: невзирая на глубокие различия между «дворянской» и «крестьянской» культурами, представителям двух ведущих сословий огромной аграрной России необходима была упорная работа по сближению позиций; нужен был **обоюдный взаимовыгодный диалог**, а не нарастающее противостояние. Увы, и те, и другие оказались **ментально не готовы** к поиску компромиссов, что во многом и предопределило спустя несколько десятилетий трагедию очередной «Русской Смуты» начала XX в. Нашли подтверждение в дальнейшей исторической судьбе России и другие важнейшие выводы Фета: о негативной роли традиционной крестьянской общины в качестве мощного барьера предприимчивости и инициативы, о роли частной земельной собственности в прогрессе аграрной экономики страны, о преимуществах хозяйственной ментальности старооб-

Фотопортрет А.А. Фета с автографом. 1890–1892 гг.

рядцев, о предрассудках и заблуждениях «свободомыслящей» российской интеллигенции и др.

Фет, лирик, сохранивший «чувство вечной красоты» (В.П.Боткин) и выразивший «особый строй русской лирической медитации» [2, с.284] «поэт-музыкант» (П.И.Чайковский), бесспорно, навсегда останется как в истории русской культуры, так и в душе тех, кто чувствует и ценит живой поэтический отклик человеческого сердца («...чтение Фета, – отмечал Н.Н.Страхов, – укрепляет и освежает душу»), а также мощь и значимость Национальной Традиции [см. также: 26, с.688–690; 12, с.292].

Не менее важен и бесценный *экзистенциально-подвижнический пассивный опыт всей жизни* выдающегося деятеля отечественной культуры, неразрывно связанный с постоянным, зачастую противоречивым духовным поиском Истины, Добра и Красоты; попыткой органично совместить на русской почве Традицию и Новацию, Веру (в форме свободного личного выбора) и организованный по-новому – на рациональных прагматичных началах и «личном почине» – свободный сельский труд...

Список сокращений

га – гектар

губ. – губерния

дес. – десятина

ИМОСХ – Императорское Московское общество сельского хозяйства

ИРИ РАН – Институт российской истории Российской Академии наук

обл. – область

ОНС – «Общественные науки и современность»

РВ – «Русский вестник»

СХ – «Сельское хозяйство»

у. – уезд

Библиографический список

1. А.А.Фет: взгляд сквозь века. Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения поэта. Орел: Изд-во Картуш, 2023. 187 с.
2. А.А.Фет: Pro et contra. Антология. 2 изд. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2022. 960 с.
3. Асланова Г.Д. От составителя // Фет А.А. Наши корни: Публицистика / Подгот. текстов и сост. Г.Д.Аслановой; коммент. Г.Д.Аслановой и В.И.Щербаква. СПб.; М., 2013. С.5–6.

4. Брумфилд У.К. Социальный проект в русской литературе XIX в. М.: Три квадрата, 2009. 272 с.
5. Бушканец Л.Е. Чехов – писатель русского Апокалипсиса? // ОНС. 2010. №4. С. 162–172.
6. Генералова Н.П. О жизненной философии Афанасия Фета // Русская словесность. 2020. №2. С.3–13.
7. Генералова Н.П. «На распутье»: Фет об исторических судьбах России // Афанасий Фет и русская литература: XX Фетовские чтения. Курск, 2006. С.69–83.
8. Генералова Н.П. Поэзия и правда Афанасия Фета // А.А.Фет: Материалы и исследования. Т.3. М., 2018. С.5–36.
9. Годичное заседание ИМОСХ // СХ. 1861. №3. Ч.1. С.128–132.
10. Горшкова Ю.Г. Воплощение идей утопического социализма в России (на примере Знаменской коммуны в Петербурге) // Modern Science. 2020. №7–2. С.75–79.
11. Гульяев В.Е., Пефтиев В.И., Титова Л.А. Антропологический подход к глобализации: размышления политэкономов // Теоретическая экономика. Ярославль, 2018. №4 (46). С.45–51.
12. Даренский В.Ю. Медитативная лирика Афанасия Фета в восприятии разных эпох // Тетради по консерватизму. 2021. №1. С.284–293.
13. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе: 1861–1880 гг. М.: Наука, 1978. 287 с.
14. Елина О.Ю. От царских садов до советских полей: история сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII – 20-е годы XX в.: в 2 тт. Т.1. М.: Эгмонт-Россия, 2008. 479 с.
15. «Знаменская коммуна» / публикация М.Л.Семановой // Литературное наследство. Т.71. М., 1963. С.439–460.
16. Козлов С.А. Аграрная рационализация в центрально-нечерноземной России в пореформенный период (по материалам экономической печати) / Отв. ред. В.Я.Гросул. М.: ИРИ РАН, 2008. 440 с.
17. Козлов С.А. «Легкость бытия» в социокультурном контексте досоветской, советской и постсоветской эпох // Диалог искусств и арт-парадигм. Статьи. Очерки. Материалы. Т.46: по материалам X Международного научного форума «Диалог искусств и арт-парадигм» “SCIENCEFORUM PAN-ART X”. Грандиозный эксперимент XX в.: pro et contra (К 100-летию образования СССР и 30-летию его распада). 30 декабря 2022 г. / Редактор-составитель А.И.Демченко. Саратов, 2023. С.38–72.
18. Козлов С.А. Российские ученые-аграрники XIX – начала XX в.: Историко-биографические очерки. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 967 с.
19. Козлов С.А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.). В 3 тт. Т.1. Главы I–III. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 588 с.
20. Козлов С.А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.). В 3 тт. Т.2. Главы IV–V. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 688 с.

21. Козлов С.А. «Хозяин... только тот, кто все знает, все умеет, все предвидит...»: Сергей Федорович Шарапов // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. тематич. сб. науч. тр. Вып.26. Калининград, 2020. С.92–106.
22. Конышев Е.М. Публицистика А.А.Фета в контексте идейных исканий русских писателей // А.А.Фет: взгляд сквозь века. Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения поэта. Орел, 2023. С.26–30.
23. Кошелев В.А. Афанасий Фет. Преодоление мифов. Курск: Курский государственный университет, 2006. 336 с.
24. Кошелев В.А. Размышления по поводу книги «А.А.Фет. Наши корни. Публицистика» // Эпоха «великих потрясений» в литературе, языке и культуре («Фетовские чтения»). Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Е.М.Криволапова. Курск, 2018. С.108–123.
25. Макарова С.А. А.А.Фет и П.И.Чайковский: «двойное бытие» творческого диалога «поэтов-музыкантов» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №12. Ч.3. Тамбов, 2016. С.34–39.
26. Макарова С.А. Музыкальность лирики и вербализация музыки в русском искусстве. Монография. М.: «Азбуковник», 2020. 760 с.
27. Макарова С.А. От «чистого искусства» к «жизнетворчеству» стиха: А.А.Фет и русский символизм. М.: «Азбуковник», 2017. 374 с.
28. Макеев М.С. Афанасий Фет. М.: Молодая гвардия, 2020. 443 с.
29. Макеев М.С. Фет и Московский университет: заметки к теме // Литературоведческий журнал. 2020. №3 (49). С.38–44.
30. Мирский Г.И. Жизнь в трех эпохах. М.; СПб.: Летний сад, 2001. 368 с.
31. Набялэк О.Э. «Лирическое хозяйство» Афанасия Фета // Родина. 2014. №12. С.51–53.
32. Никольский С.А. Русское мировоззрение. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40–60-х гг. XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 624 с.
33. Петрова Г.В. А.А.Фет и русские поэты конца XIX – первой трети XX в. СПб.: Астерион, 2010. 196 с.
34. Порус В.Н. Тоска по бытию (А.П.Чехов и философия культуры) // Дом Бурганова. Пространство культуры. М., 2011. №3. С.8–26.
35. Страхов Н.Н. А.А.Фет. Биографический очерк // Фет А.А. Полное собрание стихотворений. Т.1. СПб., 1912. С.416–422.
36. Струве Н. О мировоззрении А.Фета: Был ли Фет атеистом? // Вестник русского христианского движения. Париж, 1984. №139. С.161–171.
37. Струве П.Б. Крепостное хозяйство. Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX в. СПб.: Изд. М. и С.Сабашниковых, 1913. 340 с.
38. Торосян В.Г. Культурная капитуляция как симптом/причина/следствие заката Европы // Век глобализации. 2016. №3 (19). С.110–120.

39. Фет А.А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. В.А.Кошелева и С.В.Смирнова. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 480 с.
40. Фет А.А. Заметки о вольнонаемном труде // РВ. 1862. Т.XXXIX. №5 (май). С.219–273.
41. Фет А.А. Из деревни // РВ. 1863. Т.43. №1. С.447–462.
42. Фет А.А. Наши корни: Публицистика / Подгот. текстов и сост. Г.Д.Аслановой; коммент. Г.Д.Аслановой и В.И.Щербакова. СПб.: ООО «Изд-во "Росток"»; М.: ООО «Содружество "Посев"», 2013. 480 с.
43. Фет А.А. Сочинения и письма: в 20 т. Т.1–5. М.: Академический проект, 2003–2015 (издание продолжается. – С.К.).
44. Фет, которого вы не знали. К 200-летию поэта // Фома. 2020. 5 декабря. URL: <https://foma.ru/fet-kotorogo-vy-ne-znali-k-200-letiju-pojeta.html?ysclid=lipuw9lgt042879864> (дата обращения: 10.06.2023).
45. Фирсова Т.Г. Творчество А.А.Фета и русский фольклор. Дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2005. 244 с.
46. Фролова Н.В. Своя колея: хозяйственно-экономический мир русской усадьбы в воспоминаниях А.А.Фета // Вестник Московского университета. Сер.10: Журналистика. 2017. №6. С.119–143.
47. Черемисинов Г.А. А.А.Фет-публицист о хозяйственном строе России // Проблемы изучения жизни и творчества А.А.Фета: сб. науч. тр. Курск, 1992. С.278–299.
48. Черемисинова Л.И. А.А.Фет и Д.А.Столыпин: диалог о крестьянском землевладении (по материалам неопубликованных писем) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т.23. №1. С.62–66.
49. Черемисинова Л.И. Идеи А.А.Фета о духовно-нравственном воспитании в контексте современного образовательного пространства России // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2014. №1. С.23–29.
50. Черемисинова Л.И. Проза А.А.Фета в историко-литературном контексте 1850–1880-х гг.: Дис. ... д-ра филологических наук. Великий Новгород, 2008. 519 с.
51. Черникова Н.В. Парадоксы модернизации. Идея законности в политической культуре пореформенной России // Россия XXI. 2019. №2. С.24–41.
52. Шеваров Д. Анкета Фета: откровения нелюдимого поэта, родившегося 200 лет назад // Родина. 2020. №12. С.66–67.
53. Шеншина В.А. А.А.Фет-Шеншин. Поэтическое мирозерцание. М.: Добросвет, 2003. 254 с.
54. Шинков А.М. Взгляд Фета на пореформенную деревню (по черновым материалам к статье «Наша интеллигенция») // Тургеневский ежегодник 2011–2012 гг. Орел, 2013. С.70–76.

Ольга Вербицкая

**НОВЕЙШИЕ
ТЕНДЕНЦИИ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА
(2000-е гг.)**

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК

31

В центре внимания – демографическая ситуация в уральском селе: доля его населения в общей численности сельских жителей России и в сравнении с другими регионами; прослежены общие для всех и специфические черты, присущие лишь сельскому населению Урала. Сделан вывод о том, что в условиях экономического возрождения начала 2000-х гг. в сельском населении Урала уже проявились здоровые тенденции (в рождаемости, естественном приросте населения и объеме сельской миграции).

The focus is on the demographic situation in the Ural village: the share of its population is in the total number of rural residents of Russia and in comparison with other regions; common and specific features inherent only to rural residents of the Urals are traced. Conclusion: in the conditions of the economic revival of the 2000s, healthy trends were already operating in the rural population of the Urals (in fertility, natural population growth and the volume of rural migration).

Ключевые слова: федеральные округа РФ; численность и доля сельского населения; рождаемость; смертность населения; естественный прирост (убыль); миграционный отток.

Key words: federal districts of the Russian Federation, the number and share of rural population, fertility, mortality, natural increase (decrease), migration outflow.

E-mail: Verb-olga@yandex.ru

З а время деструктивных рыночных реформ (1990-х гг.) производство аграрной продукции в России сократилось почти наполовину; на селе широко распространилась безработица, бедность, стали недоступны медицинская помощь, образование, бытовые услуги и пр., и у людей исчезла уверенность в завтрашнем дне. К 2000 г. бедность охватывала уже 80% сельских жителей, и хотя впоследствии она снижалась, еще в 2006 г. держалась на уровне 60–66%, т.е. была намного выше, чем в городах. Основной причиной сельской бедности выступал низкий уровень доходов от сельского хозяйства, вследствие чего среднемесячная зарплата жителей села в 2000 г. едва достигала 43%, а в 2011 г. – 53,3% от общероссийского уровня. В целом по России за чертой бедности пребывало свыше половины сельских жителей [9, с.234; 3, с.15].

Разрушение колхозно-совхозного строя и устоявшегося уклада жизни, тяжелые материальные лишения, отсутствие надежд на позитивные перемены – все это сопровождалось серьезными потерями в сельском населении, в том числе и морально-нравственного порядка. В 1990-е гг. на фоне массовой безработицы и бедности многие сельские жители искали утешение в чрезмерном потреблении спиртного, что лишь усиливало общий психологический дискомфорт в деревне. Совокупность негативных факторов в сочетании с ухудшившимся качеством питания, недоступностью врачебной помощи отрицательно отзывалась на здоровье и демографическом потенциале жителей села.

В 2000 г. территория Российской Федерации была разделена на несколько федеральных округов (Центральный, Северо-Западный, Южный, Приволжский, Уральский, Сибирский и Дальневосточный). Впоследствии они стали выполнять и функции основных административно-территориальных единиц России [10]. Общая плотность заселения сельской местности субъектов РФ зависит не только от численности их населения, но и природно-климатических факторов, которые во многом определяют эффективность аграрного производства. В 2002 г. наиболее плотно заселена была сельская местность Южного ФО (9740 тыс. чел.), Приволжского ФО (9327 тыс. чел.) и Центрального ФО (7892 тыс. чел.); средние характеристики – у Сибири (5759 тыс.); менее всего заселенными были сельские территории Северо-Западного (2557 тыс.), Уральского (2447 тыс.) и Дальневосточного ФО (1675 тыс.) [4, с.10]. Иными словами, для Урала, исторически сформировавшегося как преимущественно горнозаводской, индустриальный регион, характерной была сравнительно невысокая численность сельского населения. И если в среднем по РФ до-

ля горожан в 2002–2010 гг. составляла 73,3–73,7%, а сельского – 26,7% – 26,3%, то на Урале – 80% и около 20% соответственно. За 2005–2008 гг. удельный вес горожан на Урале еще понизился до 79,5% [4, с. 10; 2, с. 9].

В нашем исследовании предметом особого внимания является именно Урал, что предопределено юбилейной для него датой: в 2023 г. исполнилось 300 лет основанию его столицы города Екатеринбурга. В связи с этим ставится *задача* – определить место этого региона в развитии демографических процессов в российском селе вообще; выявить общие черты, объединяющие характер их развития на Урале с другими субъектами РФ, и отразить специфику демографического развития Уральского региона. Основным *источником* сведений послужила статистика (Всероссийские переписи населения 2002 и 2010 гг., данные официальных статистических сборников и ведомственная статистика – ежегодных мониторингов социально-трудовой сферы села, проводившихся специалистами Российской академии сельскохозяйственных наук и Министерства сельского хозяйства РФ [2; 4; 6; 7; 8; 9]).

Известно, что количественная динамика населения является важнейшим показателем, характеризующим его общее состояние. Россия по занимаемой территории – самое крупное государство в мире, однако по численности постоянного населения в 2010 г. она находилась лишь на восьмом месте. При этом, начиная с 1930-х гг., самой устойчивой чертой количественной динамики сельского населения как России в целом, так и ее территориальных субъектов, становится тенденция непрерывного сокращения. Продолжение ее действия на современном этапе подтвердили и новейшие переписи населения (2002 и 2010 гг.): менее чем за эти 10 лет сельское население России уменьшилось с 38,7 млн до 37,6 млн человек (с 27% до 26,1%), т.е. потеряло еще 1,1 млн человек (3,1%) [4, с. 10; 2, с. 27]. Отметим, что в других федеральных округах России эта убыль

Всероссийская перепись населения 2010 г. Памятная монета (Банк России; серебро, номинал «3 рубля»)

была и побольше: например, в Северо-Западном ФО (минус 12,5%), Центральном и Сибирском ФО (по 10%); а в Приволжском ФО практически совпадала с общероссийской (минус 3%) [7, с. 10].

Количественные изменения в сельском населении России отнюдь не всегда имели лишь негативный характер: счастливым исключением служит, например, ситуация в Южном ФО, где естественной убыли в сельском населении практически не отмечалось, а стабильность численности (на 99,6%) ему обеспечивала высокая рождаемость. Максимально высокий прирост населения наблюдался в селах Северо-Кавказского региона (+10% – за 2002–2010 гг.), причем, не в последнюю очередь за счет административно-территориальных преобразований, позитивно отражавшихся на итоговой численности жителей села, полностью восполнившей количественную убыль от миграции из села [6, с. 234].

Общая численность сельского населения во многом определяется его естественной убылью, которая формирует неблагоприятную демографическую ситуацию вследствие превышения уровня смертности над рождаемостью, т.е. когда населения умирало больше, чем рождалось. Но в 2000-е гг. общий масштаб естественной убыли сельского населения по России уже был в 3,5 раза меньше потерь от миграции. Сохранявшаяся безработица на селе, особенно среди молодежи, крайне незначительные доходы, получаемые от сельскохозяйственных занятий и, как следствие, всеобщая бедность, вынуждали многих дееспособных жителей села мигрировать в город в поисках лучшей жизни. Правда, в некоторых субъектах РФ потери от миграции и естественной убыли сельского населения иногда частично восполнялись, например, в результате административного преобразования мелких поселков городского типа в сельские поселения. Однако сколько-нибудь серьезной прибавки к количеству сельского населения эта мера, как правило, не обеспечивала. Например, в 2010 г. за счет изменения административно-территориального деления количество сельского населения в России пополнилось всего на 62,6 тыс. человек [8, с. 13].

В сравнительно небольшом объеме аналогичные процессы имели место и на Урале, хотя, безусловно, их общий масштаб был несопоставим с Южным ФО, где сельское население с 2000 по 2007 гг. увеличилось на 200 тыс. человек (с 9,6 млн до 9,8 млн чел.), в то время как на Урале – всего на 63 тыс. (с 2447 тыс. чел. до 2510 тыс.) [6, с. 10]. С середины нулевых годов XXI в. в общем приросте сельского населения решающее значение приобрел экономический фактор: поскольку изменилась аграрная политика, постепенно увеличивались объемы производства сельско-

хозяйственной продукции и за счет этого росли доходы аграриев, особенно тех, кто работал в растениеводстве и птицеводстве.

Улучшилась и общая демографическая ситуация на селе: в России с 2000 г. начала постепенно расти рождаемость, а в 2007–2008 гг. отмечался ее настоящий всплеск, обусловленный, в том числе, и активной государственной помощью семьям с детьми (увеличились размеры материальной помощи, выплаты единовременных пособий при рождении ребенка и ежемесячные пособия на детей до 1,5 лет и др.). Уже к 2010 г. уровень рождаемости в сельском населении России вырос на 40% и даже на 15–17% превысил ее показатели в городе. Параллельно в большинстве регионов снижался уровень смертности, что тоже позитивно отразилось на общем демографическом развитии села. В частности, в сельском населении Урала, благодаря такому повороту событий, развивалась уже не естественная убыль, а естественный прирост, пусть и небольшой – общим объемом в 1,2 тыс. человек. Правда, это не могло оказать серьезного влияния на повышение численности сельского населения региона, поскольку еще имелись довольно ощутимые демографические потери от миграции. Однако сам факт появления естественного прироста в сельском населении выгодно отличал общий ход демографических процессов в селах Урала от других территориальных субъектов России, где население в сельской местности продолжало численно убывать (в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Сибирском и Дальневосточном ФО) [9, с.25, 27; 8, с. 10].

Анализ данных о естественном приросте (убыли) сельского населения непосредственно по территории Урала показывает неоднозначность этого процесса. Например, Оренбургскую и Челябинскую области специалисты по итогам демографического развития в 2010 г. отнесли к территориям с *уверенным естественным приростом* сельского населения. В то же время Свердловская область из-за существенного превышения уровня смертности над рождаемостью (почти вдвое) была признана областью с *высокой естественной убылью сельского населения* [7, с. 15, 28].

Весьма характерно, что в это же время ежегодно проводившиеся мониторинги социально-трудовой сферы села зафиксировали на Урале и вполне ощутимое снижение миграционного оттока в город. Так, в 2010 г., по сравнению с предыдущим годом, из сел региона вышло в 4,6 раза, а против 2008 г. – в 4,7 раза меньше селян [8, с. 13]. Этот факт также следует оценивать в общем контексте перемен, происходивших в аграрном секторе России: по мере его экономического возрождения в 2000-е гг. начинало улучшаться материальное положение жителей села.

Кроме того, следует помнить, что в городах тоже была своя безработица, которая серьезно усложняла шансы сельских мигрантов на трудоустройство, и это часто удерживало их от переезда в город.

Таким образом, имеющаяся статистика отразила в целом далеко не худшую демографическую ситуацию в селах Уральского региона в конце первого 10-летия XXI в. В отличие от других территориальных субъектов РФ, в сельском населении Урала после острокризисного периода 1990-х гг. уже уверенно пробивали себе дорогу здоровые тенденции: повышался уровень рождаемости, что на фоне происходившего снижения смертности означало уже определенное сокращение демографических потерь.

Библиографический список

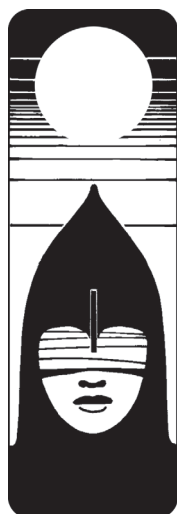
1. Всероссийская перепись населения 2010 г.: предварительные итоги. Стат. сб. М.: ИИЦ «Статистика России», 2011. 294 с.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В 11 т. Т.11. Сводные итоги. Официальное издание. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. 579 с.
3. Реформы в России в 2000-е гг.: от законодательства к практикам. М.: Изд. дом ВШЭ. 288 с.
4. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. Т. 14 (Сводный). М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. 494 с.
5. Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М.: Госкомстат РФ, 2000. 414 с.
6. Российский статистический ежегодник. Стат. сб. М.: Госкомстат РФ, 2006. 806 с.
7. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2008 г. Вып. 9. М.: ВНИИЭСХ, 2008. 218 с.
8. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2010 г. Вып. 12. М.: ФГБНУ «Росинформ-агротех», 2011. 263 с.
9. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2012 г. Вып. 14. М.: ФГБНУ «Росинформ-агротех», 2013. 264 с.
10. Kommersant.ru; Council.gov.ru.

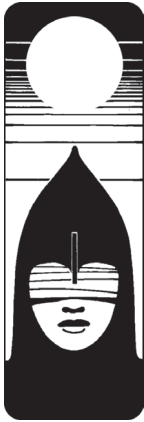
Нация – произведение
человеческого искусства
и времени.

Бенджамин Дизраэли

Величие нации должно
уместиться в каждом ее
представителе.

Станислав Ежи Лец

Владимир Лапин

КАК СЛУЖИТЬ ИНОРОДЦАМ?

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ О НАРОДАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ. XIX–НАЧАЛО XX ВВ.*

УДК

94(47).084.8

В Российской империи отказ от официального признания национальной (этнической) принадлежности подданных был одним из столпов национальной и религиозной политики (в документах указывалось вероисповедание). Во второй половине XIX века в условиях перехода к всеобщей воинской повинности призывной контингент расширился за счет нерусского населения, в связи с чем возник вопрос о его пригодности для службы в вооруженных силах. В рамках обсуждения этого вопроса состоялось фактическое признание «многонациональности» страны в трудах офицеров Генерального штаба и в специальных межведомственных комитетах.

In the Russian Empire, refusal to officially recognize the national (ethnic) identity of subjects was one of the pillars of national and religious policy (religion was indicated in documents). In the second half of the 19th century, in the context of the transition to all-class conscription, the conscription contingent expanded to include the non-Russian population, which raised the question of its suitability for service in the armed forces. As part of the discussion of this issue, there was actual recognition of the country's "multinationality" in the works of General Staff officers and in special interdepartmental committees.

Ключевые слова: Российская империя; армия; инородцы; призыв.

Key words: Russian empire; army; foreigners; military conscription

E-mail: lapin.ww@yandex.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-00325 «Российская армия XVIII – начала XX вв. как социокультурный феномен», <https://rscf.ru/project/23-28-00325>

Империя – синоним политической, военной и экономической мощи, а имперское мышление – комплекс представлений о сохранении, преумножении этой мощи и о получении дивидендов от таковой.

Даже на фоне стремительного прогресса боевой техники важнейшим показателем военного потенциала является численность войск, зависящая в первую очередь от людских ресурсов и от способности государства их эффективно использовать с помощью разных форм воинской повинности. Таковая в России до 1874 г. была построена по сословному принципу: дворяне формировали офицерский корпус, податное население поставляло рекрут для пополнения рядового состава. Военная служба играла роль социального лифта: для простолюдина получение классного офицерского чина означало переход в «благородное сословие». На присоединяемых в XVI–XIX вв. территориях тем нерусским обитателям, которые оказывались включенными в податные сословия (часть татар и финно-угров Поволжья, карелы, коми) «брили лбы» наравне с псковичами, ярославцами и тамбовцами. Не уравненные в правах с крестьянами башкиры, калмыки, буряты, крымские татары, народы Кавказа и пр. формировали иррегулярные части, большинство которых по специальным указам собиралось в военное и распускалось в мирное время. Для минимизации побегов новобранцев и во избежание массовых волнений, рекрутчина на окраинах империи вводилась постепенно или от нее отказались вовсе. Поэтому до последней трети XIX века российская армия являлась действительно русской: подавляющее большинство нижних чинов были великороссами, малороссами и белорусами, что исключало возникновение при комплектовании регулярных частей существенных проблем, связанных с этнической неоднородностью населения. Небольшое число инородцев (к тому же давно являвшихся подданными русского царя) за длительный и фактически пожизненный срок службы без видимых проблем «переваривалось» русскими армейскими коллективами.

Ситуация коренным образом изменилась при создании массовой армии на основе закона от 1 (13) января 1874 года, который разрывал связь между сословной принадлежностью и обязанностью служить. В связи с этим «нерусскость» как социальный, сословный признак перестала извлекать от солдатчины. Правительству пришлось вырабатывать правила постановки под ружье миллионов подданных, ранее не просто освобожденных от обязательной военной службы, но даже не представлявших о возможности такого события в своей жизни.

Как пополнить русскую армию нерусскими?

Отказ властей от официального признания национальной (этнической) принадлежности подданных был одним из столпов национальной

и религиозной политики [23, с.38]. Однако, как это нередко случалось, острые государственные потребности брали верх над принципами. Повышение численности армии за счет расширения призывного контингента – предмет осязаемый, доступный измерению и потому превозмогающий умозрительные конструкции.

К тому же внимание к инородцам как призывному контингенту в последней трети XIX столетия совпало с осознанием властями множества проблем, связанных с многонациональным, поликонфессиональным населением огромной страны. До рубежа XIX–XX столетий административных и финансовых ресурсов империи не хватало, чтобы использовать даже призывной контингент т. н. «коренных губерний», из-за чего шинель надевали только на каждого четвертого, годного для службы. Остальные, «не вытянувшие жребий», сразу зачислялись в ополчение с крайне низким уровнем военной подготовки, что лишало смысла поголовный призыв, и от него освободили мусульман Кавказа и Средней Азии, коренное население Сибири. Кроме того, особые правила службы были разработаны для Финляндии и Закавказья. По мере увеличения возможности обучать военному делу в рамках срочной военной службы всех годных в солдаты, началась разработка закона, расширявшего призывной контингент, но решение не было принято даже после того, как в 1915 г. вопрос о пополнении армии стал остроактуальным.

Для выработки стратегии введения фактически всеобщей воинской повинности требовалось выяснить способность и готовность различных народов встать под имперские знамена. Ранее правительство интересовало только фискальные и административные вопросы: какими налогами эти народы обложить и как ими управлять для предотвращения волнений. Закон 1874 г. делал подданного винтиком государственного механизма, что коренным образом изменяло отношение власти к подданным, «свойства» которых приобрели государственное значение. Взгляд «через военную призму» предусматривал рассмотрение по следующим параметрам: физические кондиции, культурное развитие, склонность к военной службе, лояльность. Бросающееся в глаза разнообразие нерусских новобранцев в сочетании с неоднородностью службы в отдельных родах и видах вооруженных сил поставило вопрос об их распределении по таковым.

Казачи-буряты Забайкальского войска. 1913 г.

Особенность военной субкультуры – соперничество между родами войск и даже отдельными частями. «Гвардия смотрела свысока на армию; кавалерия – на другие роды оружия; полевая артиллерия косилась на кавалерию и конную артиллерию и снисходила к пехоте; конная артиллерия сторонилась полевой и жалась к кавалерии; наконец, пехота глядела исподлобья на всех прочих и считала себя обойденной вниманием и власти и общества», – писал А.И. Деникин [14, с.27–28]. Разница в требованиях к физическим, психологическим и умственным кондициям солдат отразилась в незатейливой прибаутке: «умный – в артиллерию, щеголь – в кавалерию,

пьяница – для флота, а дурак – в пехоту». Для гренадеров и кирасир, составлявших ударные части, масса тела (и зависящая от того физическая сила), имела особое значение. Егерям и гусарам, действовавшим в рассыпном строю, рост был неважен, а ловкость приветствовалась. Стрелкам для точного прицеливания в горячке боя действительно требовалось хладнокровие, а канонирам для наведения орудия – элементарная грамотность. От обозных, а также от солдат и офицеров гарнизонных батальонов никто не ждал боевых подвигов, и потому в составе тыловых частей «оседали» армейские аутсайдеры. Щегольство коррелируется с таким качеством как инициативность, что важно для всадника в связи с динамичностью конных стычек. В XIX столетии у кавалеристов ценилась «развязность», под которой понималось не публичное хамство, а отсутствие скованности в движениях. Для будущего сапера большим плюсом была мастеровитость, для матросов – навыки мореходства. Пьянство не отделялось от «молодчества», и в этом контексте вышеприведенная прибаутка была комплиментом для моряков. Существовала официальная и неофициальная шкала престижности службы (гвардия, гренадерский корпус, гарнизонные войска, обоз, кавалерия, артиллерия, пехота, флот).

Российский воин должен быть грозен, но при этом прекрасен, поскольку он по определению являлся представителем сил света, борющихся с силами тьмы, вызывающими отвращение уже своим внешним видом. Эстетизация военного дела (красивая униформа, впечатляющие церемонии и пр.) как средство повышения социального статуса военнослужащих также увеличивали значимость приятного лица и хорошего сложения. Человек в мундире был ликом власти, из-за чего благообразие считалось важным свойством. Поскольку гвардия являлась фасадной стороной вооруженных сил, в нее отбирались не только рослые, но и «пригожие». Внимание к внешности тех, кто должен служить в столичном гарнизоне, нашло отражение даже в художественной литературе. Григория Мелехова из «Тихого Дона» не записали в лейб-гвардии Атаманский полк из-за его «бандитской рожи», которая могла шокировать царя на высочайшем смотре [24]. Самый авторитетный военный этнограф полковник генерального штаба А. Ф. Ритгих именно из-за приятной внешности считал караимов и молдаван (румын) пригодными в службе в гвардии, причем последних – в самых элитных частях (кавалергарды, конногвардейцы, кирасиры). Представителей тех же национальностей, которые не вышли ростом и лицом, следовало отправлять в линейную пехоту [17, с. 34–35, 180]. Неизбежная градация призывников по их качествам в сочетании с представлениями об особенностях службы в различных родах войск не могла не породить «рекомендации» о пригодности представителей различных этносов для артиллерии, тяжелой или легкой кавалерии и т. д. Налицо была попытка распространить свойства индивидуумов на целые этнические группы и определить наиболее подходящие для них места военной службы.

Ни в официальных документах, ни в источниках личного происхождения нет определенности в критериях телесного здоровья, поскольку измерения роста, веса и объема груди, которые проводили медицинские комиссии, вовсе не давали гарантий того, что человек выдержит тяготы боев и походов. В характеристиках населения используются неясные определения физических кондиций: «крепкий», «высокорослый», «рослый», «среднего роста», «слабогрудый» и т. д. Еще более неясно, как авторы «военно-этнографических» текстов определяли умственные способности («сметливость»), поскольку никаких тестов не было и в помине.

Такой же неопределенностью страдали и описания нравов, от которых зависели адаптационные способности новобранцев. Они оказывались в тисках жесткой дисциплины, терпели давление со стороны старослужащих солдат, были вынуждены беспрекословно выполнять действия,

смысла которых не понимали. Иностранцы за редким исключением плохо говорили по-русски, что усугубляло их положение. Указания на особенности «народного характера» являются обязательным пунктом в текстах о свойствах потенциальных призывников, поскольку «упрямство», «злопамятность», «сварливость», «грубость», «лень» предрекали конфликты во время службы. Пьянство являлось в армии и флоте одним из важнейших причин нарушения дисциплины и даже совершения преступлений. Поэтому авторы статистических описаний отмечали ситуацию с потреблением горячительных напитков.

Физические, умственные и нравственные свойства (рост, внешность, интеллект, особенности характера, обучаемость и т. д.) были первым из трех критериев при определении пригодности народов к военной службе. Второй критерий – «культурное развитие» отличался наибольшей неопределенностью, поскольку культурность измерялась расстоянием между образом идеального солдата и образом иностранца-призывника. Первый из таких можно реконструировать по нормативным актам военного ведомства и «воспитательной» литературе для нижних чинов, второй – по текстам «военных этнографов». Культурное развитие связывалось с грамотностью, которая оценивалась без приведения каких-либо цифр, а также с переходом к оседлости от кочевого образа жизни. Далее следовала лояльность («надежность»), под которой понималась верность присяге, несмотря на религиозные, националистические или политические лозунги врагов империи.

Для всех составителей официальных бумаг аксиоматичным было признание русских идеальным призывным контингентом. В журнале заседания комитета по разработке положения о воинской повинности от 27 и 30 апреля 1871 г. записано: «...русский народ не имеет особенной склонности к воинственности, хотя с другой стороны, он, несомненно, обладает многими несравненно более важными для военной службы достоинствами» [2, оп.16, 1874 г., д. 1, ч.1, л. 99]. А вот в источниках неофициального характера без особого труда можно найти сомнения в том. Мемуаристы отмечали, что во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. пехотные и казачьи части, укомплектованные в основном русскими резервистами, оказались очень далеки от идеала [6, с.242; 12, с. 193–195].

Русская деревня – основной источник пополнения, была демилитаризованной средой: простолудинам запрещалось носить холодное оружие, они не имели навыков военной самоорганизации, боевые заслуги не делали человека лидером на селе. В этнографическом сборнике М. Забыли-

на «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» военный элемент едва проглядывает [18, с. 297–302, 343–348, 510–511]. Генерал Р. А. Фадеев писал, что если европейский новобранец берет в руки ружье как вещь знакомую, то русский рекрут боится своего мушкета. Крестьяне для добычи дичи пользовались в основном разного рода ловушками. Фольклор отчетливо рисует солдата как «чужого» для крестьянского общества. Солдатчина вносила раскол в крестьянские семьи, большинство сельских хулиганов являлись отставниками [7, с. 25–26].

Практика учета «природных свойств» новобранцев существовала в вооруженных силах России задолго до реформы 1874 года, но не носила массового и систематического характера. В 1797 году с подачи сенатского чиновника, инспектировавшего Вологодскую губернию и потрясенного меткостью стрельбы местных охотников, Павел I повелел зырян-новобранцев отправлять в стрелковые батальоны [4, оп.1, д. 159, л. 1–7]. Мнение об особой пригодности финляндцев к службе во флоте нашло свое отражение в манифесте от 1 октября 1809 года «О заключении мира между Россией и Швецией», где было сказано, что с включением земель, населенных рыбаками и мореходами «...воинское наше морское ополчение приобретает новые силы» [16, с. 1187]. Это в целом соответствовало действительности. Адмирал Д. И. Кузнецов писал в своих мемуарах, что во время плавания русской эскадры в 1846 году Северное море сделалось «кладбищем русских экипажей», тогда как в командах кораблей «Лейпциг» и «Мельпомена», укомплектованных финнами, не было ни одного цинготного [15, с. 36].

Наши лучше всех?

В 1840–1850-е гг. выходило многолетнее «Военно-статистическое обозрение Российской империи», составленное офицерами Генерального штаба по стандартной схеме, предусматривавшей среди прочего характеристику населения обозреваемого региона («Племена, нравы и очерки быта», «образованность религиозная и умственная»). Авторы этих сочинений не обошли своим вниманием внешний вид, обычаи, занятия, обряды, семейные отношения, благосостояние. При этом не удалось обнаружить даже намека на рассмотрение жителей как призывного контингента, но не потребовалось усилий, чтобы заметить, что русские выглядят в этих книгах более привлекательными, чем нерусские. В 1870-е гг. началось издание аналогичных справочных изданий по отдельным военным округам, в которых характеристики населения

явно имеют утилитарное значение. Облик, культурный уровень, нравы и обычаи рассматриваются как свойства потенциальных призывников, при этом русские и в этих изданиях выглядят весьма привлекательно. «Великороссияне, обитающие в пределах округа, отличаются высоким ростом и крепким телосложением; они весьма трудолюбивы, сметливы, подвижны и общительны... Великороссияне честны, трудолюбивы и гостеприимны», – пишет автор описания Одесского военного округа [11, с.235, 239]. Нагруженные всеми возможными достоинствами русские считались офицерами генерального штаба пригодными для любого вида и рода войск.

Поскольку, по мнению Риттиха, «нет на свете человека более сметливого», чем русский, именно они должны составлять пополнение технических войск. Вообще великороссов Риттих наделяет «духом отваги, предприятия, осмысленности и врожденной народной способности» [17, с. 7]. Русский народ в глазах Риттиха это даже не здоровые нравственно и телесно русские крестьяне, а некие идеальные образы «народа-богатыря», лидирующего в номинации «смекалка» среди подданных царя. При этом из такого круга выпадают так называемые фабричные, т.е. население центрального промышленного района, которое массово исключается из числа призывников из-за плохого физического развития и хронических болезней. Прошедшие же медицинскую комиссию «стоят очень низко в нравственном смысле, и потому в рядах армии они будут служить дурным примером для всех еще не испорченных». К тому же за время службы призванные пролетарии утратят свои трудовые навыки, что неблагоприятно скажется на экономике. Поэтому Риттих предлагал направлять этих людей на военные предприятия, которые получают квалифицированную рабочую силу, а войска уберутся от разлагающего их элемента [17, с. 85].

У всех прочих народов обнаруживались особенности, ставившие под сомнение или даже отрицавшие их универсальность как солдат. Низкорослых, но крепких и подвижных татар предлагалось направлять в кавалерию, а крепких, трудолюбивых, настойчивых, сметливых, честных, но очень медлительных немцев – в инженерные войска и артиллерию. Молдаван тоже можно было направлять в кавалерию, но поскольку «умственные способности их довольно слабы, и они весьма мало развиты», они «мало способны для одиночных поручений». Малороссам не отказывалось в умении обращаться с лошадьми, но их не считали пригодными для службы в дозорах (важнейшая функция конницы!),

поскольку они «неповоротливы, медлительны и ненаходчивы». Евреи годились только для службы вне строя [11, с.242].

Для этих трудов офицеров генерального штаба характерно нарастающее смещение «природных» свойств народов (нравы, физические кондиции, уровень образования, склонность к военному делу) с их лояльностью (вероятность измены), умозрительной способностью стать солдатом (обучаемость) и степенью обрусения, которая зачастую называется «культурностью». Так неблагоприятными стратегическими факторами ряда округов называлось преобладание в них населения, в надежности которого правительство сомневалось (поляки и евреи на западе, мусульмане – на юге и востоке).

Кроме разделов в вышеуказанных справочниках, появлялись и специальные работы о пригодности народов России к военной службе. Среди них особого внимания заслуживает книга полковника генерального штаба Александра Федоровича Риттиха (1831–1915) «Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения европейской России», опубликованная в 1875 году. Этот офицер, тесно связанный с Русским географическим обществом, был составителем «Этнографической карты Европейской России», «Атласа народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям», автора нескольких книг и десятков статей по вопросам политики, военного дела, истории и этнографии.

Арийскую «ветвь» полковник считает «лучшей и наиспособнейшей в мире», а то, что к ней принадлежит 88% населения Европейской части России, – залогом успешного «...привития к ней требований военного дела западных армий». Туранскую ветвь, наоборот, он видел «...наименее способной к несению военной службы со стороны нравственной и умственной, по причине своих фанатических религиозных убеждений». Семитическую ветвь полковник Риттих считал «весьма способной», но «...отчужденной от русского народа собственными религиозными учреждениями и особенным влечением к торговле и денежному оборотам». Урало-алтайскую ветвь автор назвал «хорошим союзником и верным слугой царю и отечеству» [17, с.5–6]. Риттих был убежден, что из принадлежности к определенной народности «...почерпается первое понятие о том, что можно ожидать, в общих чертах, от того или другого индивидуума» [17, с.108]. С его точки зрения следовало стремиться к тому, чтобы «различные наречия... вносили бы в разные роды оружия не национальные оттенки, а лишь только военные качества разных национальностей» [17, с.73]. Так думали многие. Известный публицист В.Л.Величко писал: «Каждый народ обладает умственным организмом, столь же устойчивым, как его анатомические черты» [9, с.63].

Литовец, по мнению Риттиха, был чисто плотен, «миролюбив, добр, честен, непостоянен и шаток, весел, любит музыку, пение, веселье» и потому заслуживал службы в драгунах. «Некоторая часть» латышей пригодна для службы в конной артиллерии («по большому») развитию. Остальным был путь только в армейскую пехоту [17, с. 19]. Образованные, дисциплинированные и владеющие различными ремеслами немцы были востребованы в хозяйственных структурах и военной администрации. Многочисленных немцев-менонитов, которые не могли брать в руки оружие, он определял в санитарные структуры, в подразделения связи, железнодорожные войска [17, с. 21–29]. Поскольку среди румын (молдаван. – *В.Л.*) было немало людей «рослых и видных», они могли пополнять гвардию (кирасирские полки), где, как уже говорилось, в столичном гарнизоне внешность солдата имела особое значение. Правда, автор в этой же книге отмечал, что они «не способны к умственному труду, уклоняясь и от физического», и потому предлагал направлять румын служить в армейскую пехоту. Но данная нестыковка – не единственный случай явных противоречий не только у авторов книг, но и у составителей официальных документов.

Эстонцы, по мнению Риттиха, наделены всеми положительными качествами при полном отсутствии качеств отрицательных. Рыбаков (жителей побережья) резонно было отдавать в матросы, высокорослых – в гвардию и гренадеры. Кроме того, «...судя по характеру, занятиям, прилежанию, терпению, здоровью, телосложению, зрению и слуху, эсты более всего будут пригодны в саперах и минерах». Мордвины «...трудолюбивы, гостеприимны, очень честны и высокой нравственности, добродушны, но угрюмы и вспыльчивы». Физическая крепость, навыки плотницкого дела делали их «особо пригодными» для службы в саперах. Жителей приволжских сел, по его мнению, вполне можно определять в матросы [17, с. 51]. Полковник Риттих, вероятно, слышал уже упоминавшуюся народную присказку о годности к военной службе, поскольку в его книге сказано: «Вообще равнодушие лугового черемиса (марийца. – *В.Л.*) к жизни и опасностям лесной и бродячей жизни, вечно угрюмый нрав, особенная привычка к лишениям в пище, теплоте, эта вечная трубка и *наклонность к горячим напиткам* (курсив наш. – *В.Л.*) суть задатки для жизни моряка...» Все эти качества, по его мнению, делают черемисов годными к службе во флоте [17, с. 220].

Несмотря на сильный антисемитизм, существовавший в армии, Риттих воздерживается от негативных высказываний в адрес евреев, довольно деликатно объясняя их непригодность для кавалерии, стрелков

и в специальных войсках тем, что «этот народ неполитический и мало привязан к военной службе». Более того, он признает, что евреи – лучшие писари, ремесленники и музыканты, и потому очень полезны в вооруженных силах. Кроме того, «задача русской армии в отношении еврейского населения будет состоять в том, чтобы преобразовывать его посредством военной школы в русское население, которого последующее поколение уже будет хорошим контингентом для пополнения рядов русской армии» [17, с. 41].

Все военные не без оснований полагали, что превращение кочевника в драгуна – задача не менее тяжелая, чем обучение верховой езде коренного псковича, который до двадцати лет ездил исключительно на телеге. Дело в том, что «друзья степей» (калмыки, башкиры, буряты), поступая в армию, владели такими навыками верховой езды, которые годились для службы в иррегулярной кавалерии (посадка, управление конем, уход за ним и пр.). Переучивать их было трудно и бессмысленно. Количество полков регулярной кавалерии лимитировалось прежде всего высокой стоимостью их содержания, а для их пополнения вполне хватало русских контингентов. Кроме того, казачество давало достаточное количество полевых частей для выполнения разведывательных, охранных и т. п. функций, тем более что боевая значимость кавалерии во второй половине XIX–начале XX вв. неуклонно падала.

Эти обстоятельства негативно сказались на оценках воинских качеств тех народов, образ которых было трудно отделить от образа всадника. Риттих писал: «Башкиры по характеру услужливы, беспечны и ленивы; телосложения весьма крепкого и здорового и отчаянные всадники; тем не менее во время военных действий они оказывались плохими солдатами». Он придерживался самого невысокого мнения о волжских татарах: «...обрядность омовения; потребность иметь несколько жен, которые с детьми, по поступлении мужа и отца на службу, будут предоставлены самим себе; продолжительные посты и молитвы в известное время, в особенности во время рамазана; употребление конского мяса и воздержность от свинины, вместе с отсутствием должного уважения во всему русскому и при постоянном желании избегнуть военной службы составит, по всей вероятности, немалое затруднение при решении вопроса пользоваться татарским контингентом с одинаковою выгодой для него самого и для русского войска» [17, с. 62–64]. Если их и брать в армию, то только в пехоту и некоторую часть – в легкую кавалерию. Крымские татары (кроме проживавших в степях полуостро-

ва) и польские татары, в отличие от их волжских собратьев, получили по своим физическим и нравственным качествам у Риттиха самые высокие оценки, вследствие чего рекомендованы в гвардию и легкую кавалерию [17, с. 64–66]. В артиллерию и в саперы по мнению Риттиха годились люди рослые, широкоплечие, ловкие, расторопные, «по возможности грамотные» и знающие плотницкое, кузнечное или слесарное мастерство. В случае высокого уровня ремесленной подготовки предлагалось даже понизить требования к физическим кондициям. Некоторые рассуждения военных этнографов можно смело относить к числу курьезов. Жители четырех малороссийских губерний (Харьковской, Полтавской, Киевской и Подольской), по их мнению, не могли стать хорошими кавалеристами, поскольку они использовали в хозяйстве в основном волов. Эти животные, известные своей неторопливостью и флегматичностью «вырабатывают в хозяине такую же медленность в движениях и характере» [17, с. 78]. Малороссы «как более тяжелый народ», уступающий русским в смекалке, выглядели малопригодными в артиллерии и инженерных частях. Авторы не смущало то обстоятельство, что по грамотности, столь важной для саперов и артиллеристов, русские призывники занимали только 6-е место, уступая немцам, латышам, полякам, эстонцам и евреям [17, с. 82].

В малопригодную для военной службы группу Риттих включил белорусов Полесья, «обиженных природой, с незавидным телосложением, с особой болезнью на волосах (колтун) при крайней неразвитости умственных способностей и замечательной угловатостью в приемах» [17, с. 164].

Риттих был самого отрицательного мнения в отношении казахов, которых тогда обычно именовали киргизами: «Полнейшее незнание русского языка, довольно дикая азиатская натура, потеря присутствия духа при первой неудаче, отсутствие всякого понятия о пересеченной местности – суть важные недостатки при столкновениях с европейскими армиями; при употреблении же их на азиатской границе такое войско нельзя признать вполне надежным...» [17, с. 222].

Как быть со стереотипами и фобиями?

Если попытаться по текстам «военно-этнографического» характера построить «шкалу пригодности» к военной службе по «природным свойствам», то среди аутсайдеров кроме казахов и кочевых народов Сибири числились евреи и армяне. В первом случае кроме государственно-

го и бытового антисемитизма заметную роль сыграло то обстоятельство, что для российского обывателя еврей был подданным, отсутствующим на государственной службе и вообще в мире вооруженных мужчин. Он считался пригодным для всех видов физического и умственно-го труда, но при этом совершенно непредставимым в мундире. Этим во многом объясняется, что примеры воинской доблести евреев отмечались особо, как нечто выходящее за рамки обычных понятий. В декабре 1914 г. полковник Н.А. Букретов с ничтожными силами несколько дней до подхода подкреплений удерживал станцию Саракамыш – ключевой пункт Кавказского фронта, отбивая наступление нескольких турецких дивизий. При упоминании об этом важном событии Первой Мировой войны редкий автор забывает упомянуть, что этот brave командир происходил из грузинских евреев.

В Российской империи имела место армянофобия [25; 9, с.51; 13, с.82], но в материалах, посвященных вопросу пригодности народов к военной службе, таковая практически не проявляется. Штабс-капитан Лаврентьев в описании Кутаисской губернии указывал, что армяне из-за своего корыстолюбия «...весьма походят на евреев и точно так же отличаются превосходными умственными качествами» [22, с.168]. Более того, автор обозрения Эриванской губернии капитан генерального штаба Услар прямо указал, что распространению армянофобии способствовала понятная неприязнь к субъектам, соревнующимся в аморальности. Он писал, что хулители армян «...видят торгашей и мелких чиновников, городскую сволочь, которая интернациональна и имеет общий вид». Армяне-крестьяне, по его мнению, «...строго соблюдают чистоту нравов, храбры и предприимчивы» [10, с. 146–147].

Составители документов, связанных с обсуждением новых правил воинской повинности в 1910–1915 гг., не изменили подходов к оценкам населения России с точки зрения пригодности службы в армии. К тому времени от призыва были освобождены только мусульмане Кавказа, Казахстана, Средней Азии и граждане Финляндии¹. По единодушному мнению военного ведомства и министерства внутренних дел военное обучение киргиз признавалось невозможным, несмотря на славу превосходных наездников.

Таджики и узбеки по своим культурным кондициям вполне устраивали военное ведомство, хотя они знали русский язык не лучше казахов. Но в солдаты они не годились по причине слабого здоровья и неспособ-

¹ Финские стрелковые батальоны, комплектовавшиеся в «Стране тысячи озер» с 1881 г. исключительно уроженцами края, в 1901 г. были распуцены по политическим мотивам.

ности служить где-либо за пределами Средней Азии из-за привязанности к жаркому и сухому климату. Использованию же их в Туркестане препятствовала политическая неблагонадежность.

Все «военные этнографы, кто писал о коренных жителях Сибири, отрицал возможность призыва "...бродячих инородцев крайнего Севера европейской и азиатской России... Эти инородцы вследствие своей дикости явились бы обузой для армии, так как установленного срока действительной военной службы было бы мало для их воинского обучения; ввиду этих обстоятельств, а также учитывая крайнюю трудность производства призыва названных инородцев к воинской повинности и из запаса при мобилизации, признавалось необходимым вовсе отказаться от введения у них натуральной воинской повинности"» [3, оп. 11, 1915, д. 840, л. 11–11 об.]. Из коренных народов Сибири были признаны годными к службе якуты. «В смысле обучения военному делу они не дадут больших хлопот, так как в общем довольно смышлены и обладают раздражательными способностями... Привыкшие к суровому климату, солдаты-якуты будут незаменимы в окарауливании водных путей и северного побережья Сибири, нуждающихся в охране» [3, оп.11, 1915, д. 840, л. 11–12]. Этот народ к тому же считался надежным, поскольку не имел за границей центров «политической агитации» и никогда не воевал с русскими. Последнее мнение чиновников отражает распространенное и ложное представление о том, что присоединение Сибири не сопровождалось вооруженным сопротивлением народов этого края.

Дунгане (китайцы-мусульмане) и таранчи (уйгуры), переселившиеся в Россию из Китая в количестве 38 тыс. душ м. п., были предупреждены еще в 1882 году о несении в будущем воинской повинности. Считалось, что они

Манси (вогулы). Фото начала XX века.

окажутся очень полезными в случае войны с Китаем благодаря знанию языка. В военном отношении, по мнению местного начальства, эти инородцы представляют «отличный материал» [3, оп.11, 1915, д. 840, л. 16].

В XIX – начале XX вв. несколько раз обсуждался вопрос о причислении калмыков к казачьим войскам, и в межведомственной переписке неоднократно давалась характеристика этим кочевникам. Причинами их бедности назывался «...отказ от земледелия, связанный с религиозными ограничениями», алкоголизм, «беспечность, леность и воровство». Поскольку они «утратили былую воинственность», то по малому умственному и физическому развитию совершенно непригодны для формирования отдельных воинских частей». С этим согласились военный министр А.Ф.Редигер и Николай II [1, оп.1, д. 172, л. 26–27; 3, оп.11, д. 904, л. 1–4]. Участник совещаний активист монархических организаций князь А.Г.Щербатов добавил, что зачисление инородцев в казаки произведет «неблагоприятное впечатление» в широких кругах «русского населения империи, издавна привыкшего смотреть на казачество как на воплощение национальной народной силы и оплот православной веры...» [3, оп.11, д. 904, л. 19]. Во время обсуждения вопроса о воинской повинности калмыков выяснилось, что таковой инициировался лицами, заинтересованными в получении казенных земель в Нижнем Поволжье [21, с. 184].

Все народы Северного Кавказа признавались прекрасными воинами. Особо выделялись кабардинцы: «храбрые по природе, привыкшие с детства бороться с опасностью, одарены хорошими умственными способностями, быстротой соображения и энергичным характером». При формировании иррегулярных частей они, «...будучи народом, чисто военным по духу и владея большим числом лошадей, давали отличную конницу. Кабардинцы постепенно утрачивают воинственность; но и теперь еще они представляют собой отличный военный материал, по духу и образу жизни близко подходя к казакам». Можно предположить, что это был превентивный ответ тем, кто выступал против военного обучения мусульман как потенциальных врагов. Далее следует откровенно политический пассаж: «...Зато пребывание их в строевых частях даст исход воинственной энергии горцев, разрушит многие из существующих предрассудков, создаст братство по оружию с русскими и сгладит неприязнь к ним; а все это неизбежно внесет разлад в ряды восставших, если бы таковые и оказались... Своевременность привлечения мусульман Кавказа к натуральной воинской повинности является несомненной и вполне отвечающей государственным интересам». При

этом предлагалось принимать во внимание различия в политическом и культурном облике народов этого региона и соответствующим образом адаптировать условия призыва. «Татары (азербайджанцы. – В.Л.) с давних пор привлекались к службам в милициях, в отдельных командах и сотнях и, храбрые по природе, были хорошими солдатами. Опыт этой службы, а также современное положение татар приводит к убеждению, что они, будучи привлечены к воинской повинности на общих основаниях, дадут вполне надежных солдат». Кроме того, они почти все – шииты, отличающиеся веротерпимостью и менее поддающиеся враждебной пропаганде.

Проживавшие в Закавказье турки и особенно курды признавались великолепными воинами, но те и другие требовали «...еще много лет культурного воздействия..., чтобы они прониклись чувством принадлежности к общей родине – России». В Дагестане «...русская гражданственность, промышленность и культура пустили уже свои корни в среде названных инородцев и трудно ожидать... не только обособления как политического целого, но даже общего восстания». Однако распределение новобранцев из этого края частям признавалось проблематичным, а комплектование мононациональных частей в принципе считали невозможным. Дагестанский конно-иррегулярный полк, исчислявший свою историю с 1852 года, пополнялся вербовкой по русским частям «далеко не лучшим элементом». Поскольку сотни располагались в своих же селениях, этот полк «... как школа, проводящая в местное инородческое население начала культуры, играл до сего времени слабую роль». Более того, национально однородный состав этой части не позволял использовать ее в полной мере как воспитательное учреждение для горцев, служащих в ней. Поэтому предлагалось вывести его из Дагестана в одну из южных губерний [3, оп. 11, 1915, д. 840, л. 19об.].

Терские казаки-кабардинцы

Как совмещать принципы с практикой?

Применение некоторых «принципов» приводило к неожиданным и курьезным результатам. Христианство и оседлость считались признаками лояльности, культурности, и, как следствие, большей пригодности к призыву в регулярную армию. В восточной Грузии на границе с Дагестаном проживает этническая группа грузин-ингилойцев, которые были насильственно исламизированы еще в Средние века. В середине XIX столетия, пользуясь покровительством российского правительства, они начали возвращаться в христианство. Однако то обстоятельство, что мусульмане взамен действительной службы платили налог, показалось ингилойцам веской причиной остановить этот процесс [3, оп.11, 1915, д. 840, л. 17]. Почти полмиллиона кочевников Ставропольской и Астраханской губернии (ногайцы, калмыки, туркмены) настороженно относились к агитации за переход к оседлости в значительной степени потому, что боялись солдатчины в случае такого «культурного рывка». Военное руководство об этом знало и выступало за то, чтобы и номады-инородцы и селяне-инородцы призывались по общим правилам [3, оп.11, 1915, д. 840, л. 16]. Схожая ситуация сложилась в Якутии: «Опасаясь привлечения к воинской повинности, якуты, даже фактически перешедшие к оседлому образу жизни, всеми силами стремятся сохранить хотя бы внешние признаки кочевого быта. Так, например, якуты, имеющие в городах дома и ведущие крупную торговлю, сохраняют в своих наслегах (волостях – *В.Л.*) юрты с десятком голов скота, чтобы этим оправдать свою принадлежность к кочевым инородцам». Курьезность ситуации подчеркивалась тем, что без всяких ограничений подлежала призыву та часть местного населения, которая считалась русским, но совершенно «обьякутела». В некоторых селениях 75% жителей, потомков переселенцев из европейской части страны, говорили между собой по-якутски, не знали русского языка и переняли образ жизни туземцев. Поскольку предполагалось, что инородцы «...побывав в течение нескольких лет на военной службе, явятся лучшими проводниками усвоенных привычек и знаний в среде своих сородичей», правительство надеялось вновь превратить русских в русских. При рассуждениях о пригодности коренных жителей Средней Азии, члены правительственных комиссий были единодушны в том, что следовало призывать их по одинаковым правилам вне зависимости от образа жизни, чтобы служба не стала препятствием для перехода к оседлости.

Главной же причиной освобождения «бродячих» инородцев Сибири объявили не их «дикость», язычество и кочевой образ жизни, а невозможность организовать сбор людей, проживающих по одной душе на тысячу квадратных верст [1, оп.1, д. 172, л. 26–27; 3, оп.11, д. 904, л. 17–18].

«Разнонаправленность» взглядов участников совещаний проявилась в многочисленных противоречиях при оценке отдельных народов как потенциальных призывников. Аджарцы и лазы (этнические группы грузин, принявшие ислам) считались «отличным военным материалом» (физически крепкие, храбрые, имеют навыки владения оружием). Поэтому предлагалось их брать в армию на общих основаниях, что приведет «...к окончательному закреплению аджарцев за нами путем культуры, которая привьется к ним в период военной службы». И на том же листе того же документа говорится об их поголовном выселении в Турцию в случае распространения на них воинской повинности, а тональность последнего заявления рождает подозрения, что эмиграция такого ненадежного населения считалась благом для российского Закавказья. Здесь же после слов о воинственности и крепком здоровье курдов предлагалось освободить их от призыва, поскольку на их преданность положиться нельзя: «Необходимо еще много лет культурного воздействия на курдов, чтобы они прониклись чувством принадлежности к общей родине – России» [3, оп.11, д. 904, л. 19].

Имперский нарратив о воинских качествах народов наполнен и другими противоречиями. Новобранцы из регионов, где ружейная охота являлась важным промыслом или даже основным занятием, в совершенстве владели навыками, о которых даже не подозревали жители хлебобродных губерний. Поэтому этих прирожденных снайперов прочили в стрелки, противопоставляя военную практику и требования к «культурности» призывника. В эпоху господства гладкоствольного оружия было просто отправить «пулю-дуру» в нужную точку, отчего в передовые цепи выдвигали т. н. «застрельщиков», наиболее инициативных, ловких и метких солдат. Их высокие качества привели к тому, что этот термин во второй половине XIX в. вышел за пределы военного лексикона и стал синонимом «лидера». Когда отдельные подразделения (стрелковые взводы и роты) российской армии стали вооружать винтовками (т. н. «штуцерами»), дорогими и требовавшими бережного обращения, эти импортные изделия доверяли лучшим солдатам. Даже когда нарезное оружие перестало быть диковинкой, и начали создаваться целые стрелковые батальоны, а затем и полки, эти формирования долго считались элитными

[8]. Получалось, что самые «некультурные» инородцы, легко попадавшие зверю пулей в глаз, оказывались лучшими кандидатами в ряды отборной российской пехоты. «Военные этнографы» это противоречие или не замечали или не желали замечать. Тот же Риттих прочил в стрелки остяков, вогулов и вотяков (ханты, манси и удмурты), а также других инородцев, не смущаясь их поголовной неграмотностью и слабым здоровьем [17, с. 79, 239–241].

Никто из гражданских и военных чиновников не отвергал лозунг «армия—школа нации» как таковой, но одни считали, что его надо проводить в жизнь, несмотря на все препоны, а другие считали ряд народов империи неготовыми для поступления в эту школу. Эти две группы можно условно назвать «теоретиками» и «практиками», причем в первой преобладали чиновники центральных ведомств, а во второй — служащие в местных учреждениях. Последние в полной мере представляли неизбежные трудности в практике учета нерусских призывников и резервистов, их медицинского освидетельствования, призыва и демобилизации. Соответственно в Петербурге более благостно взирали на культурный уровень и другие свойства населения имперских окраин.

Самым рьяным противником немедленной и полной унификации правил службы было Министерство Внутренних Дел, заострявшее внимание на том, что приобщение мусульман в массовом числе к навыкам владения оружием, приобретение ими опыта военной организации, воспитание в их среде командиров при возникновении волнений может привести к самым тяжелым последствиям. Однако при редактировании материалов, передаваемых на рассмотрение в Государственную Думу, мнения генерал-губернаторов и наместника Кавказа были «подчищены» в интересах военного ведомства. Тогда МВД в лице заместителя министра С. П. Белецкого отчаянно сопротивлялось и добилось отсрочки принятия нового закона. Главными аргументами были уверения в плохих физических кондициях народов Казахстана и Средней Азии, в том, что «...им чуждо понятие о России как об отечестве, которое долг их защищать». Главным же препятствием называлась высокая опасность восстаний не только при введении воинской повинности, но даже при подготовке к таковой, которая неизбежно займет много времени, поскольку потребуются провести огромную работу по составлению призывной документации [3, оп.11, 1915, д. 840, л. 1–3 об.].

Насколько пригоден английский и австрийский опыт?

Вопрос о пригодности народов к военной службе был актуален и для Британской империи.

В 1903 г. в Ташкенте вышла книга, посвященная войскам, формировавшимся англичанами из населения своих азиатских колоний [20]. В ней нет прямых указаний на источники, которыми пользовался автор, но нет сомнений, что в его распоряжении имелись материалы, собранные российской разведкой в ходе геополитического противостояния Лондона и Петербурга, получившего название «Большая игра» [19]. Чтобы держать под контролем огромную, удаленную от метрополии территорию с многомиллионным населением, британцы уже в середине XVIII столетия начали формировать т. н. туземные войска, которые через полвека в пять раз превышали по численности полки, укомплектованные европейцами (82 тыс. и 16 тыс. человек), а затем неуклонно увеличивались. В течение XIX века туземные части, различавшиеся по способу комплектования, уровню обучения, характеру службы и управлению, неоднократно оборачивали свое оружие против англичан, но в целом являлись важным и достаточно надежным инструментом колониального управления. Использование туземцев в репрессиях усиливало взаимную неприязнь племен и каст, воинственные группы на службе находили выход своей агрессии [20, с. 25, 28, 32, 64]. Полковник Серебрянников разделяет народы Индии на бесспорно годные к военной службе и бесспорно негодные, между которыми помещено множество племен, способных быть солдатами с рядом оговорок. К первым он причисляет сикхов, раджпутов, догров и гуркхов, к последним – бенгальцев и жителей некоторых районов южной части Индостана [20, с. 93–102, 117]. Его взгляд сквозь «военную призму» на этносы этого региона аналогичен точке зрения российских военных этнографов на подданных царя. Налицо то же смешение различных стереотипов, сомнений в лояльности, произвольных оценок умственных и моральных качеств, напоминаний о былой воинской славе и т. д. Также как и Риттих, Серебрянников увязывает годность к военной службе с чертами характера, которая считается общей для каждого этноса или уроженцев одного региона. Так, мадрасцы (телугу и тамилы), будучи «мягкими, несамоуверенными и несамостоятельными», оказывались плохими солдатами. Исключение составляли представители касты каланов, которые по традиции были или сторожами, или разбойниками. Мео или мевати, исповедующие ислам, по мнению Серебрякова,

не могли поставлять хороших солдат из-за сильных пережитков индуизма, пьянства и склонности к воровству. «Моголы, потомки завоевателей, хотя потеряли чистоту расы, по природной лени и гордости не склонны к земледелию и охотно идут в армию, давая довольно хороший материал». «Боевое прошлое маратов (маратхов. – *В.Л.*) говорит за то, что они должны обладать качествами хороших солдат. Когда-то они были деятельной энергичной расой, склонной к религиозному энтузиазму и полной военного пыла. Но продолжительное отсутствие практики войны и расслабляющее влияние мирной жизни не могло не отразиться на их военных свойствах. Марату нельзя отказать в храбрости, но это скорее храбрость разбойника, нежели настоящего солдата. Он храбр лишь тогда, когда предвидит выгоду от этого; когда же надежда на выигрыш потеряна, храбрость его иссякает. Высокие инстинкты солдата ему незнакомы. Никакая высокая цель не может одухотворить его до самопожертвования. В физическом отношении мараты не обладают ни пропорциональностью частей тела сейка (сикха. – *В.Л.*), ни крепкой, хорошо сложенной фигурой гурка, ни мускулатурой патана, но отличаются большой выносливостью и способностью переносить усталость и лишения» [20, с.130–133].

Солдаты индийских колониальных войск.

Благодаря монографии того же А.Ф.Риттиха русские без труда узнавали, как в Австро-Венгрии учитывали многонациональный состав населения при комплектовании армии. Территория двуединой монархии делилась на 80 округов, каждый из которых поставлял пополнение для комплектования 80 пехотных полков. Границы округов в основном совпадали с этнической картой, в результате чего эти части оказывались в национальном отношении в основном однородными. Поскольку стрелковые батальоны считались элитой армии, более половины их состава (17 из 33-х) были немецкими, хотя немцы составляли только четверть общей численности населения. Риттих объясняет такой разрыв их высоким уровнем образования, а также «спокойным и рассуждающим» характером, позволяющим с «...педантичностью, терпением и неотступным преследованием цели доведения стрельбы до лучших результатов». При этом ни один стрелок не говорил по-венгерски, так как «предназначение» мадьяр «по истории сего народа, его влечению и экономическому положению страны, направлено к службе в легкой кавалерии». Из 14-ти драгунских полков 6 пополнялись немцами, и это несоответствие их доли в населении Австро-Венгрии Риттих вновь объясняет их лидерством в культурном развитии: «...драгуны требуют особого рода интеллигентности в людях, которую легче добыть в среде развитого». То, что уланские полки комплектовались в основном поляками и украинцами (червоноруссами), а гусарские – поляками и венграми, автор также объясняет особенностями их характера и традициями службы в легкой кавалерии [5, с. 69–71].

Заметному преобладанию славян в австро-венгерской полевой артиллерии (около 53%) по мнению Риттиха способствовал «характер западных славян: покорный, исторически-дисциплинированный, стойкий в обороне, отважный, привыкший к крайним невзгодам и к ужасам войны и потому довольно равнодушный к явлениям смерти, которая всегда сильно свирепствует на поле битвы между артиллеристами, при их личной беззащитности и выдающемся на позициях расположением артиллерии» [5, с. 71]. При формировании же расчетов орудий, установленных в крепостях, на первое место при распределении новобранцев выступает проблема политической благонадежности. Поэтому почти половина канониров – немцы и венгры, чтобы именно в их руках находилась артиллерия опорных пунктов. Политический расчет становится еще более заметным на фоне того, что в этот род войск не брали румын, а канониры-славяне отправлялись служить в регионы, где во-

круг крепостей не проживали их соплеменники. При наборе в инженерные войска все внимание обращалось на грамотность и наличие ремесленных навыков. В тыловые части (санитарные, телеграф, обоз и пр.) направлялись лица, которые по своим физическим кондициям не годились для строевой службы. Военно-морской флот пополнялся за счет населения трех приморских округов, где решительно преобладали итальянцы и хорваты.

Идеальное похоже на реальное?

Пожарный «из анекдота» на вопрос об отличии скрипки от виолончели будто бы ответил: «Виолончель дольше горит», что вполне соответствовало его профессиональному ракурсу. Военные пытались оценить физические и культурные свойства народов, населявших Россию, с точки зрения сложившихся в армейских кругах представлений о том, каким должен быть идеальный пехотинец, кавалерист, сапер и т. д. Неожиданным последствием рассмотрения инородцев через военную призму стало внимание и к свойствам русского населения с точки зрения его достоинств и недостатков. Этот феномен заслуживает отдельной специальной работы.

Сохранение сословности мышления проявилось в том, что определенными «свойствами» наделялись фактически народные массы, представлявшие собой резервуар для пополнения армии солдатами. Национальная знать (тот же язык, то же вероисповедание, те же обычаи), получившая право поступать на службу на правах дворянства и быстро выслуживать офицерские чины, этими свойствами, по мнению «военных этнографов», либо не обладала, либо таковые ни на что не влияли. Армия была мощным интеграционным механизмом, национальная знать успешно встраивалась в имперскую элиту. Основные затруднения у правительства возникали именно в практиках включения простолюдинов в призывной контингент для пополнения армии солдатами. Есть основания полагать, что здесь имеет место перенесение русской модели разделения на европеизированные, т. н. «образованные слои», и на «народ», носитель традиционной культуры, а также уже упоминавшийся отказ признавать принадлежность к определенному этносу как фактор в правовой и административной деятельности.

При этом смешивались различные по своему характеру резоны: политические (сомнения в лояльности), антропологические (физические

и психологические свойства), социокультурные (воинские традиции). На умы разработчиков законодательства о воинской повинности заметное давление оказывала память о сопротивлении, которое оказывали народы при включении их в состав империи. Границы России сформировались в результате войн, в которых участвовало и страдало местное население.

Нельзя забывать и о негативном опыте решения «национального вопроса», накопленном к концу XIX столетия. Речь идет о провальных попытках ассимиляции евреев с помощью военной службы, о неудачах с упорядочением формирования милиции на Кавказе, о фактической (и вынужденной) отмене службы финляндцев, о катастрофических последствиях создания мононациональной армии Царства Польского, которая стала главной силой восстания 1831 года.

Выработке единых правил воинской повинности для всей империи препятствовали большие социокультурные различия регионов, неодинаковая военно-стратегическая обстановка. Трудно было найти общий «военно-административный знаменатель» для Эстляндии и Дагестана, для Мордовии и Казахстана. Наличие на сопредельной территории сил, способных под националистическими или религиозными лозунгами «смутить» подданных русского царя, также принималось во внимание (шведское влияние в Финляндии, турецкое – в Крыму и на Кавказе).

Главным же следствием активности «военных этнографов» стало фактическое признание того, что империю населяют не просто православные, католики, протестанты и мусульмане, а люди, принадлежащие к разным этносам.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.911. (Вешняков Владимир Иванович).
2. РГИА Ф.1246. (Особое присутствие о воинской повинности при Государственном совете).
3. РГИА. Ф.1276 (Совет министров)
4. РГИА. Ф.1374. (Канцелярия генерал прокурора Сената).
5. Австро-Венгрия / сост. Генерального штаба полковник А.Ф.Риттих, под ред. генерал-лейтенанта Н.Н.Обручева. СПб.: печ. в Военной тип. (в здании Главного штаба), 1874–1881. Отд. 1: Общая статистика. 1874. 131, [2] с.
6. Баженов П.Н. Сандепу-Мукден. Воспоминания очевидца-участника войны. СПб.: Сев. кн-во, 1911. [2], 362 с.
7. Безгин В.Б. Влияние солдатчины на сельский быт конца XIX века // Армия и общество. Материалы международной научной конференции. Тамбов, 2002.
8. Богданович Е.В. Стрелки императорской фамилии: Ист. очерк. 3-е изд. СПб.: Т-во Р.Голике и А.Вильборг, 1906. [6], 183 с.
9. Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку: Элм, 1990. 222 с.
10. Военно-статистическое описание Российской империи. Т.XVI. Ч.6. Эриванская губерния. СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1853. [6], 300 с.
11. Военное обозрение Одесского военного округа. Одесса: тип. П.Францова, 1871. [4], X, 632, 224 с.
12. Врангель П. В передовом летучем отряде генерала Ренненкампа // Исторический вестник. 1907. Т. 108. №4. С. 158–203.
13. Гатагова Л. «И сыну грозно возопил...» Армяне как объект фобии в Кавказском наместничестве // Родина. 2012. №8. С. 82–85.
14. Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991. 299 с.
15. К биографии адмирала Д.И.Кузнецова. Собственноручная приписка адмирала Дмитрия Ивановича Кузнецова к своему послужному списку // Море и его жизнь. 1903. №1.
16. Манифест «О заключении мира между Россией и Швецией» // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXX. 1808–1809. СПб.: Тип. Второго отделения Собств. е. и в. канцелярии, 1830. С. 1186–1193.
17. Риттих А.Ф. Племенной состав контингентов Русской армии и мужского населения Европейской России. СПб.: А.А.Ильин, 1875. [2], X, 352 с.
18. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: Репринт. воспроизведение изд. 1880 г. / Собр. М. Забылиным. М.: Совмест. сов.-канад. предприятие «Книга Принтшоп», 1989. III, 607, VIII с.

19. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2012. 453 с.
20. Серебrenиков К. Индо-британская армия. Ташкент: Штаб Туркестн. воен. окр., 1903. [6], X, 245 с.
21. Совет министров Российской империи в годы Первой Мировой войны. Бумаги А.Н.Яхонтова. Записи заседаний и переписка. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 558 с.
22. Статистическое описание Губерний и областей Российской империи. Т.XVI. Кавказский край. Ч.5 Кутаисское генерал-губернаторство. СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1858. [2], XXV, 334 с.
23. Хаген М. фон. Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874–1917 годы // Отечественная история. 2004. №5. С.37–49.
24. Шолохов М. Тихий Дон. М.: Изд. дом «Дрофа», 2002.
25. Riegg S.B. Russia's Entangled Embrace. The Tsarist empire and the Armenians, 1801–1914. Ithaca and London: Cornell University Press, 2020. 314 p.

Америка – единственная страна, перешедшая из стадии варварства прямо в стадию дегенерации, минуя стадию цивилизации.

Жорж Клемансо

Культ героев в Америке развит
необычайно, а герои всегда
выбираются среди уголовников.

Оскар Уайльд

Алдияр Канатбеков

ПОГАСНУТ ЛИ АМЕРИКАНСКИЕ ЗВЕЗДЫ НА НЕБЕ XXI СТОЛЕТИЯ?

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

УДК

327

Соединенные Штаты Америки играют ключевую роль в геополитическом пространстве на протяжении не одного десятилетия. Сегодня практически невозможно представить политическую, экономическую и какую-либо другую глобальную картину без упоминания Штатов. Однако серьезные трудности, с которыми Вашингтон сталкивается в наши дни, наводят на мысли о том, насколько реальна перспектива сохранения статуса США как мировой сверхдержавы.

The United States of America has been playing a key role in the geopolitical space for more than a dozen years. Today, it is almost impossible to imagine the political, economic and any other global picture without mentioning the US. However, it is common for any state to face difficulties, and today Washington is facing a serious series of the latter, which suggests the prospects for an American future as a world superpower.

Ключевые слова: США; НАТО; ЕС; американская внешняя политика; Россия; Украина; Азия.

Key words: USA; NATO; EU; American Foreign Policy; Russia; Ukraine; Asia.

E-mail: k.alldiyar03@gmail.com

Историю пишут победители, порой формируя не просто определенный взгляд на события прошлого, но и целые системы мировосприятия. Обратим внимание на государство, которое в качестве мирового лидера стремительно усиливало свое влияние, начиная с XX в.

Становление Колосса

Говоря о так называемых победителях, мы в первую очередь имеем в виду Соединенные Штаты Америки. История сложилась таким образом, что это государство на протяжении последнего столетия занимает доминантную позицию на мировой арене. Так вышло, что Штаты всю свою историю придерживались определенной политической концепции, зачастую не позволявшей стране ввязываться в конфликты и кризисы «старого света». В тех же случаях, когда американцы заявляли о поддержке определенной стороны в международных столкновениях, США удавалось извлечь из этих событий реальную выгоду. Эта концепция сохраняла и усиливала американское государство на протяжении долгого времени, в то время как остальные игроки терзали друг друга войнами и конфликтами. Вообще, сама природа помогла Штатам подняться на пьедестал лидера. Имея колоссальную ресурсную базу, а также удаленное от Европы и Азии географическое положение, США занимает большую часть Североамериканского континента. За невероятно короткий срок Штаты смогли развиться от отсталой полуаграрной страны, более 80 % которой не было заселено, в мировой центр экономики и промышленности. К середине XIX в. США стали господствовать на континенте, еще через полвека – в обоих океанах, а спустя еще 50 лет оказались мировой сверхдержавой. Оказавшись победителем в Первой мировой войне и понеся при этом минимальные потери, не сопоставимые с потерями Франции и Великобритании, США уже тогда начали постепенно вытеснять старых «чемпионов» мирового ринга. Следующим этапом американского возвышения стала победа во Второй мировой войне, по окончании которой в мире осталось лишь два равных по силе игрока, а именно Москва и Вашингтон. Но мир оказался слишком тесен для двух политических колоссов, тем более имеющих диаметрально противоположные концепции видения мира. Америка всячески пыталась контролировать расширение влияния СССР, что приводило к острым кризисам и войнам в разных частях земного шара. Фактическое поражение Советского Союза в холодной войне обеспечило мировое лидерство

США. Постсоветское пространство лежало в руинах. Не могли конкурировать с Америкой и все развитые страны Западной Европы. Период 1990-х – 2000-х гг. содержит немало примеров американской вседозволенности. Югославия, Ирак, Гаити, Панама, Афганистан и Ливия – это лишь небольшая часть из списка стран, подвергшихся непосредственной агрессии Штатов. Однако ничто не длится вечно. Многие специалисты утверждают, что для США настает решающий этап истории, который ознаменует собой либо еще больший взлет, либо падение, ведущее за собой непредсказуемые последствия.

Бомбардировка Югославии силами ВВС США, 1999 г.

Атлантическая архитектура

Говоря о Соединенных Штатах как о глобальном субъекте, необходимо иметь в виду тот факт, что на протяжении второй половины XX в. это государство активно развивало военные, политические и экономические связи с европейскими странами. Создание в 1949 г. НАТО официально положило начало американской «архитектуре безопасности», основанной на концепции межгосударственного военного сотрудничества, направленного на сдерживание внешней угрозы. После развала СССР в 1991 г. происходило расширение и укрепление альянса, приоритетные цели которого остались прежними, как и главный противник – Россия. Рос-

сийская Федерация, несмотря на всю свою слабость в 1990-х и ранних 2000-х гг., источала для Запада угрозу, окутавшись «призраком Союза» и продолжая сохранять силу, присущую империям.

По словам З.Бжезинского, «первостепенный интерес Америки состоит в том, чтобы помочь обеспечить такую ситуацию, при которой ни одна держава не контролировала бы данное геополитическое пространство (т.е. Россию. – *А.К.*), а мировое сообщество имело бы к нему беспрепятственный финансово-экономический доступ»¹. Именно эти условия позволяют нам сделать вывод о том, что иногда уместнее обсуждать политику не конкретно Вашингтона, а использовать такой термин, как «Коллективный Запад». Нетрудно догадаться, что во главе его находятся США – крупнейший поставщик оружия и, до недавнего времени, инвестиций в мире. Однако даже в такой выверенной архитектуре иногда обнаруживаются трещины.

Если в конце прошлого века Европа была для Штатов жизненно необходима ввиду существования СССР и теоретической возможности расширения его влияния, то после 1991 г. угроза с востока немного угасла, и с каждым годом американско-европейское военное сотрудничество становилось все менее выгодным для Вашингтона. Порядка 70% всего бюджета НАТО – американские деньги. Так, в 2020 г. вклад США в НАТО был равен 715 млрд долларов США, в то время как на долю крупнейших союзников Вашингтона приходились куда более скромные цифры: Германия – 53 млрд, Франция – 49 млрд, Великобритания – 67 млрд. Такое разграничение финансов вызывает немало вопросов у американской стороны и, в конечном счете, порождает требование Вашингтона повысить военные расходы в странах Европы. Интерес представляют не только возникающие в странах НАТО дискуссии по этой проблеме. Важен вопрос о том, насколько вообще осуществимо упомянутое требование США. За десятилетия господства «американского зонтика безопасности» многие европейские государства практически полностью переориентировали свою экономику. Так, в некогда мощнейшем европейском государстве – Великобритании, военные расходы составляют 2,25% от ВВП, во Франции – 2,07%, а в Германии всего 1,40%. Создается довольно парадоксальная ситуация, когда Европа разучилась жить без покровительства Америки, а последней стало попросту невыгодно тратить колоссальные ресурсы на ее защиту. Впрочем, делать однозначный вывод об ослаблении военно-политических связей США и Европы не приходится. Тенденции к ослаблению связей неоднородны.

¹ *Збигнев Бжезинский. Великая Шахматная Доска. М.: Междунар. отношения, 1998. С. 178.*

Так, правительство ФРГ решило приобрести 35 американских истребителей пятого поколения Lockheed Martin F-35A Lightning II для замены в военно-воздушных силах Германии истребителей-бомбардировщиков Tornado, используемых в качестве носителей тактического ядерного оружия – американских ядерных бомб серии B61. Как заявил канцлер Германии Олаф Шольц во время своего визита в Вашингтон: «Важно, чтобы все союзники – США и Германия, трансатлантическое партнерство США и Европы, НАТО – говорили одно и то же, говорили в один голос и действовали вместе» [8]. Многие европейские государства также выражают желание поддерживать тесные связи с военной машиной Штатов, в частности, это касается стран восточной Европы и Скандинавии. В декабре 2022 г. Вашингтон подтвердил намерение Варшавы закупить 116 американских танков Abrams в дополнение к соглашению, которое страна подписала в апреле, о покупке 250 боевых систем на сумму 4,75 млрд долларов, и это не единичный случай. В ноябре Швеция провела совместные учения с ВС США, с участием новейшей техники, в том числе, и наступательной [9]. Таким образом, атлантическая архитектура Штатов переживает определенные перемены, более выгодные для одних, и менее – для других, однако говорить о минимизации политических и военных связей по обе стороны Атлантики нельзя, в особенности, учитывая сегодняшнюю ситуацию.

Учения с использованием американской высококомбинированной артиллерийской ракетной системы (HIMARS) на базе вооруженных сил Швеции в Видселе (графство Норрботтен на севере Швеции) осенью 2021 г.

Новые реалии

Как писал Бжезинский: «Ближайшая задача заключается в том, чтобы удостовериться, что ни одно государство или группа государств

не обладают потенциалом, необходимым для того, чтобы изгнать Соединенные Штаты из Евразии или даже в значительной степени снизить их решающую роль в качестве мирового арбитра» [1]. Однако за первую четверть XXI в. международное пространство сильно преобразилось. В частности, мы можем констатировать ослабление американских позиций в мире, связанное с многими факторами, например, с экономической рецессией и появлением государств, способных бросать вызов господству Вашингтона на региональном и глобальном уровнях. Конечно, в первую очередь, это – КНР и Российская Федерация. Последняя, начав 24 февраля 2022 г. специальную военную операцию (далее – СВО) на Украине, поставила западный мир (в т. ч. США) в довольно неудобное положение. СВО стала, вероятно, самым серьезным испытанием для атлантического альянса. Именно это обстоятельство подталкивает страны Восточной Европы и Скандинавии активнее сотрудничать с Америкой, одновременно проверяя давние связи на прочность. Безусловно, не все европейские государства готовы на деле спонсировать Киев, ограничиваясь лишь словами поддержки и призывами к прекращению огня. Говорить о том, к чему приведет крупнейший со времен войны в Югославии вооруженный конфликт в Европе, вероятно, бессмысленно, однако можно смело утверждать, что действия Кремля и далее будут испытывать на прочность американско-европейские связи, которые продолжат существовать при любом исходе, но, вполне вероятно, изменят свой характер.

В новых реалиях построения многополярного мира авторитет США неуклонно падает. Тому есть множество причин, начиная с поражений на Ближнем Востоке и ухода американских сил из Афганистана и заканчивая экономическим отставанием от КНР. И, если противостояние Кремля и Белого Дома вполне естественно и не вызывает у мирового сообщества бурной реакции, то недавнее обострение отношений с Саудовской Аравией стало довольно сильным ударом по авторитету Америки на Ближнем Востоке. Эр-Рияд обозначил свою довольно жесткую политику по поводу решений ОПЕК+ о сокращении нефтяной добычи, а также о развитии двухстороннего сотрудничества с Россией. Эти решения заставили Вашингтон пересмотреть свою концепцию военного сотрудничества с ключевым игроком среди стран Персидского залива. Обостряет тревогу Штатов и эхо украинского конфликта. Многие страны

вынуждены занимать либо про- либо антироссийскую политику, и подобные жесты со стороны Эр-Рияда могут ставить под сомнение статус монархии как верного союзника Штатов. Впрочем, для Ближнего Востока есть куда более важные проблемы, требующие решения, включая и региональную гонку Турции, Саудовской Аравии и до недавнего времени могущественного Ирана, так что манипуляции принца Салмана во взаимоотношениях со Штатами не приведут к их разрыву, по крайней мере, пока. Однако общие тенденции ослабления позиции Штатов на Ближнем Востоке очевидны. Самыми яркими из них являются геополитическая победа РФ в Сирии (несмотря на предпринимающиеся за рубежом попытки пересмотреть итоги этой победы), а также усиление Анкары, которая явно стремится играть роль нового регионального гегемона. Приобретение Турцией С-400 у России имело серьезные последствия для американско-турецких отношений, что привело к исключению Турции из программы совместных ударных истребителей F-35 и санкциям США в отношении турецкого агентства по оборонным закупкам. Не менее релевантным остается и курдский вопрос, точнее, разногласия Вашингтона и Анкары по его поводу.

Новые вызовы, которые Москва бросает западному миру, неоднозначность и шаткое положение на Ближнем Востоке – это одни из ключевых реалий, на которые Вашингтон вынужден реагировать, дабы сохранить свое господство и первенство. Предвестниками вероятных в обозримом будущем трудностей на этом пути являются трещины, обнаруживающиеся сегодня в американской концепции «всемогущества», причем там, где их появление наиболее нежелательно для США. Ярким тому примером, является недавняя серия визитов государственного секретаря США Энтони Дж.Блинкена в страны Латинской Америки, во время которой, выявилось множество противоречий между вчерашними союзниками. Во время этих событий, президент Мексики Андрес Мануэль Лопес Обрадор, возможно, самый важный региональный союзник Соединенных Штатов, публично выступал против политики США.

Азиатский курс

Говоря о современных акторах, мы не можем не упомянуть Азию. Совокупные размеры азиатского рынка в несколько раз превышают европейские. Сегодня именно этот регион занимает ключевые позиции в мире, во многом определяя глобальную экономическую ситуацию, что, в свою очередь, дает некоторым крупным азиатским игрокам повод для

Государственный секретарь США Энтони Дж.Блинкен выступает на 52-й Генеральной ассамблее ОАГ в Лиме, Перу, 6 октября 2022г.

рассмотрения себя в качестве мировой державы. В сегодняшнем «американском контексте» заслуживают упоминания лишь несколько азиатских государств, во главе которых, безусловно, Китай.

Согласно национальной стратегии обороны США от 2022 г., Конгресс Штатов признает Пекин и расширение его влияния и агрессии в Азиатско-тихоокеанском регионе (далее – АТР) угрозой номер один [10]. Удивительно, что Россия, исторически воспринимаемая как главный соперник Штатов, упоминается лишь в третьем пункте, во втором пункте – укрепление сотрудничества с растущей сетью союзников и партнеров США для достижения общих целей. Безусловно, такой акцент на противостоянии Пекину означает, что центральное внимание Вашингтона в ближайшее время будет сконцентрировано именно на Тихоокеанском направлении. Создается впечатление, что Вашингтон готов пожертвовать некоторыми позициями в Европе и на Ближнем Востоке, но не позволит ослаблять свое присутствие в АТР. Сегодня мы можем все увереннее констатировать тот факт, что именно Пекин, а не Москва, является главным конкурентом для Вашингтона. Сравнить экономическую мощь Москвы и Пекина просто бессмысленно, так как по данным МВФ, ВВП КНР составляет 17.7 трл. долларов США, в то время как в РФ – 4.5 трл долла-

ров США. Пекин также наращивает свое влияние в ключевых странах Африки, Ближнего Востока и даже Европы, вытесняя Америку с рынка, которым последняя владела практически единолично. И если претензии Пекина на лидерство в глобальном пространстве можно характеризовать как умеренные, то свои интересы в Азии Китай готов отстаивать, возможно, любой ценой. Мы можем утверждать, что сейчас происходит то, что рано или поздно должно было произойти, а именно – прямое столкновение интересов Пекина и Вашингтона в Азии и во всем мире. Ситуация становится еще сложнее. В мировом экономическом пространстве Китай, безусловно, одерживает верх благодаря дальновидной инвестиционной политике, масштабам производства и добычи, глобальным проектам, таким, как «Один пояс – один путь». Штаты пытаются догнать Китай по темпам роста, создав Азиатско-Тихоокеанский торговый блок и всевозможные глобальные инфраструктурные и технологические программы. Так, Вашингтон, возможно, пытается победить Китай в его же игре, а главными партнерами США на пути к этой цели должны стать страны G7. По итогам одного из последних саммитов, страны G7 должны в течение 5 лет предоставить США 600 млрд долларов для инвестиций в глобальные инфраструктурные проекты, тем самым отвоевывая эту нишу у Китая. Сказать однозначно, получится ли у крупнейших экономик Запада одолеть Пекин в этом противостоянии – сложно, есть лишь некоторые факторы, говорящие о преимуществах той или иной стороны. Штатам, даже имея поддержку своих крупнейших союзников, будет очень сложно соперничать с Китаем в темпах и объемах производства. В то же время за последние несколько лет мировая общественность могла наблюдать замедление китайского роста, более того, многие аналитики не верят в цифры, предоставляемые китайской стороной, ссылаясь на их недостоверность и преувеличение. Так или иначе, ожесточенная борьба на мировом рынке будет продолжаться и усиливаться, как вероятно, и борьба вне экономического пространства.

Ошибочно полагать, что Вашингтон воспринимает КНР в качестве главной угрозы исключительно из экономических соображений. Давление Пекина на регион растет с каждым годом растет, что не может не беспокоить Штаты, которые стремятся всеми силами удержать Китай в континентальных рамках, хотя сам Китай в последние годы упорно стремится в океан. Если раньше Штаты держали ограниченный контингент войск на Японском архипелаге и в Южной Корее, то теперь численность американских ВС неуклонно растет. Конгресс ищет поддержки и у других стран региона, также опасующихся укрепления Китая. США

активно выступают в поддержку военных союзов, которые многие называют не иначе, как Азиатский НАТО, в котором главными союзниками Вашингтона стали Индия, Австралия и Япония. Цель Штатов предельно проста – не допустить усиления Китая и сохранить свое господство в Тихом океане. Именно поэтому так остро стоит вопрос о Тайване, где Штаты сделали двойную ставку: не признавая независимость Тайбэя и при этом утверждая его особый статус, не допускающий военного подчинения острова. Тайвань – первый, возможно, самый главный рубеж США, сдерживающий КНР. Именно за этот рубеж, протянувшийся от Алеутских островов, побережья Японии, Тайваня и Филиппин, по американской задумке, не должен прорваться Китай. В противном случае американская гегемония в Тихом океане будет поставлена под вопрос.

Совместные Американско-Корейские военные учения. 2022 г.

Звезды светят не только ночью Безусловно, для Соединенных Штатов настали трудные времена. Однако несмотря на то, что в Пекине, Москве и других центрах антиамериканских позиций, спешат увидеть крах заокеанской империи, Вашингтон продолжает оставаться сильнейшим, во всех смыслах, игроком

на международной арене. Тем не менее вполне вероятно, что угрозы, с которыми сегодня сталкиваются США, с каждым месяцем и годом будут становиться все серьезнее. Несмотря на всю экономическую и политическую мощь, Вашингтону, вероятно, придется приложить немало усилий для того, чтобы сохранить свое мировое положение. В противном случае, история станет свидетелем очередного кардинального изменения баланса сил, и, возможно, падения очередного сверхгосударства.

Рано или поздно все империи, насколько бы развитыми и могущественными они ни были, терпят крах. Известно и то, что ход истории непредсказуем, и, возможно, лишь ей известно о дне, когда американские звезды скроются с небесного горизонта. Впрочем, несмотря на уроки прошлого, ясно одно: глобальное противостояние между США и его соперниками продолжится, закаляя в ходе исторических перипетий главных действующих лиц мировой драмы. Но клинок зачастую ломается именно во время закалки...

Библиографический список

1. Бжезинский З.К. Великая Шахматная Доска. М.: АСТ, 2018. 384 с.
2. Травкина М.Н. США: меняющийся алгоритм развития: монография. М.: Весь Мир, 2018. 264 с.
3. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2012. 272 с.
- 4,5 Бжезинский З.К. Великая Шахматная Доска. М.: Междунар. отношения, 1998, 256 с.
6. Эксперт: США исключили Турцию из программы создания F-35, опасаясь утечки технологий // ТАСС: информационное агентство России // 23.12.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16672533> (Дата обращения: 02.02.2023). Текст: электронный.
7. Puchala D. The History of the Future of International Relations // Ethics and International Affairs. 1994. №8. P225.
8. Remarks by President Biden and Chancellor Scholz of the Federal Republic of Germany at Press Conference // THE WHITE HOUSE // 07.02.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/02/07/remarks-by-president-biden-and-chancellor-scholz-of-the-federal-republic-of-germany-at-press-conference/> (Дата обращения: 03.01.2023). Текст: электронный.
9. Swedish and American Forces Practiced Compating Targets in Northern Sweden // HIGHT NORTH NEWS // 30.09.2022. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/swedish-and-american-forces-practiced-compating-targets-northern-sweden> (Дата обращения: 16.04.2023). Текст: электронный.
10. DOD Releases National Defense Strategy, Missile Defense, Nuclear Posture Reviews // U.S. Department of Defense // 27.10.2022. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3202438/dod-releases-national-defense-strategy-missile-defense-nuclear-posture-reviews> (Дата обращения: 12.02.2023). Текст: электронный.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог, Президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр», главный редактор журнала «Россия XXI», главный режиссер театра «На досках», лидер движения «Суть времени»

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и Нового времени РГГУ

Волобуев Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Московского государственного областного университета

Рублев Дмитрий Иванович

кандидат исторических наук, доцент Факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории

Козлов Сергей Алексеевич

доктор исторических наук

Вербицкая Ольга Михайловна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва

Лапин Владимир Викентьевич

доктор исторических наук, заведующий отделом Новой истории Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Канатбеков Алдияр Галымжанович

независимый исследователь, МГИМО (У) МИД России, г. Москва

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph.D. of Physical and Mathematical Sciences, political scientist, President of the International Public Foundation "Experimental Creative Center", editor-in-chief of the magazine "Russia XXI", chief director of the theater "On the Boards", leader of the "Essence of Time" movement

Yurganov Andrey Lvovich

D.Sci., historian, Professor, Professor, Head of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Russian State University for the Humanities

Volobuev Oleg Vladimirovich

D.Sci., historian, Professor, Chief Researcher of Moscow State Regional University

Rublev Dmitry Ivanovich

Ph.D., historian, Associate Professor of the Faculty of Public Administration of the M.V.Lomonosov Moscow State University, leading specialist of the Russian State Archive of Socio-Political History

Kozlov Sergey Alekseevich

D.Sci., historian

Verbitskaya Olga Mikhailovna

D.Sci., historian, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow

Lapin Vladimir Vikentievich

D.Sci., historian, Head of the Department of New History of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Professor of the European University in St. Petersburg

Kanatbekov Aldiyar Galymzhanovich

independent researcher, MGIMO (U) Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECC.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киоске ИРИ РАН
по адресу ул. Дмитрия Ульянова, д.19,
тел. 8-499-126-94-18**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2023.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 30.10.2023. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 10,75 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 200207**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

5.2023 september-october

Theory and Practice of Political Games

Sergey Kurginyan

Speech at the program “Right to Know” _____ 6

Labels and Myths

Andrey Yurganov

The Hidden Personal Life of Stalinist
Playwright Alexander Afinogenov _____ 30

Pages of History

Oleg Volobuev

Kiranovs:
the Fate of Archpriest Dimitri and his Family _____ 46

Dmitry Rublev

All-Russian Federation
of Anarchist Youth (1918–1919):
Ideology and Evolution of Organizational Structures ____ 68

Resources of the Nation

Sergey Kozlov

Outstanding Agricultural Innovators of Russia in the 19th – early 20th Centuries. “He always needed activity...”: Afanasy Afanasyevich Fet (1820–1892) _____ 90

Olga Verbitskaya

The Latest Trends in the Demographic Development of the Rural Population of the Urals (2000s) _____ 120

National Doctrine

Vladimir Lapin

How to Serve Foreigners? The authorities' Ideas about the Peoples of the Russian Empire in the Context of Military Service. XIX–early XX Centuries ___ 128

Reader's Letters

Aldiyar Kanatbekov

Will American Stars Go Out in the 21st Century Sky? _____ 156

РОССИЯ XXI